

Анатолий Аграфенин

Неизвестная блокада:

МАЛАЯ ДОРОГА

ЖИЗНИ

Анатолий Аграфенин

Неизвестная блокада: Малая дорога жизни

НСКИЕ ВОЙСКА

Лемболово

СКИЙ ЗАЛИВ

Кронштадт

Сная
Горка

Лисий
Нос

ЛЕНИ

Ораниенбаум
Петергоф

ерново

Пулков
В

Пуш

порье

ГРУППА АРМИЙ «С

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ФРОНТ

Осиновец

ЛЕНИНГРАД

Шлиссельбург

р. Нева

Колпино

Мга

НО
ВЕР»

БЕСПРИМЕРНОМУ
ПОДВИГУ
ДОРОГИ
МУЖЕСТВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Анатолий Аграфенин – журналист, писатель. В прессе с 1980 года. Лауреат премии Союза журналистов СССР, премии правительства Санкт-Петербурга, премии имени Матвея Фролова. Написал более десяти книг. Член Союза писателей России и правления Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Постоянный автор газеты «Комсомольская правда».

ПРОЕКТ Вячеслава Заренкова
СОЗИДАЮЩИЙ МИР

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

Анатолий Аграфенин

Неизвестная блокада:
**МАЛАЯ ДОРОГА
ЖИЗНИ**

Санкт-Петербург
Фонд «Созидающий мир»
2018

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
А25

Художник *О. В. Кордюкова*

Аграфенин А. А.

Неизвестная блокада: Малая дорога жизни / А. А. Аграфенин. – СПб. :
Фонд «Созидающий мир», 2018. – 224 с. : ил.

A25

ISBN 978-5-9500340-0-8

Мы много знаем о блокаде, однако какие-то эпизоды все равно остаются в тени истории. С годами забываются факты, даты, имена. И это несправедливо. Вот почему фонд «Созидающий мир» и медиахолдинг «Комсомольская правда» решили подготовить эту книгу о малоизвестных событиях блокады Ленинграда.

Отправной точкой нашего исследования стал пригородный поселок Лисий Нос. Здесь установлен монумент «Дорога мужества»: солдат в зимней шинели и ушанке держит фонарь в вытянутой руке. За его спиной — мешки с мукой, спасенные из только что скрывшейся подо льдом машины. Авторы монумента — скульпторы Виктор Новиков и его ученик Андрей Поляков, архитектор Вячеслав Заренков.

Памятник посвящен Малой дороге жизни, снабжавшей в годы Великой Отечественной войны Кронштадт и Ораниенбаум, оказавшиеся в двойном кольце вражеской блокады.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Аграфенин А. А., 2018
© Кордюкова О. В., 2018
© Фонд «Созидающий мир», 2018
© Оформление ЗАО «Комсомольская правда»
в Санкт-Петербурге», 2018

ISBN 978-5-9500340-0-8

Благодарности

Помощь и поддержку в создании этой книги оказывали многие люди и организации. Мы хотим выразить свою искреннюю благодарность всем нашим бескорыстным помощникам:

Галине Антошевской
Ренате Витман
и коллективу Физико-технического
института имени А. Ф. Иоффе РАН
Евгению Воробьеву
Государственному мемориальному
музею обороны и блокады
Ленинграда
Алексею Захарцеву
Андрею Зонину
Надежде Егоровой
Валентину Елисееву
Надежде Карцевой
Михаилу Кирилюку
Виктору Кокосову
Лесе Колесниковой
Николаю Комарову
и Музею истории
Кронштадта
Олегу Константинову
Юрию Лебедеву
Марье Масса
Игорю Мокерову
Игорю Павловскому

Валентине Подгрушной
Камиле и Сергею Починым
Иосифу Романовскому
Андрею Селезневу
Александру Сенотрусову
и военно-историческому обществу
«Красная Горка»
Сергею Слободскому
Лидии Скобелевой
и коллективу школы № 438
поселка Лисий Нос
Олегу Тарасову
Анатолию Тиуну
и коллективу Ломоносовского
районного музея
Светлане Чеботаревой
и Наталье Егановой,
а также коллективу Центральной
библиотеки Ломоносовского района
имени Н. А. Рубакина
Никите Федорову
Марине Чистой
Ольге Шервуд
Константину Шолмову
Лидии Шундаловой

К читателям

В 2015 году был открыт монумент «Дорога мужества». Автор памятника — блокадник, известный скульптор Виктор Новиков. Ему помогал его ученик, скульптор Андрей Поляков. Я выступил в качестве архитектора монумента и руководителя строительства. Посвящен памятник защитникам Ленинграда, организовавшим в годы блокады бесперебойную связь с Кронштадтом и Ораниенбаумом. Именно через Лисий Нос была осуществлена уникальная операция — переброска целой армии, которая с Ораниенбаумского плацдарма начала разгром немцев под городом на Неве. Героическая, по-настоящему боевая дорога!

Но вот что вызвало тревогу. После открытия монумента многие, даже жители Лисьего Носа, задавали вопросы: а что это за фонарщик, почему он стоит именно здесь, а не на ладожской Дороге жизни? Оказалось, что люди просто не знали о тех событиях, которые происходили здесь, рядом с их домом.

Мы часто повторяем: «Никто не забыт, ничто не забыто». Но жизнь мчится вперед, умножая череду событий. И если не напрягать память, не продолжать поиски, то постепенно даже самые героические моменты войны могут забыться и уйти. Как уходят те, кто еще хранит воспоминания...

Вот почему такой своевременной и такой важной стала инициатива медиахолдинга «Комсомольская правда» и фонда «Созидающий мир» провести собственное историческое расследование о Малой дороге жизни. На протяжении 2017 года на страницах газеты были опубликованы материалы под рубрикой «Неизвестная блокада». Сколько людей включилось в эту работу, сколько уникальных фактов и историй удалось собрать и сохранить для наших потомков. По итогам этой работы фонд «Созидающий мир» издал эту книгу.

Я очень надеюсь, что история Малой дороги жизни подтолкнет многих к своим личным расследованиям. Ведь под Ленинградом — и не только — победу добывали наши с вами отцы и деды, родные нам люди. И память об их подвиге мы обязаны передавать из поколения в поколение.

*Вячеслав ЗАРЕНКОВ,
президент фонда «Созидающий мир»*

Вступление .

Непокоренная земля

Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград – один из немногих мегаполисов мира, который никогда не был захвачен вражескими войсками. Однако во время Великой Отечественной войны город оказался на грани жизни и смерти.

Гитлеровские войска 8 сентября 1941 года захватили Шлиссельбург и вышли к Ладожскому озеру. С севера Ленинград окружили финские войска. Город оказался отрезан от Большой земли.

Блокада длилась 872 дня.

И это одна из самых героических страниц в истории всей Второй мировой войны.

Сколько лет прошло, а блокада по-прежнему рядом с нами. И не только в памяти. Она незримо присутствует в жизни каждого ленинградца-петербуржца, каждого гостя города в прямом, «географическом» понимании этого слова.

Она на Невском, в надписи на доме 14: «Граждане! ПРИ АРТОБСТРЕЛЕ эта сторона улицы наиболее ОПАСНА».

Она в рваных отметинах на колоннах Исаакиевского собора, на фасаде храма Спас на Крови, на постаменте клодтовых коней на Аничковом мосту – это следы фашистских обстрелов.

Всего за годы блокады в Ленинграде разорвалось

148 478 снарядов
врага.

В среднем не менее 170 в день!

Но обстрелы и бомбежки стали не самым страшным испытанием. Люди оказались бессильны перед другим: в Ленинграде начался голод.

Нужно было срочно принимать меры. Так родился уникальный, еще неведомый истории план. Через Ладожское озеро была проложена трасса, по которой под бомбежками и обстрелами врага в блокированный Ленинград шли продукты, оружие и все самое необходимое. В обратном направлении эвакуировали мирных жителей, раненых. Эта трасса, спасшая миллионы людей, получила название Дорога жизни.

В Ленинграде все привезенное делили на два потока: основная часть предназначалась городу, вторая, поменьше, шла дальше.

Что за секретное направление?

Все 872 дня блокады в Финском заливе мужественно боролся Кронштадт.

На южном побережье, в районе сегодняшних городов Ломоносов и Сосновый Бор, не сдавался врагу небольшой пятючок непокоренной земли – Ораниенбаумский плацдарм. Эти два участка обороны, отрезанные от наших основных сил фашистскими войсками и морем, оказались в двойном кольце осады.

Сегодня с северного берега залива, через Кронштадт, к южному побережью можно доехать за полчаса по дамбе. Во время войны путь прокладывали по морю под прицельным огнем вражеских батарей и постоянными налетами гитлеровской авиации. Тем не менее грузы шли бесперывно. Летом – по воде, зимой – по льду.

По аналогии с ладожской трассой транспортную артерию через Финский залив называли Малой дорогой жизни.

Мы много знаем о блокаде. Но какие-то эпизоды все равно остаются в тени истории. К тому же с годами забываются факты, даты, имена. И это несправедливо. Вот почему фонд «Созидающий мир» и медиахолдинг «Комсомольская правда» решили подготовить эту книгу о малоизвестных событиях блокады Ленинграда.

Отправной точкой нашего исследования стал пригородный поселок Лисий Нос. Здесь установлен монумент «Дорога мужества». Солдат в зимней шинели и ушанке держит фонарь в вытянутой руке. За его спиной – мешки с мукой, спасенные из только что скрывшейся подо льдом машины.

Авторы монумента – скульпторы Виктор Сергеевич Новиков и его ученик Андрей Орестович Поляков, архитектор Вячеслав Адамович Заренков.

Создание памятника было давней мечтой Виктора Сергеевича Новикова. Ему, уроженцу Лисьего Носа, когда началась война, было двенадцать. Он пережил все ужасы блокады: голод, обстрелы, бомбежки. Спустя годы Виктор Сергеевич стал известным скульптором. Работы мастера – по всей стране. Но главный монумент, посвященный героической Малой дороге жизни, он хотел установить в родном Лисьем Носу. И его мечта сбылась.

Часть первая.

Остановить врага!

22 ИЮНЯ

22 июня 1941 года – черная дата в истории нашей страны. Хотя еще накануне, в солнечную и жаркую субботу, мало что предвещало трагедию. Люди отдыхали, веселились, планировали новую рабочую неделю...

В полдень 22 июня по радио прозвучало выступление народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова:

«Граждане и гражданки Советского Союза!.. Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...»

Так началась Великая Отечественная война, разделившая жизнь миллионов людей на «до» и «после».

Все помнят, во сколько началась Великая Отечественная война. Точное время нашло отражение даже в словах известной песни:

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.*

Но мало кто знает, что один из первых ударов принял Кронштадт. И случилось это почти на час раньше официального срока.

Ленинградцы слушают сообщение о начале войны

Кто там летает над заливом?

21 июня на Балтийском флоте завершились большие учения. Была суббота, и многие офицеры разъехались по домам. Над Балтикой стояла прекрасная погода. В Ленинград пришло долгожданное лето, период волшебных белых ночей. В Петергофе готовились к открытию 22 июня сезона знаменитых фонтанов, ждали в выходные десятки тысяч ленинградцев.

В шесть часов вечера в субботу, 21 июня, на дежурство по командному пункту участка ПВО в Петергофе заступил старший лейтенант Кушнерев. Ничто не предвещало беды. Однако в четвертом часу утра 22 июня с батареи № 413 на форте Обручев по телефону поступило донесение: «Слышим шум авиационных моторов!»

Первое, что подумал Кушнерев: «Может, это наши заблудившиеся после маневров самолеты возвращаются на аэродромы?»

Офицер дал команду осветить цель. Не наши! В лучах прожекторов наблюдатели сразу же опознали германские самолеты.

В районе маяка Толбукин незваные гости начали сбрасывать за борт какие-то предметы на парашютах. Наблюдатели определили: морские мины.

Позже, по сведениям из зарубежных архивных документов, выяснится, что из Кенигсберга в Финляндию перебазировали эскадрилью люфтваффе для первых авиаударов по городу на Неве. Аэродром в Утти, расположенный по дороге из Лаппеенранты в Коуволу, по которой в наши дни часто путешествуют российские туристы, существует до сих пор. Рядом со взлетными полосами на постаменте можно увидеть один из тех самых самолетов...

Немцы перебазировали в Финляндию десятки самолетов, в том числе «Юнкерс-88», которые способны нести на себе две с половиной тонны бомб.

Обо всем этом старший лейтенант Кушнерев не знал. Зато он понимал, что медлить нельзя, и дал команду открыть огонь.

Стоит отметить, что это решение потребовало от Кушнерева немало мужества. Советское правительство, стремясь оттянуть начало войны, строго выполняло договор с Германией о ненападении. Действовал приказ: не поддаваться на провокации. С мая 1941 года на Балтике было зафиксировано немало случаев, когда немецкая авиация залетала в советское воздушное пространство. Самолеты-нарушители следовало принуждать совершить посадку на наших аэродромах. Иногда это удавалось.

Немецкие пилоты, как правило, заявляли, что «заблудились из-за плохой погоды». И хотя всем было ясно, что они вели разведку, задержанных летчиков на их же самолетах вскоре отпускали.

Сбитый в первые часы войны фашистский самолет

Но 22 июня у офицера Кушнерева не было времени поднимать на перехват истребители. Пока дойдет команда, пока летчики взлетят — возможность задержать нарушителей будет утрачена. А сброс мин в наши воды — это реальная угроза, подобное нельзя оставлять безнаказанным.

Зенитчики не промахнулись. Два фашистских самолета упали в море. Один бомбардировщик совершил вынужденную посадку на нашей территории. Пленный командир экипажа не мог придумать ничего более оригинального, чем заявить, что вылетел на прогулку, но заблудился и был неправоммерно подбит над Кронштадтом.

Уже после войны в своих воспоминаниях о тех тревожных днях Кушнерев написал:

«Начались запросы по телефонам.

— Что за стрельба над Кронштадтом? — спрашивал дежурный 2-го корпуса ПВО из Ленинграда.

— Доложите воздушную обстановку над Кронштадтом, — потребовал командующий Северной зоной ПВО генерал-майор Ф. Я. Крюков.

На наш командный пункт прибывали по тревоге офицеры, а когда прибыл военный комиссар участка ПВО полковой комиссар Л. Л. Маргулис, он немедленно отстранил меня от дежурства.

— Мы разберемся, что вы натворили и по каким самолетам открыли огонь».

Старшему лейтенанту грозил трибунал. Но в полдень последовало официальное сообщение правительства о начале войны...

Кстати, несмотря на то, что атака немецкой авиации была отбита, бомбардировщикам удалось сбросить шестнадцать мин. Через несколько минут на од-

ной из них в районе Петергофа подорвалось советское судно «Рухно», которое по иронии судьбы шло с грузом в Германию.

В первые дни войны немцы сделали еще несколько попыток совершить налеты на Кронштадт — 23 и 24 июня, однако фактор неожиданности был утерян: зенитная артиллерия успешно отбивала атаки противника. За те дни удалось сбить четыре вражеских самолета.

После 24 июня немцы, поняв, что у них недостаточно сил, оставили Кронштадт в покое вплоть до начала блокады. Город-крепость и Ленинград получили время на подготовку к обороне.

Дежурный по командному пункту участка ПВО в Петергофе старший лейтенант Кушнерев, выполняя свой долг, без преувеличения совершил подвиг. Не побоимся предположить, что именно его решение оттянуло момент начала массированных бомбардировок Ленинграда и Кронштадта в первые дни войны.

Загадка черного дня

В официальной истории Великой Отечественной войны очень четко и неоднозначно говорится: фашистская Германия напала на СССР вероломно. Именно фактором неожиданности объясняются огромные потери нашей армии в первые дни и даже часы после того, как немцы перешли границу. Между тем во многих источниках утверждают, что накануне, 21 июня 1941 года, командующим армией и флотом Советского Союза поступил приказ о приведении частей в полную боевую готовность.

Об этом пишет в своих воспоминаниях бывший командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц:

«21 июня 1941 года около 23 часов на командном пункте флота в Таллине зазвонил телефон прямой связи с Москвой. Народный комиссар ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов сообщил мне:

“Сегодня ночью возможно нападение фашистской Германии на нашу страну”».

Дальше Трибуц пишет, что нарком приказал, не дожидаясь получения телеграммы, которая уже была послана, привести флот в полную боевую готовность и всякое нарушение государственной границы, и даже всякое действие против нашей страны, отражать всей мощью оружия.

Трибуц переспросил: «Разрешается ли открывать огонь в случае явного нападения на корабли и базы?»

«Да, приказываю нападение отражать всеми силами, — ответил Кузнецов, правда, тут же уточнил: — Но на провокации поддаваться не следует...»

Автор книги-хроники «Блокада день за днем» А. В. Буров, составивший последовательное и подробное описание событий в военном Ленинграде с 22 июня 1941 года по 27 января 1944 года, также пишет, что в городе на Неве в третьем часу ночи 21 июня получили секретную директиву.

В ней говорилось, что 22—23 июня возможно нападение немецкой армии на Советский Союз.

Почему же никто не отреагировал на прямые приказы командования не просто быть начеку, а находиться в готовности № 1? Почему ни о чем не знал старший лейтенант Кушнерев и не ведали миллионы солдат и командиров, капитанов и матросов? Будь наша армия и флот готовы к отражению неприятеля, то совсем иначе мог сложиться ход войны.

Ответ на этот вопрос историки ищут многие годы. Пока не нашли.

Время на часах переведено на военное...

Уже днем 22 июня Кронштадт, как и вся страна, перешел на жизнь по законам военного времени. На Якорной площади и в воинских частях состоялись митинги. Юноши, не дожидаясь повесток, записывались добровольцами на фронт. В первые дни войны в народное ополчение вступили пять тысяч кронштадтцев.

Знаменитый Морской завод начал работать по особому графику: в две смены с 12-часовым рабочим днем. На место ушедших на фронт мужчин вставляли женщины.

Но главное — город-крепость, созданный Петром I как плацдарм обороны Петербурга, начал готовиться к защите Ленинграда. Военнослужащие проверяли бомбоубежища, в домах устанавливали светомаскировку. В скверах, парках, на бульварах и во дворах рыли траншеи. По всему городу размещали зенитные батареи. Укрепляли форты вокруг Кронштадта.

После войны стало известно, что немецкое командование внесло Кронштадт в стратегический план нападения на СССР отдельным пунктом. Это был единственный малый город СССР, который упоминался в масштабной операции, и его захвату придавалось особое значение.

Ополченцы Кронштадта

Пушки на Якорной площади

Кронштадт не только закрывал подступы к Ленинграду со стороны Финского залива: на его складах хранилось огромное количество снарядов и боеприпасов, а батареи обладали огромной огневой мощностью. Подсчитано, что только за один залп все пушки Кронштадта способны были выпустить более

40 тонн смертоносных снарядов.

Всего в распоряжении артиллеристов находилось более

I 000 000 выстрелов.

Кронштадт достойно проявил себя в годы обороны Ленинграда. Да, здесь пережили все трудности блокады — голод, холод, отсутствие самого необходимого, но никогда не испытывали недостатка в огневой мощи. Более того, в первые дни блокады из Кронштадта в Ленинград были доставлены образцы пороха, для того чтобы наладить его производство на оборонных заводах блокированного города. Информацию об этой секретной операции спустя сорок лет после войны нашел ленинградский журналист Игорь Лисочкин. На основе его очерка, опубликованного в газете «Ленинградская правда», был снят известный советский фильм «Порох».

Без Кронштадта было бы тяжелее, а может, даже невозможно отстоять Ленинград.

План «Барбаросса»

План нападения на СССР в 1941 году, одобренный Гитлером, получил название «Операция “Барбаросса”». В его основе лежала концепция молниеносной войны – блицкрига, уже неоднократно оправдавшая себя в Европе.

Действительно, с начала Второй мировой войны немцы быстро овладели большей частью континента:

Дания пала через 6 часов,
Голландия продержалась 5 дней,
Югославия - II,
Бельгия - I8,
Греция - 24,
Польша - 27.

Дольше других продержались:

Франция - 6 недель,
Норвегия - 2 месяца и I день.

Гитлеровская Германия рассчитывала обрушить на Советский Союз удары в трех основных направлениях: на севере, в центре и на юге. Главной целью наступления на севере стал Ленинград. Его планировали захватить к сентябрю. Затем фашисты собирались сосредоточить свои силы и до наступления холодов войти в Москву.

Ленинград был не только военной целью. Со стратегической точки зрения это один из крупнейших городов Европы, обладающий серьезным промышленным и научным потенциалом. Захват Ленинграда обеспечил бы окончательный контроль гитлеровской Германии над всем побережьем Балтики. При этом немцам достался бы флот с мощнейшим вооружением и морское пароходство с первоклассными гражданскими и торговыми судами.

Но главное — победа под Ленинградом принесла бы Гитлеру огромные политические дивиденды. Это ведь не просто город. Во время Отечественной войны 1812 года Наполеон размышлял: Петербург — «голова» России, а Москва — ее «сердце». В советское время центр управления страной переместился в Москву, а «сердцем» СССР стал Ленинград — колыбель революции, символ Октября и всего советского государства.

Промышленная мощь Ленинграда

Накануне Великой Отечественной войны в Ленинграде работало около тысячи фабрик и заводов. Многие из них обеспечивали оборонную мощь СССР. С началом блокады большая часть предприятий была эвакуирована. Но пятьдесят основных остались и продолжили выполнение военных заказов.

Кировский завод выпускал тяжелые танки и самоходные артиллерийские установки.

Обуховский завод — снаряды.

Арсенал — пушки.

Ижорский завод производил корпуса танков, броневые автомобили, боеприпасы, бронеколпаки для дотов.

Адмиралтейские верфи — современные корабли, подводные лодки, катера, морские охотники.

Средне-Невский судостроительный завод — тральщики.

Даже косметическая фабрика «Северное сияние» выпускала в коробочках из-под пудры противопехотные гранаты.

Все цвета радуги

Немцы, гордящиеся организованностью и педантизмом, каждой военной операции давали кодовые названия.

Так, начало Второй мировой войны отмечено целой серией «цветных» стратегических планов. Все началось с оккупации Чехословакии в марте 1939 года — «Операция «Грюн», или «Зеленая».

Нападение на Польшу 1 сентября 1939-го — «Операция «Вайс», или «Белая».

Покорение Голландии, Бельгии и Люксембурга в мае 1940-го — «Гельб», или «Желтый» план.

Завоевание Франции в мае — июне 1940 года — «Рот», то есть «Красный» план.

Были, правда, и отклонения. Захват Дании и Норвегии в апреле — июне 1940 года проходил под названием «Маневры на Везере» — есть такая река

в Германии, впадающая в Северное море. А судьбу Греции в апреле 1941 года решил план «Проект 25».

Операцию против СССР – «Барбаросса» – назвали в честь германского короля, императора Священной Римской империи Фридриха I, носящего из-за густой рыжей бороды прозвище Барбаросса.

Действительно, Фридрих прославился своими завоеваниями, но считать карьеру этого полководца XII века успешной вряд ли возможно. Хотя бы потому, что свои дни он закончил бесславно и нелепо, утонув в горной речке... Почему на это не обратил внимание Гитлер – человек, известный своим суеверием?

Цель фашистов – Ленинград

В первые дни наступления на Ленинград немцы с боями прошли более шестисот километров (30–35 км в сутки). Казалось, план «Барбаросса» сработал. Гитлеровские войска форсировали серьезные преграды – реки Западная Двина и Великая. На их пути в окрестностях города Остров стоял мощный укрепрайон – часть так называемой «линии Сталина».

В канун Второй мировой войны вся Европа «увлеклась» строительством линий обороны. Первая мировая война показала, что крепости в средневековом их понимании недолго держат оборону. Даже в окопах и блиндажах солдаты более защищены, чем за стенами и башнями, возвышающимися над полем боя. Так родилась концепция возведения укрепрайонов. Правительства всех стран были убеждены, что от потенциального врага можно защититься многокилометровыми бетонными заграждениями, системами дотов, бункеров, артиллерийских и пехотных блоков, казематов и прочим.

Во Франции была построена «линия Мажино» на границе с Германией. Названная по фамилии военного министра Андре Мажино, она растянулась на 400 км.

В Финляндии с 1920-х и вплоть до 1939 года, когда началась зимняя война с СССР, возводили «линию Маннергейма», которой дали имя маршала Маннергейма. Она имела протяженность около 140 км – поперек всего Карельского перешейка от побережья Финского залива до Ладожского озера.

В Германии возвели Западный вал, так же известный как «линия Зигфрида», – около 630 км.

В основе концепций европейских армий закладывалась цель: задержать врага хотя бы на две недели, пока в стране идет мобилизация резервистов.

Увы, как показала практика войны, ни одна из линий обороны не справилась со своей задачей. Пала под натиском гитлеровской Германии хваленая и

«Линия Маннергейма» на Карельском перешейке

«Линия Сталина» у деревни Холматка Островского района Псковской области

высоко оснащенная «линия Мажино». Не смогла остановить Красную армию в ходе зимней войны 1939–1940 гг. и финская «линия Маннергейма».

Самая мощная оборонительная система создавалась в СССР. Кстати, в Советском Союзе укрепрайоны никогда не называли «линией Сталина». Это название впервые появилось в декабре 1936 года в статье русскоязычной газеты «Сегодня», издававшейся в Латвии. Статью перепечатала британская Daily Express, и термин «линия Сталина» получил распространение на Западе.

Строительство первых укрепрайонов в нашей стране началось в 1928 г. Сначала их было тринадцать. Они протянулись почти на три тысячи километров от Мурманска до Черного моря. В масштабах мира это была крупнейшая современная крепость, уступавшая по протяженности разве что Великой Китайской стене.

Островский укрепрайон мог стать одним из мощнейших, поскольку он строился в конце 1930-х и сконцентрировал в себе все самое новое и современное в обороне. Но из 250 объектов было завершено только 70. Помешала не Великая Отечественная война, а расширение границ СССР. С началом Второй мировой войны Советский Союз присоединил территории Западной Белоруссии, Западной Украины, Прибалтийских республик и Бессарабии. Поэтому посчитали, что «линия Сталина», оказавшаяся в тылу, больше не нужна. Ее законсервировали. Более того, с нее сняли практически все вооружение. И начали возводить новые укрепрайоны, названные в народе «линией Молотова», — в трехстах километрах западнее границы СССР 1938 года.

Этот просчет дорого стоил в дальнейшем. К 22 июня 1941 года «линия Молотова» была еще не готова. А «линию Сталина» успели подготовить к обороне лишь кое-как.

Части вермахта заняли Остров 5 июля, а уже 9 июля захватили Псков. До Ленинграда оставалось 280 километров. Кратчайший путь лежал по Киевскому шоссе через Лугу.

Но там немцев уже ждали. Еще 23 июня советское командование приняло решение о создании дополнительного рубежа обороны в районе Луги.

Стоит отметить, что тут реальный вклад в будущую победу внесли тысячи горожан. По приказу командования Ленинградского военного округа все, кто мог держать в руках лопату, были привлечены к трудовой повинности. А это мужчины в возрасте от 16 до 50 лет, женщины от 16 до 45 лет. Те, кто трудился на предприятиях и в организациях, обязаны были принимать участие в строительстве оборонительных сооружений по три часа после основной работы. Неработающие граждане несли трудовую повинность по восемь часов. График составлялся по принципу: 7 дней ежедневных работ, а затем перерыв 4 дня. Бригады ленинградцев к 20 августа 1941 года в Ленинграде и пригородах обородовали:

Первые дни Великой Отечественной войны

4612 бомбоубежищ,
рассчитанных на **814** тысяч человек,

336 погонных километров траншей.

В процессе строительства находилось

383 убежища на

65 тысяч человек.

Все эти меры дали ошутимый результат, задержали врага и в конечном итоге решили исход сражения за Ленинград.

К Луге немцы подошли 12 июля. Начались кровопролитные бои. Гитлеровские войска застряли на 45 суток. Они не только потеряли темп наступления, но и несли огромные потери.

В рядах гитлеровских войск появлялись первые сомнения в возможности быстрой победы.

Если б волны могли рассказать...

До войны все в СССР были убеждены, что, если война начнется, наши доблестные армия и флот будут бить врага на его же территории. Но реальность оказалась иной. Уже в июне 1941-го гитлеровцы заняли Вильнюс, Минск, Ригу и Львов. А 9 июля пал не только Псков. К этому дню немцы уже стояли в шестидесяти километрах от Таллина, где с 1940 года базировался Краснознаменный Балтийский флот.

С башни Длинный Герман на холме Тоомпеа в Старом городе хорошо просматриваются окрестности Таллина. Отсюда бойцы лейтенанта Свирина корректировали огонь корабельной артиллерии. Дальнобойные пушки были отличным подспорьем в обороне города. Но вражеский натиск нарастал.

Трагедия заключалась в том,
что благодаря мощнейшему флоту,
способному выполнить любые задачи,
Таллин стал неприступной крепостью с моря.
Но с суши никто не думал о защите
столицы Эстонии. Казалось,
город так далеко расположен от границ,
что враг попросту не сможет подобраться
к нему стремительно.

А он подобрался.

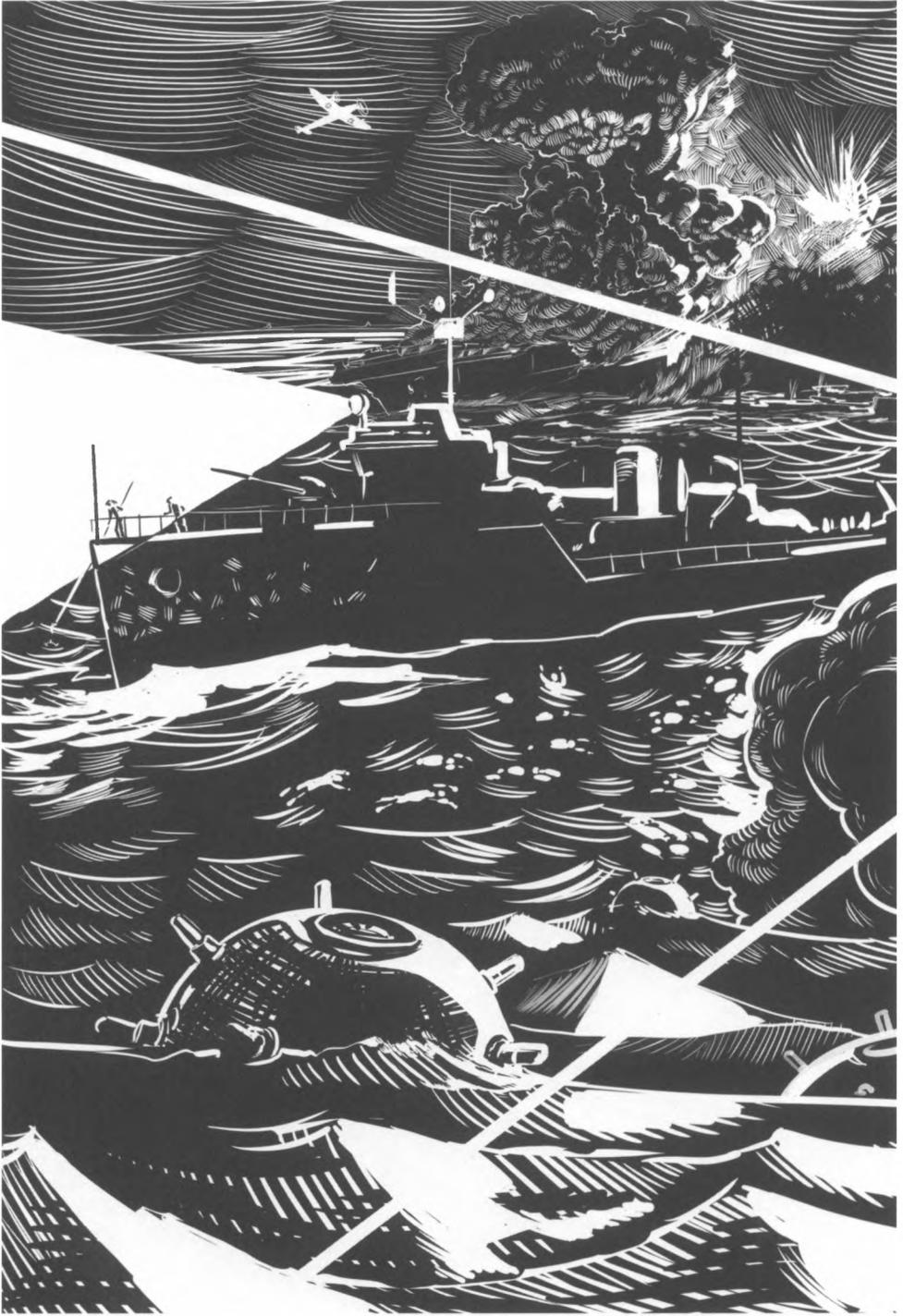
За две с половиной недели.

Увы, советское командование не смогло объективно оценить ситуацию. Когда руководство Балтийским флотом, видя развитие событий, предложило план передислокации военных кораблей в Кронштадт, это вызвало негодование главнокомандующего Северо-Западным направлением маршала Климента Ворошилова. Он и слышать не хотел об эвакуации. Бравый полководец, герой Гражданской войны считал, что гарнизон и флот не только должны удержать город, но обязаны, нанося контрудары, перейти в наступление и отбросить противника к границам.

Началась оборона Таллина. Немцы не планировали брать город «в лоб». Они его обошли и заняли позиции восточнее – на побережье Финского залива. Столица Эстонии оказалась в окружении. Снаряды заканчивались. Надвигалась катастрофа.

26 августа, когда вражеская артиллерия уже била по кораблям в гавани, наконец-то поступило распоряжение об эвакуации. Флоту предписывалось по центральному фарватеру выйти в Кронштадт.

Почему именно центральному?

Таллинский переход

Финский залив похож на узкое горлышко.
На севере – Финляндия, а значит,
опасность атак торпедных катеров и подводных лодок.
Так что с северным фарватером все было ясно:
тут прорваться к Кронштадту
без потерь шансов мало.

Хорошо был знаком нашим морякам южный фарватер. Им пользовались для сообщения Таллина с Кронштадтом. Еще за неделю до окружения столицы Эстонии советские корабли свободно курсировали вдоль южных берегов залива. Главное – здесь не было мин, которыми с началом войны буквально кишел Финский залив, за что моряки прозвали его «суп с клецками».

Но была опасность, что к южному берегу немцы подогнали артиллерийские орудия. Так это или нет, никто точно не знал – разведка не проводилась.

Конечно, орудия боевых кораблей были способны заставить замолчать береговые батареи противника. С боями флот мог бы прорваться. Но...

Короче, командование флота не стало настаивать против приказа идти по центральному фарватеру. В своих воспоминаниях командующий Балтийским флотом адмирал Владимир Филиппович Трибуц позже написал, словно

Разбомбленный Таллинский порт

успокаивая свою совесть: «Мы могли думать все что угодно, штаб же располагал более достоверными сведениями. К тому же у военных людей, да еще в военное время, не особенно-то принято доказывать вышестоящему военному органу, прав он или не прав. Приказ есть приказ, и его нужно выполнять. К этому можно добавить, что и обстановка была не та, когда можно опротестовывать решения...»

Погрузка на корабли и транспорты шла в спешке. Уже 27 августа можно было выходить. Но поднялся шторм. Боевым кораблям он был нипочем, но вот гражданские суда, перегруженные людьми — солдатами, ранеными, беженцами, — такого волнения не выдержали бы.

Не могли в шторм выполнять свою задачу и тральщики, которым было поручено освободить путь каравана от мин. Выход задержали почти на сутки.

Между тем немцы, следуя директиве Гитлера, делали все, чтобы не допустить переброску Балтийского флота в Кронштадт. Только в июле — августе они вместе с финнами установили 36 линий заграждений в заливе, а это около трех тысяч мин. На аэродромах караван поджидали 110 немецких и 10 финских самолетов, а наш флот не мог даже запросить поддержки с воздуха. Красная армия отступала к Ленинграду, перебазировались и аэродромы. Истребителям уже не хватало радиуса действия, чтобы прийти на помощь...

Первые корабли снялись с якоря 28 августа в 12.18.

Возглавлял переход крейсер «Киров». На нем эвакуировались Военный совет Краснознаменного Балтийского флота, члены Совета Министров Эстонской ССР, ценности Эстонского государственного банка и Красное знамя Балтийского флота.

Арьергард вышел в море после 21.00.

**Всего из Таллина ушло более 200
кораблей и судов.**

**Караван боевых кораблей,
гражданских судов и транспортов
растянулся на 30 километров.**

В 12.50 в небе появились первые немецкие самолеты-разведчики. Но не вражеская авиация нанесла первый удар.

Потери начались в 18 часов 28 августа, то есть когда даже не все корабли снялись с якоря.

По воспоминаниям командующего Балтфлотом Трибуца, первым на mine подорвался транспорт «Элла» с ранеными на борту. Он затонул за считанные минуты. Подобрать удалось всего несколько человек.

От ударов авиации затонул ледокол «Кришьянис Вальдемарс». Фашистские бомбардировщики атаковали транспорт «Вирония». На помощь поспешили корабль «Сатурн» и транспорт «Алев». И тут же подорвались на mine. Корабли гибли один за другим от мин, ударов с воздуха...

Командующий Трибуц, находившийся на борту головного корабля похода, крейсера «Киров», вспоминал: «Корабли почти непрерывно маневрировали среди плавающих мин... О том, как много их было, можно судить по записям в вахтенных журналах крейсера “Киров” и лидера “Минск”. Наблюдатели крейсера обнаружили мины в 19 часов 17 минут, 19 часов 38 минут и 19 часов 50 минут – с правого борта, в 19 часов 54 минуты – почти по носу, еще через две минуты – снова с правого борта. Пять мин за 39 минут! С лидера “Минск” одну мину увидели в 19 часов 34 минуты, три – в 19 часов 53 минуты, через 19 минут еще две мины, спустя 18 минут после этого – пять мин, в 20 часов 41 минуту – одну, в 20 часов 54 минуты – одну... Эти выписки можно было бы продолжить».

От мин прежде всего гибли гражданские суда и транспорты. Считается, что самые трагические события разыгрались у минных заграждений рядом с эстонским полуостровом Юминда – на полпути перехода. Несколько десятков кораблей лежат сейчас там под водой.

Документально не подтверждено, сколько людей исчезло в морской пучине. Некоторые источники называют 15 тысяч. Одно очевидно: подавляющее число погибших – это гражданские и раненые. В 2001 году на мысе Юминда решением президента Эстонии был открыт памятник погибшим. На камне выгравированы надписи на эстонском, русском, немецком и финском языках: «Жертвам Второй мировой войны».

А где же были тральщики, задача которых обезвредить фарватер от «рогатой смерти»? Оказывается, базовых тральщиков, участвовавших в переходе, было всего десять. От многочисленных взрывов они начали терять тралы и гибнуть от мин сами. Так в первые же часы перехода караван лишился тральщиков «Краб» и «Барометр». С минами боролись охранные корабли и катера, они пытались расстреливать плавающие мины. Но, увы, не успевали со всеми справиться. Часто моряки, не имея иных способов защиты, просто отталкивали мины от бортов баграми...

Все, кто преодолел Таллинский переход, наверное, родились под счастливой звездой. Но шансы выжить многократно возрастали, когда, проявляя мужество и отвагу, люди боролись за жизнь – свою, корабля, товарищей.

**СПИСОЧНЫЙ СОСТАВ КОРАБЛЕЙ И СУДОВ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА,
ПОГИБШИХ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ ТАЛЛИНА В КРОНШТАДТ
28-29 АВГУСТА 1941 г.**

1 - ТКА- 103	15 - ТШ - 56	28 - «Снег»	40 - «Палидиски» (плен)
2 - «Алев»	18 - «Эверита»	29 - «Циклон»	41 - «И-18» (плен)
3 - Ш-301	17 - «Эргонаутас»	30 - «Артём»	42 - «Аусма»
4 - МБ - 61 «Вейно»	18 - «Юпитер»	31 - «Володарский»	43 - «Скрунда»
5 - МБ - 62 «Капитан»	19 - С-5	32 - «Калинин»	44 - «Вторая пятилетка»
6 - «Элла»	20 - «Сатурн»	33 - ЛБ-21	45 - без названия
7 - «Луга»	21 - «Топаз»	34 - И-8р	46 - «И. Папанин»
8 - «Колыма»	22 - «Колывань»	35 - «Скорый»	47 - Танкер № 12
9- МО - 233	23 - «Ярвамаа»	36 - «Атта»	48 - «Лейк Люцерн»
10 - «Вирония»	24- ПП-5	37 - «Тобол»	49 - «Серп и Молот»
11 - ТТ - 1	25 - «Эвальд»	38 - «Балхаш»	50 - «Шауляй»
12 - ТШ - 42	26- «Кришьянис Вальдемарс»	39 - КП- 18	51 - без названия
13 - «Петергоф»	27 - «Найссаар»		53 - «Калпакс»
14 - ТШ - 71			

На борту транспорта «Казахстан» эвакуировались пять тысяч бойцов и таллинцев. Защита судна была чисто символической: три зенитки и десяток пулеметов. Во время авианалета бомба вывела из строя управление. Огромный транспорт, как раненый кит, оказался обездвижен в открытом море. Началась паника. Люди прыгали за борт. Но экипажу удалось восстановить порядок. Кое-как дали ход и сумели дойти до острова Вайндло, где на маяке был пост старшины 1-й статьи М. Н. Гушанинова. Под обстрелом вражеской авиации краснофлотцы маяка брали на буксир шлюпки и тянули их к берегу. Спасли 2300 человек. Затем выручили людей потонувшего транспорта «Вторая пятилетка». Спасенных перебросили на Гогланд, а после перевезли в Кронштадт. Туда же позже переправили и пострадавший транспорт «Казахстан».

29 августа первые корабли дошли до места, где начиналась зона действия наших истребителей и заканчивались минные поля. С острова Гогланд навстречу колонне спешили тральщики, буксиры, катера под командованием капитана 2-го ранга Ивана Георгиевича Святова. Экипажи кораблей помогали пострадавшим, подбирали из воды и снимали с тонущих транспортов людей. Спасли более двенадцати тысяч человек. Всех их потом переправили в Кронштадт.

За Гогландом крупные корабли Балтфлота увеличили скорость до 22 узлов. И 29 августа, между 17 и 18 часами, прибыли в Кронштадт.

30 августа стали подтягиваться другие уцелевшие суда.

Мыс Юминда (Эстония)

Таллинский переход

В своих воспоминаниях адмирал Трибуц писал о Таллинском переходе: «Историки по-разному оценивают его. Одни считают прорыв лишь героической эпопеей балтийцев, другие склонны видеть в нем явление трагическое и ищут причины этого. Я не разделяю ни той ни другой точки зрения. Прорыв был одной из крупных операций, проведенных Балтийским флотом в годы Великой Отечественной войны... Нам удалось вывести из-под удара основное ядро флота».

Операцию часто называют «Балтийской Цусимой».

Из Таллина, по разным оценкам, вышло от **204** до **225** кораблей и судов.

До Кронштадта дошло (опять же данные разнятся) от **148** до **163**.

Памятная доска в Кронштадте на Якорной площади

ру около 5000 человек. Некоторые историки утверждают, что Таллин покинули, включая экипажи, войска, членов семей моряков, гражданских лиц, около 42 тысяч человек, но в Кронштадт прибыли менее 27 тысяч...

На Якорной площади Кронштадта установлена памятная доска с названиями погибших во время Таллинского перехода кораблей и судов. На ней выгравировано, что в походе участвовало:

боевых кораблей и катеров — 129

вспомогательных судов и плавсредств — 75.

Из них погибли:

эсминцы «Скорый», «Артем», «Володарский», «Калинин», «Яков Свердлов»

сторожевые корабли «Снег» и «Циклон»

канонерская лодка И-8

подводные лодки С-5 и Щ-301

торпедный катер № 103

сторожевой катер МО-102

тральщики № 56 и 71.

И 42 вспомогательных судна Балтийского флота, суда и плавсредства гражданских ведомств.

Меньше всего потерь оказалось среди кораблей «москитного флота» — различных катеров, быстроходных и маневренных.

Практически не пострадали корабли арьергарда, которые, получив информацию о потерях основных сил, все же решились, вопреки приказу, самовольно изменить маршрут и пошли южным фарватером. На их пути мин не было. Обстрелы береговой артиллерии фашистов, еще толком не развернутой, не нанесли им существенного вреда.

Больше всего пострадали суда, перевозившие гражданское население и раненых. На штабном корабле «Вирония» погибли 2259 человек, на транспортах: «Балхаш» — 3815 человек, «Эверита» — 1550, «Найссаар» — 1500, «Элла» — 602...

Точное число погибших во время перехода до сих пор неизвестно.

Трибуц в своих мемуарах назвал цифру

Здесь же указано:

погибли в море при эвакуации 10 903 человека.

Из них военнотружеников и вольнонаемных — 7745 человек, гражданских лиц — 3158 человек.

Опыт Таллинского перехода послужил горьким уроком для дальнейших мероприятий по эвакуации баз военного флота. Он был учтен при отходе из Одессы, Севастополя и полуострова Ханко. Эти крупные операции удалось провести без серьезных потерь.

После эвакуации из Таллина базой Балтийского флота стал Кронштадт. Корабли сразу включились в оборону Ленинграда и сыграли важную роль в битве за город на Неве.

Сражения на подступах к городу на Неве

В исторических источниках принято считать, что битва за Ленинград началась 10 июля 1941 года, после того как наши войска оставили Псков.

12 июля начались бои под Лугой. А немцы развивали свой успех на востоке. В августе противник подошел к Новгороду, и 15 августа древний город был занят противником. Затем 20 августа немцы вошли в Чудово, а 30-го захватили Мгу, перерезав последнюю железную дорогу, связывавшую Ленинград со страной.

Между тем финская армия еще 29 июня начала боевые действия против СССР. К началу сентября на Карельском перешейке войска соседей дошли до старой советско-финляндской границы, которая разделяла наши страны до подписания мирного договора 1940 года после зимней войны. Но здесь, у Сестрорецкого рубежа, финское наступление было остановлено.

Существуют документы, согласно которым 4 сентября 1941 года в ставку главнокомандующего войсками Финляндии Карла Густава Маннергейма в Миккели прибыл начальник Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генерал-лейтенант Альфред Йодль. Он убеждал маршала начать наступление на Ленинград. Но финны якобы не стали испытывать судьбу.

После войны в своих воспоминаниях Маннергейм написал, что не хотел наступать на Ленинград. В мемуарах престарелый маршал, монархист по убеждениям, писал об особых чувствах, которые связывали его с Петербургом — с его молодостью, службой в царской русской армии. Впрочем, вряд ли маршалом двигали какие-то рыцарские чувства. Сводки боев показывают, что финны пытались атаковать нашу оборону на Карельском перешейке.

Российские историки убедительно доказывают, что легенда о том, будто финская армия ставила перед собой задачу вернуть территории, отобранные Советским Союзом в 1940 году, была выдумана задним числом. К 1 сентября 1941 года финны блокировали Ленинград со стороны Карельского перешейка. Здесь они сконцентрировали шесть дивизий и одну бригаду.

Маннергейм в начале войны решительно направил свои войска к Ленинграду. В течение нескольких дней финны пытались штурмовать советские укрепления, форсировали реку Сестру. Им удалось взять город Старый Белоостров и ряд населенных пунктов за рекой Сестрой, а также ближние подступы к Сестрорецку. 4 сентября они даже захватили один из передовых дотов Карельского укрепрайона.

Однако в результате контратак Красной армии финские войска были остановлены перед Сестрорецком. Более того, наши солдаты и офицеры смогли вернуть Старый Белоостров. 7 сентября финское наступление полностью захлебнулось.

Анализируя сложившуюся ситуацию, Маннергейм в своих дневниках позже написал, что остановил наступление, поскольку на пути его армии стояли хорошо защищенные укрепления, и штурм привел бы к огромным жертвам. Маршал решил просто ждать.

Впрочем, и финны не сидели сложа руки. Не очень большая и не сильно вооруженная армия развивала успех там, где Красная армия не могла оказать ей достойного сопротивления. Финны оккупировали север Ладogi, перерезав Кировскую железную дорогу, Беломорско-Балтийский канал в районе Онежского озера и Волго-Балтийский путь в районе реки Свирь, блокировав тем самым маршруты поставки грузов в Ленинград. И сегодня в Лодейнопольском, Подпорожском районе Ленинградской области, западных частях Республики Карелии, оказавшихся «под финнами» в годы войны, живы воспоминания о жестком режиме оккупации. Практически все местное население — а это тысячи человек — было размещено в концентрационных лагерях. Из страшного плена домой вернулась только половина...

Но, заняв рубежи на Карельском перешейке, финны участвовали в осаде Ленинграда так же, как и германские войска. К счастью, возможностей нанести нам существенный ущерб у них было намного меньше, чем у немцев.

И все же основные события в битве за Ленинград разворачивались на юге.

Сражения под Ленинградом вели бойцы 8-й армии. Они вступили в войну 22 июня с первого часа вероломного нападения Германии на СССР. Армия тогда дислоцировалась в Советской Литве. И вот так с боями она отошла за сотни километров к городу на Неве. Как вспоминал генерал Владимир Иванович

Сестрорецкий рубеж

Щербаков, командовавший 8-й армией, в течение трех очень тяжелых первых месяцев войны он не получил никакого пополнения.

К началу сентября в дивизиях оставалось не более 30–35 процентов личного состава, крайне мало было тяжелого вооружения и автоматического стрелкового оружия.

В армии царило упадническое настроение, переломить которое было сложно.

1 сентября фашисты заняли Копорье. До Ленинграда оставалось менее ста километров, а до побережья Финского залива и того меньше – километров двенадцать. Еще немного, и немцы могли сбросить вымотавшихся солдат в море.

Соотношение сил перед началом битвы за Ленинград (сентябрь 1941 года)

	Красная армия	Немецко-фашистские войска
Солдаты и офицеры	540 000 Плюс ополчение 160 000	810 000
Танки	700 (из них – 646 легкие)	440
Орудия и минометы	5000	5300
Самолеты	235	1200

К счастью, в это время подоспело первое подкрепление – бригада моряков. Видимо, формировалась она наскоро, поскольку командовал краснофлотцами сухопутный генерал. Храбрясь, он сказал Щербакову: «У меня приказ отбить Копорье. Чем можете помочь нам, товарищ командующий?»

На что, по воспоминаниям самого Щербакова, он мог ответить лишь одно: «Только советом...»

Нечего было и говорить о том, чтобы вступить в прямое столкновение со свежими и хорошо вооруженными гитлеровцами. Решили атаковать внезапно – ночью. Действительно, удар ошеломил врага. Из поселка Копорье его выбили. Но сил не хватало. До рассвета так и не смогли овладеть средневековой Копорской крепостью, где засели немцы и отчаянно оборонялись. Наступление остановилось, а потом пришлось отступать. Но в тот момент каждый такой на первый взгляд бессмысленный и отчаянный рывок становился успехом. Даже короткая боевая операция позволяла выиграть необходимое время.

Ожесточенные бои велись в районе поселков Гостилицы, Кипень, Ропша. Названия их хорошо известны многим петербуржцам как место дачных поселков и садоводств. А в 1941 году эти названия не сходили с уст солдат и командиров, поскольку тут сражались за каждую пядь земли.

В боях на подступах к Ленинграду участвовали курсанты военных училищ. На Кингисеппском шоссе у деревни Русские Анташи оборону держали мальчишки из Петергофского военно-политического пограничного училища под командованием майора Николая Александровича Шорина. Немцы несколько раз считали, что разгромили курсантский батальон, а он перегруппировывался и, собрав силы, снова бил по врагу с самых неожиданных для него сторон.

В сентябре ночью по тревоге был поднят батальон курсантов Военно-морского хозяйственно-интендантского училища и направлен в район Ораниенбаума. Курсантам — будущим военным морякам — выдали армейское обмундирование. Некоторые потом делились воспоминаниями, как их до глубины души оскорбил этот факт. Тогда командование училища попросило сделать некоторое послабление, и курсантам разрешили оставить тельняшку и широкий морской ремень с бляхой. И только! Но будущие морские офицеры — все как один — спрятали в противогазные сумки свои бескозырки.

По приказу начальника Ораниенбаумского гарнизона необстрелянный батальон поначалу направили во вторую линию обороны. Но было не до резерва, и вскоре курсанты оказались на переднем крае. Перед атаками они скидывали каски и, надев припрятанные бескозырки, бесстрашно шли в смертельный бой.

Враг рвался к Ленинграду. Курсантам пришлось столкнуться с 291-й пехотной дивизией вермахта, гордившейся тем, что она брала Париж. В итоге многие покорители Франции погибли на рубеже у Гостилицкого шоссе. Деревня Большие Илики — последнее, что они увидели в своей жизни.

К сожалению, в этих боях погибли и многие курсанты, мечтавшие о море. Но место подвига не выбирают.

Танкист из Книги рекордов Гиннеса

В знаменитой Книге рекордов Гиннеса отмечено много разных достижений. Одни из них — курьезны и совершенно не серьезны. Но есть и такие, что вызывают гордость.

Так, в книгу занесено достижение советского аса Зиновия Григорьевича Колобанова, который, будучи командиром роты, в боях за Ленинград провел самый результативный танковый бой во всей мировой истории.

Группа фашистских армий «Север», надвигающаяся на Ленинград, имела не только значительное численное преимущество. Она и технически была вооружена несравненно лучше. Одних только танков в арсенале немцев насчитывалось более четырехсот.

В распоряжении нашей армии было около семисот танков. Казалось бы, очевидный численный перевес. Однако 646 из наших бронемашин — это легкие танки устаревших моделей, которые, возможно, на учениях и демонстрировали невероятную прыть — перескакивали, как в знаменитом довоенном фильме «Трактористы», вражеские окопы и разрушенные мосты, — но в реальном бою были беззащитны под дулами вражеской артиллерии и танковых пушек.

Конечно, имелись на вооружении нашей армии и тяжелые машины. Такие как КВ-1, считавшиеся в то время одними из лучших танков в мире. Но их было мало.

Когда германские войска подошли к Гатчине, которая тогда называлась Красногвардейском, командующий 1-й танковой дивизией, генерал-майор Виктор Ильич Баранов, приказал роте Зиновия Колобанова — пяти тяжелым танкам КВ-1 — перекрыть развилку дорог с трех разных направлений: от Луги, Волосова и Кингисеппа.

19 августа 1941 года Колобанов со своими боевыми товарищами встал на позицию.

Старший лейтенант был уже опытным офицером. В 1936-м он окончил Орловское бронетанковое училище имени Фрунзе. Принимал участие в «финской» войне. Но главное, по словам однополчан, — он не просто хорошо знал свою машину, он буквально «чувствовал ее душу».

В районе поселка Войсковицы Ленинградской области Колобанов расставил танки — по два на боковых дорогах, сам встал в центре — в трехстах метрах от развилки.

На следующий день, 20 сентября, появились фашисты — сначала пехота. В 14.00 в бой вступили танки роты Колобанова на боковых дорогах. Грохотала стрельба, но старлей сидел в засаде. И лишь когда к развилке вышла танковая колонна противника, он сам вступил в бой.

Выждав, пока головной танк колонны поравнялся с двумя березами на дороге, Колобанов дал команду «Огонь!». После первых выстрелов три головные немецкие машины загорелись, перекрыв дорогу остальным. Затем КВ-1 перенес огонь на хвост колонны, после чего ударил по центру, тем самым лишив противника возможности отступить.

Немецкая колонна встала намертво. Стрельбе гитлеровцев мешали свои же танки. И Колобанов методично, одну за другой, стал добивать машины немцев.

Все произошло стремительно. После первого шока фашисты оправились и открыли огонь по колобановскому танку. Всего в ходе боя в нашу боевую машину попало 114 снарядов. Но не напрасно тяжелый КВ-1 считался надежным: броня выдержала. Однако был поврежден поворотный механизм башни. Как стрелять, если пушка не перемещается?

Стоит отметить, что при надежности брони КВ-1 был очень неповоротлив. Однако, несмотря на этот недостаток, танкисты продолжали вести прицельную стрельбу по врагу, маневрируя самой машиной: вперед-назад, влево-вправо...

Командир орудия Андрей Усов брал на прицел, стрелок-радист Кисельников заряжал, механики-водители Никифоров и Родников разворачивали гусеничного атланта, а Колобанов делал выстрел...

Бой длился всего 30 минут.

За это время Колобанов подбил 22 вражеских танка.

А в целом рота уничтожила 43 машины противника: 8 танков расстрелял экипаж младшего лейтенанта Сергеева, 5 подбил экипаж лейтенанта Евдокименко, 4 – экипаж младшего лейтенанта Дегтяря и еще 4 – экипаж младшего лейтенанта Ласточкина.

Среди советских танкистов потерь не было. Немцы отползли. Бой под Войковицами вынудил их изменить планы. Лишившись танковой поддержки, германское командование на время приостановило наступление. А это в очередной раз задержало нападение на Ленинград.

Вечером после боя в роту Колобанова приехал военный корреспондент и сделал фотографию экипажа.

Экипаж Колобанова

Позже Колобанова нередко спрашивали: страшно ли было им, горстке смельчаков, противостоять танковой колонне противника? На это Зиновий Григорьевич отвечал: «Я – военный человек, получил приказ стоять насмерть. А это значит, что противник может пройти через мою позицию только тогда, когда меня не будет в живых».

Танкистов представили к высоким наградам. Колобанова и Усова – к званию Героя Советского Союза. Но странное дело, их наградные листы кто-то перечеркнул красным карандашом и вписал: «орден Красное знамя». А пока документы проходили инстанции, Колобанова тяжело ранило. Может, в этом причина понижения статуса наград Колобанову и его экипажу? Красной армии в тот момент нужны были сражающиеся герои?

**В итоге в 1942 году Колобанову
вручили орден Красного знамени.
Усов был удостоен ордена Ленина.
Остальные члены экипажа получили ордена
Красного знамени и Красной Звезды.**

Тяжелое ранение мотало Зиновия Григорьевича из госпиталя в госпиталь вплоть до окончания войны. Затем в звании капитана он служил в Группе советских войск в Германии и Белоруссии. В 1958-м полковником ушел в запас и работал в ОТК Минского автозавода: контролировал выпуск тяжелых машин – троллейбусов.

Многие считают, что подвиг Колобанова недооценен. Уже упоминавшийся нами журналист Игорь Лисочкин, сам фронтовик и один из летописцев блокады, много раз писал в газете о том, что Зиновия Григорьевича и членов его экипажа несправедливо обделили наградами. «В любой стране мира за то, что совершил Колобанов, человеку должны были предоставить все высшие ордена, поощрения, повышения в звании. Почему ему не дали Героя?» – задавал с вопросом Лисочкин.

Его оценка боя под Войковицами однозначно дана в книге «Цитадель под Ленинградом»:

«Невозможно. Невероятно. Немыслимо. Подберите любое другое слово для события или факта, которое не укладывается в рамки человеческого воображения, и оно будет справедливо».

На месте боя экипажа Колобанова в селе Войковицы Гатчинского района Ленинградской области установлен монумент – танк на постаменте. Опять же по странному стечению обстоятельств один из самых знаменитых боев в истории тяжелой военной техники символизирует не КВ-1, реально участвовавший в сражении, а танк ИС-2, производство которого началось только в 1943 году, то есть через два года после подвига Колобанова и его экипажа.

Советский тяжелый танк КВ-1

Легендарный КВ-1

КВ-1 расшифровывается как «Климент Ворошилов». Невольно вспоминается знаменитое стихотворение Владимира Маяковского, посвященное погибшему при исполнении долга красному дикпурьеру Теодору Нетто:

*В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.*

В Советском Союзе в довоенную пору было принято называть именами вождей и героев не только пароходы. Прижизненное прославление подчас приводило к неловким ситуациям. Первые советские танки, созданные в 1920 году на базе трофейного французского «Рено», имели имена собственные: № 1 — «Борец за свободу товарищ Ленин», № 2 — имени Карла Маркса, № 3 — имени Карла Либкнехта, а № 4 называли «товарищ Троцкий».

Кстати, имя Троцкого в Гражданскую войну дали двум бронепоездам, а позже — целому городу. С 1923 по 1929 год Гатчина была Троцком. После разоблачения «культа личности Троцкого» опасные названия постарались побыстрее забыть.

К Клименту Ефремовичу Ворошилову претензий у советского руководства никогда не было. Командуя обороной Ленинграда, он в сентябре 1941 года лично водил морских пехотинцев в штыковую атаку на немцев. Правда, вскоре его сменил на этом посту Георгий Константинович Жуков.

Серийное производство танков КВ стартовало в феврале 1940 года на Кировском заводе в Ленинграде. В июне того же года сборка началась и на Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ). Это решение оказалось прозорливым и позволило позже, в период блокады Ленинграда, не снижать выпуск нужных фронту машин.

А в начале войны КВ-1 приводил немцев в ужас. Они прозвали его *Gespenst*, что в переводе означает «призрак». Дело в том, что снаряды стандартной 37-мм противотанковой пушки вермахта чаще всего не оставляли на броне советского танка даже вмятин.

Впрочем, по оценкам военных специалистов, КВ не имел особых преимуществ перед другим легендарным танком – Т-34. По огневой мощи обе машины были примерно равны, обе достаточно неуязвимы для противотанковой артиллерии. Но Т-34 обладал лучшими динамическими характеристиками и, что более важно в военное время, оказался дешевле и проще в производстве.

Танк КВ выпускали до 1943 года. Общее количество машин, собранных на Кировском заводе и ЧТЗ, составило 3539.

С 1943 года в производство была запущена усовершенствованная модификация КВ, только называли ее ИС-2, то есть «Иосиф Сталин».

Сегодня в мире сохранилось не более десяти танков КВ-1. В том числе в Центральном музее Вооруженных сил в Москве.

КВ-1 установлен как памятник на постаменте в поселке Ропша Ленинградской области.

В экспозиции мемориала «Прорыв блокады Ленинграда», недалеко от города Кировска, – еще два танка КВ.

В Санкт-Петербурге КВ установлен на монументе «Танк-победитель» в районе станции метро «Автово».

В выставочном комплексе молодежно-патриотического клуба «Сестрорецкий рубеж» можно увидеть башню танка КВ-1, переделанную в дни боев за Ленинград в огневую точку. Именно в этом месте наши солдаты остановили наступление финской армии с северного направления.

Конец блицкрига

И все-таки как же удалось остановить гитлеровское наступление на Ленинград? Ведь, напомним, за первые двадцать дней войны немецко-фашистские войска прошли более шестисот километров, а у стен Ленинграда им с трудом давался каждый метр.

Очень точно охарактеризовал то время директор Ломоносовского районного музея Анатолий Анисимович Тиунов: «В грозной, до отчаяния опасной обстановке первых дней войны были примеры, которые, как зарницы, высвечивали неизбежность нашей победы. На сотнях рубежей советские солдаты выходили с бутылками с зажигательной смесью против танков и с трехлинейными винтовками против автоматчиков. Гибли. Но продвижение немецких колонн, начавшееся с десятков километров в сутки, сократилось до единиц, а впоследствии и до нескольких сотен метров».

План блицкрига трещал по швам. Неминуемо приближалась зима. И 6 сентября 1941 года Гитлер подписал новую директиву: группе армий «Север» поручалось соединиться с финскими войсками, стоявшими на Карельском перешейке, взяв Ленинград в кольцо окружения. Далее «северянам» предписывалось не позднее 15 сентября передать группе армий «Центр» часть своих механизированных войск и авиационных соединений для наступления на Москву.

По сути, не сумев взять Ленинград с ходу, германское командование решило приступить к длительной осаде города. Нужны были силы для захвата Москвы. Наступательные ресурсы вермахта истощались. Блицкриг не получился.

Однако самолюбивый командующий группы армий «Центр» генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб ослушался приказа фюрера и предпринял последнюю, решающую попытку штурма Ленинграда. Сентябрьские дни 1941 года стали решающими для города на Неве.

6 сентября гитлеровцы снова пошли в наступление. Особенно упорные бои развернулись за деревню Кипень: доходило до рукопашных схваток, а Кипень переходила из рук в руки.

Очень важно представлять себе географию этих мест. Сегодня от Кипени до границы города всего несколько километров. До Пулковских высот — километров тридцать. И каждый бой, даже за небольшую деревню, поселок, городок, отвлекал основные силы врага от самого страшного — рывка к Ленинграду. А эти населенные пункты превращались в стратегические объекты.

Увязнув в боях за Кипень, гитлеровцы не могли двигаться дальше.

Но и наша армия вела не только оборонительные бои. Она не теряла инициативы и, когда предоставлялась возможность, бросалась в наступление.

7 сентября пришел приказ овладеть рубежом Гостилицы — Волховицы. Это совсем в другой стороне от Ленинграда, западнее Кипени километров на двадцать. Пока гитлеровцы бились, прокладывая себе путь к городу на Неве в одном месте, им ударили с фланга. Немцам пришлось перераспределять свои силы.

К сожалению, наступление на Гостилицы, как несколько дней до этого на Копорье, не было удачным. Но оно определенно оттянуло силы противника.

10 сентября командующим Ленинградским фронтом вместо Ворошилова был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков. И в этот же день фашисты предприняли новое наступление. Их главный удар был нацелен восточнее Кипени — на Красное Село, которое они в конце концов захватили 12 сентября.

Тем не менее наши войска успели создать на пути фашистов мощную артиллерийскую линию обороны — в Пулково и Колпино.

Жуков позже написал в своих воспоминаниях:

«Положение, сложившееся под Ленинградом, Сталин в тот момент оценивал как катастрофическое. Однажды он даже употребил слово “безнадежное”. Он говорил, что, видимо, пройдет еще несколько дней и Ленинград придется считать потерянным».

Ленинградский обком партии отдал распоряжение подготовить к взрывам основные заводы города. Корабли Балтийского флота готовили к затоплению.

Но это еще был не конец. Жесткий Жуков понимал, что нужно переломить пораженческое настроение, и издал беспрецедентный приказ о том, что за самовольное отступление и оставление рубежа обороны вокруг города все командиры и солдаты подлежали немедленному расстрелу. Страшные кары грозили даже семьям тех, кто отступал без команды, — их обещали подвергнуть репрессиям.

Защитники Ленинграда держались из последних сил. Вспоминая те дни, бывший командующий 8-й армии Щербаков писал: «В некоторых наших дивизиях насчитывалось не более двух, — двух с половиной тысяч штыков. Со всем мало оставалось артиллерии, еще меньше — снарядов и мин...»

Тем не менее Жуков подписал приказ, требовавший, чтобы лично командующий и все генералы 8-й армии повели полки в атаку. Это распоряжение немало удивило боевых генералов. Они не боялись ни пуль ни взрывов, но с горсткой солдат идти в штыковую на немецких автоматчиков... Генерал Щербаков в своих воспоминаниях тем не менее рассказывает:

«На следующий же день после получения приказа я собрал всех генералов на КП командира 2-й дивизии народного ополчения. Мы обсудили создавшие-

еся положение, распределили между собой полки, определили время начала артиллерийской подготовки...»

Когда генерал приехал в полк, который ему предстояло вести в атаку, оказалось, что в нем всего...

35 бойцов. Стоит уточнить, что согласно Постановлению Государственного Комитета обороны от 11 августа 1941 года «О формировании стрелковых и кавалерийских дивизий» стрелковая дивизия РККА должна была насчитывать 11 447 человек. Полк – 3182 человека.

«Командиры дивизий, – продолжает Щербаков, – конечно, знали, что из себя представляли наши полки, однако ни один из них не обратился ко мне с вопросом: целесообразно ли генералам идти в атаку, возглавляя столь малочисленные подразделения? Наоборот, выполняя приказ, генералы безропотно и без боязни за свою жизнь отправлялись на передний край, готовые идти впереди солдат в бой».

Штаб фронта требовал начать наступление немедленно. И наступление, неподготовленное, слабыми силами, началось.

В упорных боях советским войскам удалось достичь некоторого успеха. Но все-таки силы были неравны. Немцы вынудили наши войска отступить.

В итоге противнику удалось занять поселки Володарский и Урицк. Красная армия из-за угрозы окружения оставила Красногвардейск (Гатчину).

А 16 сентября фашисты захватили Стрельну и вышли на небольшом участке к Финскому заливу, отрезав от Ленинграда Ораниенбаум.

17 сентября пал Слуцк (Павловск).

18 сентября – Пушкин.

«Заставить противника повернуть три-четыре дивизии от Ленинграда – задача хоть и невероятно трудная, но решаемая и при наших возможностях», – вспоминал генерал Щербаков.

Утром 19 сентября началось новое наступление советских войск с запада. Ему предшествовал кратковременный артналет. Ошарашенные таким поворотом дел гитлеровцы, считавшие, что вот-вот парадом пройдут по Дворцовой площади, начали отступать.

Но и этот отчаянный прорыв наших войск продолжался недолго. Опомнившись, фашисты сами пошли в атаку. И снова, на время оставив свои стремле-

ния к Ленинграду, немцы двинулись в направлении Финского залива в попытке овладеть Ораниенбаумом, а Красную армию зажать у моря.

Тяжелые бои продолжались четыре дня. В них участвовали не только бойцы 8-й армии, но и полки ленинградского ополчения, отряды добровольцев, сформированные еще в первые дни войны в Латвии и отступившие за три месяца сражений к Ленинграду, эстонский рабочий полк и моряки-пехотинцы.

Генерал Владимир Иванович Щербаков командовал 8-й армией чуть более трех недель. В конце сентября его отстранили от занимаемой должности как «не справившегося». Позже он воевал в Заполярье. После войны командовал военными округами. Но те двадцать дней боев под Ленинградом считал самыми напряженными за всю свою жизнь.

Натиск врага удалось сдержать. И, понеся большие потери, несмотря на превосходство в несколько раз, гитлеровцы вынуждены были перейти к обороне, так и не захватив Ораниенбаум. Они стали укрепляться на рубеже Новый Петергоф – Томузи – Петровская. И эта линия фронта осталась неизменной до 1944 года – до начала разгрома гитлеровских войск под Ленинградом.

Гитлеровские атаки у Пулковских высот и Колпино тоже захлебнулись. И здесь их остановили защитники Ленинграда. По сути, к 20 сентября линия фронта у Ленинграда стабилизировалась.

Пиррова победа гитлеровцев

Тяжелые бои. Страшные потери. Но наши солдаты держались.

«Кажется просто чудом, что 8-й армии и Краснознаменному Балтийскому флоту удалось отстоять при таком безграничном превосходстве противника небольшую полоску побережья у Ораниенбаума... Трудно сказать, как протекала бы оборона Ленинграда и Кронштадта, не будь Малой земли», – написал после войны маршал артиллерии Георгий Федотович Одинцов.

Немцы одержали пиррову победу в те сентябрьские дни. Они еще даже представить себе не могли, чем все это обернется через два с половиной года. Но удача в войне складывается не из сиюминутных успешных боев, не из побед на отдельных участках фронта. Немецкий военный историк и генерал Курт Типпельскирх позже вынужден был признать поражение в сражениях на подступах к Ленинграду: «Немецкие войска дошли до южных предместий города, однако ввиду упорного сопротивления обороняющихся, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не имели».

Любопытно, что Типпельскирх – не историк-теоретик, он сам участник боев за город на Неве. Именно за сентябрьскую кампанию 1941 года он был награжден Рыцарским крестом и ему присвоили звание генерала пехоты.

Благодаря мужеству и упорству нашей армии и флота было выиграно ценное время. Больше фон Лееб не мог игнорировать приказ Гитлера об отправ-

Бои на подступах к Ленинграду

ке части своих армий к Москве. Он вынужден был приостановить активное наступление.

С этого момента в военных сводках появилась долгожданная фраза: «линия фронта стабилизировалась». Впервые с начала Великой Отечественной войны враг был остановлен и дальше не прошел.

Впереди война приготовила для нашей страны еще немало испытаний. Предстоят кровопролитные бои под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге. И все эти сражения завершились для нас победами. Но самая первая, хоть и тяжелая, с далеко идущими, даже трагическими последствиями, но именно первая победа была достигнута под Ленинградом, когда 18–19 сентября 1941 года у Ораниенбаума, Пулковских высот и Колпино впервые за всю войну фашисты уткнулись в сопротивление, которое преодолеть так и не смогли.

Окруженные под городом на Неве советская армия и флот оказались разделены надвое: блокированный Ленинград и небольшой пятачок земли у южного побережья Финского залива – Ораниенбаумский плацдарм.

Враг остановился в четырех – семи километрах от Ленинграда. От наших окопов – переднего края обороны было:

16 километров до Дворцовой площади,
до Кировского завода - **4** километра,
2 километра до Ижорских заводов.

Но Ленинград, находясь в блокаде, не замер. На заводах продолжался выпуск нужной для обороны продукции. Кировский выпускал танки. Ижорский производил бронев автомобили, боеприпасы, бронеколпаки для ДОТов и корпуса для танков. Город не планировал сдаваться.

Часть вторая.

Прозвучала команда:
«Огонь!»

Ленинград в блокаде всегда воспринимался нами как единое целое. И это на самом деле так и было. Все 872 дня тяжелой осады Ленинград мужественно сражался. Но в реальности вокруг города на Неве было не менее пяти участков обороны. Каждый из них оказался в своей блокаде, вел самостоятельную борьбу с врагом. Но все вместе они образовали Ленинградский фронт, воевавший с фашистами наравне со всей страной и внесший свою лепту в нашу победу.

Примерно пять тысяч квадратных километров занимал Ленинград и его пригороды, не оккупированные фашистами.

В отдельном блокадном кольце оказался Кронштадт, окруженный водами Финского залива. Территория острова Котлин, на котором стоит город-крепость, всего 16 квадратных километров. Рядом на островах, в большинстве своем рукотворных, держали оборону 19 фортов-крепостей.

В Финском заливе не сдавались врагу гарнизоны небольших островов. В ста километрах от Ленинграда находится остров Сескар, вытянутый на три километра и шириной чуть более километра. В 130 километрах от Ленинграда и в 78 километрах от Кронштадта еще два незахваченных острова: Лавенсаари (теперь он называется Мощный) площадью тринадцать с половиной квадратных километров, и остров Малый, совсем крошечный.

В первые месяцы обороны Ленинграда настоящим островом надежды стал Гогланд. К нему во время эвакуации из Таллина стремились корабли Балтийского флота. Именно по нему проходила незримая линия безопасной для них акватории. Но в конце 1941 года этот остров, самый близкий к берегам Финляндии, захватили финны и удерживали до конца войны.

На южном побережье Финского залива в ходе сентябрьских боев нашей армии удалось сохранить небольшой плацдарм. Фашисты отрезали сухопутные пути к нему, захватив район Стрельны – Петергоф. Единственным городом на этом пятачке был Ораниенбаум. По нему плацдарм и получил название – Ораниенбаумский. Единственная связь с Ленинградом и страной сохранилась через Финский залив. И Ораниенбаумский плацдарм находился в двойном кольце блокады.

Блокированный Ленинград с его анклавами – Ораниенбаумом и Кронштадтом с его островами – продолжал сражаться. Он не просто оттягивал на себя зна-

чительные силы противника, а регулярно проводил крупные военные операции, вел контрнаступления, нанося огромный урон врагу.

22 сентября 1941 года штаб военно-морских сил Германии выпустил секретную директиву № 1601, в которой, в частности, говорилось:

«Фюрер принял решение стереть город Ленинград с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса...

Предполагается окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения».

Но гитлеровцы прекрасно понимали, что им не расправиться с Ленинградом, прежде чем они не уничтожат два других участка сопротивления Красной армии – Ораниенбаумский плацдарм и Кронштадт.

Ключом к Ленинграду был Кронштадт. К Кронштадту – Ораниенбаумский плацдарм. Именно в такой последовательности, а не иначе.

Если бы немцы захватили Ораниенбаумский плацдарм, они стали бы полными хозяевами всего побережья Финского залива. Тогда они смогли бы безнаказанно обстреливать Кронштадт. Город-крепость оказался бы совершенно незащищен перед огнем вражеских батарей и долго продержаться бы не смог. А за Кронштадтом настала бы очередь и обескровленного Ленинграда...

Просчитав эту схему, определив свои задачи, гитлеровцы начали методично искать пути к захвату Ораниенбаумского плацдарма. Есть такое выражение: порядок бьет класс. Фашисты были уверены, что победа им достанется без особого труда. У них был порядок в частях и высокий класс. На том этапе войны они обладали численным перевесом в живой силе, огромным количеством танков, пушек, самолетов, боеприпасов. Одного чего-то им не хватало...

Бои у залива

Мы не зря делаем историческое различие между Второй мировой войной и Великой Отечественной. В Европе события разворачивались по отработанной многими веками схеме: агрессор наступал, громил армии, захватывал столицы, побежденные правительства капитулировали. В Советском Союзе никто сдаваться на милость врагу не собирался. Чем дольше шла война, тем выше возрастал накал сражений. Привычная логика стратегов не работала. Великая Отечественная заново писала мировую историю. А судьба Ораниенбаумского плацдарма — яркая глава в этой военной эпопее.

Что такое Ораниенбаумский плацдарм? Как он возник? Почему выстоял, несмотря на мощный, остервенелый напор гитлеровских войск?

Немцы победно наступали. До Ленинграда оставались считанные километры. Когда бои шли под Гатчиной, а это южнее Ленинграда, западнее города на Неве ситуация выглядела гораздо благоприятнее. У реки Воронки, в районе деревни Керново, врага удалось остановить.

Через много лет после войны известный ленинградский писатель, участник тех событий, Лев Успенский написал:

«Удивительное дело, фашистская армия форсировала сотни рек: Шельду и Маас в Бельгии, Сену и Луару во Франции, Вислу в Польше, но пересечь речку Воронку, которую курица вброд переходит, ей не удалось!»

На самом деле все было гораздо драматичнее и сложнее. В итоге в какой-то момент немцам удалось форсировать Воронку. Они закрепились и готовились двигаться дальше. И когда уже казалось, что безвозвратно потерян еще один клочок нашей земли, к бойцам 8-й армии подоспело пополнение — батальоны морской пехоты, набранные из курсантов морских училищ и экипажей боевых кораблей, прибывших из Таллина. Последние уже прошли суровую школу мужества, когда пробивались сквозь минные поля, отбивали налеты бомбардировщиков с воздуха, отстреливались от внезапных атак торпедных катеров.

Свежие силы сразу вступили в бой. Моряки не были обучены искусству сражений на суше. Они не умели окапываться, ходить в атаку, прижавшись к земле. Не владели они и навыками прицельной стрельбы. Всему этому они научатся потом. Но они твердо знали, что врага надо бить. Как позже вспоминали участники боев, сломил фашистов в тот момент не наш численный перевес, которого не было и в помине, и не мощные артобстрелы — их обеспечить мы просто не могли из-за недостатка пушек и минометов. Немцев сломали рукопашные бои. Врага приводили в ужас моряки, бесстрашно несущиеся с криками «Ура!» и через мгновение оказывавшиеся в их окопах. Надев бескозырку,

расстегнув ворот защитной телогрейки, чтобы была видна тельняшка, морские пехотинцы смело шли в штыковую. Гитлеровцы окрестили моряков «черной смертью».

Сегодня по берегам реки Воронки — леса. А в 41-м все деревья были скошены артиллерийским, гранатометным и пулеметным огнем. Стерто с лица земли оказалось несколько старинных, еще времен Древнего Новгорода деревень: Керново, Готобужа, Верхняя, Средние Лужки и Нижние Лужки. На их месте сейчас стоят памятные камни с высеченными названиями населенных пунктов.

Подвигу советских воинов посвящен мемориал «Берег мужественных» — 30-метровая бетонная стена с барельефами защитников Ленинграда. Рядом — подлинные противотанковые надолбы, свезенные к мемориалу с рубежей обороны. За реку Воронку фашисты уже пройти не смогли.

Увы, пока шли бои у реки Воронки, в 70 километрах восточнее в 20-х числах сентября 1941 года немцы прорвали нашу оборону и захватили Стрельну и Петергоф. Таким образом они расчленили оборону защитников Ленинграда на две части, отрезав от основных сил небольшой участок земли вдоль Финского залива.

Краснофлотцы

Монумент «Берег мужественных»

Гибель дворца

Бросок фашистов к Петергофу еще больше осложнил и без того трудное положение Ленинграда. В окружении под Ораниенбаумом оказались крупные соединения наших войск. В такой ситуации самое логичное решение — готовить прорыв. В сентябре — октябре 1941 года была разработана операция по освобождению Петергофа и воссоединению окруженных у Ораниенбаума частей нашей армии с основными силами под Ленинградом.

Прорыв готовили у Английского дворца, расположенного в парке на окраине Петергофа.

Английский дворец до Великой Отечественной войны

Командир саперного батальона А. С. Лобовиков — один из тех, кто участвовал в этих событиях. Он должен был со своими бойцами обеспечить наступление. Но, прибыв к Английскому дворцу, Лобовиков столкнулся с проблемой совершенно другого рода.

Появление немцев в Петергофе стало полной неожиданностью для жителей города. Спасаясь от фашистов, сотни женщин, стариков и детей бросились к Английскому дворцу и заполнили его подвалы. Они рассчитывали укрыться там на время, пока не закончатся бои. А гитлеровцы не собирались никого щадить. Они чувствовали, что во дворце есть какая-то жизнь, и били по нему из пушек и минометов. Здание превратилось в ловушку. Еще немного, и оно грозило похоронить под своими обломками беженцев.

«То, что творилось во время артобстрелов в подвалах дворца, описать невозможно, – вспоминал Лобовиков. – Непрерывный грохот от разрывов снарядов и от обваливающихся конструкций здания. Едкая кирпичная и известковая пыль. Дым. И все это при отсутствии света, воды, элементарных санитарных условий. Вокруг плачущие и стонущие женщины, дети, раненные...»

Стало очевидно, что, прежде чем наступать, нужно освободить подвалы от беженцев. Несколько ночей шла эвакуация гражданских. Помогла почти неповрежденная канализационная труба царских времен – широкая и укрытая от вражеских наблюдателей.

Только после того, как последние мирные жители покинули подвалы дворца, военные начали готовить саму операцию. Недалеко расположен пруд – узкий и вытянутый более чем на километр. Его предстояло форсировать. Провели разведку. Оказалось, что старый пруд местами обмелел настолько, что военная техника сможет преодолеть его вброд. Для пехоты сколотили деревянные мостки.

Наступление началось 5 октября. На рассвете, под прикрытием дымовой завесы, на фашистов двинулись наши танки, а за ними по мосткам пошла в атаку пехота. К сожалению, после суток кровопролитных боев наши попытки прорыва к Ленинграду захлебнулись.

Лишь спустя десятилетия стали известны другие подробности этой неудачной операции. Оказалось, что главную роль в ней должен был сыграть десант морских пехотинцев, который скрытно высадили в Нижнем парке Петергофского дворца.

Судьба петергофского десанта – один из трагических эпизодов блокады.

Неподготовленных и плохо вооруженных ребят без тщательной разведки и даже упреждающей артподготовки бросили в самое пекло. Сутки в Нижнем парке Петергофа шел бой, который завершился гибелью десанта. По официальным данным, из 510 моряков выжил только один – Борис Шитиков. Его, раненого, в заливе подобрали катера Балтийского флота. Многие годы история петергофского десанта замалчивалась. Да и сейчас вся правда о нем – о том, кто послал на верную смерть сотни людей, – полностью не раскрыта. Моряки дрались до последнего и приняли героическую смерть. Известно, что гитлеровцы после столкновения с десантом еще долгое время пребывали в шоке. Даже когда замолкли последние выстрелы, они не рискнули войти в Нижний парк. Они

Участки обороны блокированного Ленинграда

выпустили в аллее овчарок, которые, как дикие звери в Древнем Риме времен Нерона, растерзали еще живых, но получивших тяжелые ранения моряков...

Неудачное наступление несколько не улучшило положение наших окруженных частей. Они отошли к Английскому дворцу, который на два с половиной года, вплоть до снятия осады Ленинграда, стал восточным рубежом обороны Ораниенбаумского плацдарма.

В сегодняшнем Петергофе — великолепном городе-музее, в который приезжают миллионы туристов, — мало что напоминает о войне. А на архивных фотографиях можно увидеть, что тут творили фашисты. Разграблен и сожжен Большой дворец. Демонтированы и увезены неизвестно куда массивные скульптуры Большого каскада: Самсон, Тритоны, Нева, Волхов. Их так и не удалось найти, теперь на их месте — копии. В Верхнем парке вырублены деревья, а поперек парка выкопан глубокий противотанковый ров. Изящные павильоны Нижнего парка превращены в руины.

В павильоне Эрмитаж, например, прямо в роскошном зале, где прежде проводили изысканные обеды и приемы, поставили пушку, чтобы удобнее было бить по Кронштадту, а для дула проломили стену.

Десятилетия прошли, прежде чем Петергоф вернул свой первоначальный вид. Восстановить удалось многое, но, увы, далеко не все.

В списке безвозвратно утраченного значится и дворец в палладиювском стиле, находившийся на границе Петергофа в Английском парке. Его построил Джакомо Кваренги, автор зданий Академии наук на Васильевском острове, Эрмитажного театра, Смольного института и многих других. А небольшой Английский дворец, построенный по заказу Екатерины II, стал первым проектом великого итальянца. С ним в Россию пришел и новый стиль в архитектуре. Английский дворец положил начало классицизму в зодчестве.

Ограда Английского дворца — все, что от него осталось, — стала частью мемориала, обозначающего восточный рубеж Ораниенбаумского плацдарма, участка непокоренной фашистами земли от Петергофа до реки Воронки.

Пятачок стратегического назначения

Неудачная октябрьская попытка прорвать позиции гитлеровцев под Петергофом могла стать настоящей катастрофой. Возможно, в первое время командование Ленинградским фронтом так и относилось к этому событию. Вполне вероятно, даже возник план оставить южное побережье Финского залива, которое непонятно было какими силами и ресурсами защищать. Во всяком слу-

чае осенью 1941 года прошла эвакуация наших частей из-под Ораниенбаума. Немцы в своих сводках так и писали: «Красные бегут!» Фашисты называли этот участок фронта не иначе как «котел» и считали дни, когда они его ликвидируют.

Но в наших донесениях значимость этого клочка земли — «малой земли», как ее часто именовали, — постепенно повышалась. Поначалу его обозначали как Ораниенбаумский пятачок. Для обороны пятачка создали Приморскую оперативную группу. Штаб расположился в поселке Таменгонт. И тут же в частях Ленинградского фронта появилось шуточное наименование: Таменгонтская республика.

Происходила переоценка статуса пятачка.

Размеры Ораниенбаумского плацдарма были невелики: 65 километров по фронту и 25 километров в глубину. По территории это вдвое меньше, например, такого карликового европейского государства, как Люксембург.

Да, если рассматривать армию, оказавшуюся под Ораниенбаумом, как окруженную, тогда нужно как можно быстрее ее спасать, переправлять в расположение главных сил, на Большую землю.

Но если видеть в боях, сохранивших боеспособность и закрепившихся в тылу врага, реальную силу, способную противостоять агрессору, сопротивляться и самостоятельно наносить болезненные ответные удары, тогда это уже никакое не окружение. Это плацдарм, который в нужный момент может сыграть свою важную роль в борьбе с врагом.

Зато у Ораниенбаумского плацдарма была одна важная особенность, доставшаяся в подарок от самой матушки-природы. Чтобы понять, почему это место так высоко ценилось в годы войны и считалось стратегически важным, достаточно побывать в теперешнем Ломоносове. Берега Финского залива в основном низменные. А здесь, над морем, — высокие утесы. Говорят, холмы защищают от морских ветров и на южных склонах создается уникальный микроклимат, позволяющий на солнечной стороне выхаживать невиданные в наших краях растения. Якобы первый владелец Ораниенбаума князь Меншиков даже выращивал апельсины, что и дало диковинное имя городу.

В военное время, займи немцы Ораниенбаум, с высоких берегов они смогли бы обстреливать не только Кронштадт, — их снаряды долетали бы до центра Ленинграда. Вот почему с первых дней блокады был дан только один приказ: «Держаться! Любой ценой держаться!»

Секретное оружие

Оказалось, что у Ораниенбаумского плацдарма есть свое секретное оружие. Впервые о нем рассказал известный советский писатель Всеволод Вишневский.

3 мая 1942 года газета «Правда» опубликовала очерк Вишневского о первых боях на плацдарме.

Немцы рвались к морю. Опьяненные предчувствием скорой победы, они шли на штурм «последних опорных пунктов русских». За ними на километры горели наши деревни и дачные поселки. Скопище танков с крестами на бортах давило не собранный урожай на полях, и гитлеровцы мечтали с минуты на минуту омыть свои сапоги в водах Финского залива.

А в приморских лесах появились моряки. Они ловко карабкались на сосны, словно это были мачты учебных парусников, вниз спускали провода телефонной связи, на верхушках ставили оптику и оборудовали наблюдательные пункты. Вскоре дозорные — еще за десятки километров от них — поймали в окуляры своих биноклей передовые линии танков. Тут же в командный пункт полетели донесения и координаты целей. Долетят ли наши снаряды до вражеских бронемашин?

Прозвучала команда: «Залп!» Где-то тихо подтвердили: «Есть залп!» И все замерло.

Делясь своими впечатлениями, Вишневский пишет, что первого выстрела ждали, как прибытия скорого поезда.

И вот над головой пронесся снаряд. Качнуло воздух, дрогнули деревья, посыпались сухие ветки. И — удивительно — на мгновение снова стало тихо.

Но тут трянуло. Трянуло так, словно началось землетрясение, а в бинокль моряки увидели, как вдали у танков вверх выбросило пламя, землю, изуродованный металл. Второй залп смял сразу несколько танков. Фрицы не стали больше испытывать судьбу, развернулись и поспешили назад.

Так начали свою «работу» номерные батареи сверхмощных орудий форта Красная Горка.

Всеволод Вишневский очень хорошо знал, о чем писал. Старый, еще царский форт построили в канун Первой мировой войны для защиты имперской столицы. Но тогда он не пригодился. Первые бои одна из самых мощных крепостей XX века приняла в Гражданскую. Когда на поддержку белогвардейцев, наступавших на Петроград, в Балтику вошла английская эскадра, форт дал только один выстрел. Но его оказалось достаточно, чтобы несостоявшиеся интервенты немедленно убралась к берегам туманного Альбиона.

Форт Красная Горка, получивший до войны название Краснофлотский, Вишневский не раз описывал в своих произведениях. Здесь, в месте реальных событий, снимали в 1936 году и знаменитый фильм «Мы из Кронштадта».

Но теперь это было не кино. В очередной раз история готовила форту тяжелое испытание.

За танками к морю устремилась вражеская пехота. По разбросанной цепи солдат крупным калибром не ударишь. Немцы начали с «психической атаки»: «Шли молча, иные — закатав рукава или полуобнаженные, олимпийским спортивным шагом, неся греческий загар весны 1941 года, когда они захватили Элладу».

Ох, зря они так шли!.. Не видели они фильм «Чапаев», оттого не знали, что на испуг наших не возьмешь.

«Моряки скинули стальные шлемы, вытащили бескозырки, встали в рост и, подпустив немцев на 20—30 метров, дали старт флотской атаке в том стиле, в каком вышибали баронскую сволочь “ингерманландцев” с Красной Горки в 19-м году. Немецкая “олимпиада” разнесена была в клочья», — не без удальства отмечает писатель.

Форт отражал атаку за атакой.

**За несколько месяцев войны писатель,
частый гость на Красной Горке, насчитал
36 наступлений фашистов.**

Наконец они поняли, что приступом форт не взять. Угомонились. Форт приступил к своей обычной работе. «Красная Горка, как лев, положивший голову на лапы, держит в страхе врага и заставляет его сохранять приличную дистанцию», — такими словами завершил свой очерк Всеволод Вишневский.

Легендарная крепость

Легенды сами собой не рождаются. И не исчезают бесследно. На сосновоборском шоссе за поселком Лебяжье есть указатель «Форт Красная Горка». Вправо, по направлению к морю, начинается булыжная мостовая. Уложенная более века назад, она сохранилась неповрежденной на всем полуторакилометровом протяжении. Дорога ведет к старинному форту Алексеевский, названному в честь наследника престола. Это и есть Краснофлотский, или Красная Горка.

Форт строился как самая передовая крепость своего времени. Его бетонные стены росли не вверх, а спрятались на несколько этажей вглубь под землей, надежно укрыв орудия, орудийные расчеты, арсеналы, лазареты, казармы, командные пункты и другое, что простому обывателю и знать не нужно.

Красная Горка в наши дни

Дорогостоящая крепость имени Цесаревича не фигурировала роскошными фасадами и шпилями на башнях. Напротив, она укрылась в лесу на побережье, максимально вписавшись в рельеф местности. Можно стоять на крыше иного полуканонира, но пока не увидишь щели его амбразур, ни за что не догадаешься, что за холмик под твоими ногами.

Масштабы форта тоже впечатляют. Он растянулся на четыре-пять километров в длину, на два с половиной — три километра в глубину. Его пушки способны выпустить одновременно тонны снарядов.

Краснофлотцы заряжают пушки

Но все эти тонны-километры вряд ли что-то говорят несведущему человеку. Куда зримее и понятнее такой факт.

В декабре 1941 года шла эвакуация защитников острова Гогланд и полуострова Ханко. С финского берега караван обстреляли три неприятельские батареи. Несколькими залпами Красная Горка через залив подавила их огонь. Караван добрался до Кронштадта без потерь. Дело в том, что 305-миллиметровые орудия форта способны стрелять полутонными снарядами на 30—40 километров.

А первые залпы Великой Отечественной форт дал 31 августа 1941 года по скоплению немецко-фашистских войск в районе Копорья. Стрелять пришлось на дистанцию 30 километров. И 305-миллиметровые орудия справились с этой задачей успешно: гитлеровский участок обороны разнесло в клочья.

Фашисты не сразу поняли силу Красной Горки. Но когда они окончательно убедились, что их огромные потери от артобстрелов — не дело случая или какой-то особой удачливости большевиков, немцы перенесли свои передовые позиции южнее радиуса действия пушек.

Так Ораниенбаумский плацдарм обрел окончательные свои границы.

Но бить из 305-миллиметровых пушек по незначительным целям было неоправданно. Дефицитные и очень дорогие снаряды состояли на особом счету. Поэтому в поддержку крупнокалиберной артиллерии форта у приморских рубежей начали разворачивать береговые батареи более мелких, но от этого не менее эффективных калибров.

А у Красной Горки появились два бронепоезда: «Балтиец» и «За Родину!». На «Балтийце» гордились, что одна из установленных на нем пушек снята с легендарного крейсера «Аврора».

Борис Петрович

Бронепоезд «За Родину!» к началу обороны Ораниенбаумского плацдарма имел богатый боевой путь и тысячи пройденных километров. Войну он встретил под латвийской Либавой (Лиепайей). Вместе с 8-й армией прошел весь путь до Красной Горки. В сражениях бронепоезд был разбит вражескими обстрелами и бомбами настолько, что его даже хотели списать. Но личный состав предложил восстановить бронепоезд своими силами. В помощь артиллеристам и военным железнодорожникам пришли рабочие Ижорского завода. На тяжелые платформы поставили новую бронезащиту, обновили вооружение, пушки дополнили зенитные пулеметы для защиты от атак вражеской авиации.

У бронепоездов был очевидный плюс. Они, не боясь, что их зафиксируют вражеские наблюдатели-артиллеристы, могли стремительно передвигаться по плацдарму, появляться то тут то там в самых горячих точках и немедленно открывать огонь по противнику.

Забавный случай рассказал писатель Лев Успенский. Его отправили подготовить репортаж о бронепоезде «За Родину!». В сопровождение дали несколько солдат. Пока ехали, солдаты все время обсуждали какого-то Бориса Петровича. Говорили о нем с восхищением. И писатель понял, что речь идет о каком-то авторитетном командире или комиссаре.

Эта догадка укрепилась, когда прибыли на место.

«Борис Петрович вас ждет, товарищ писатель!» — торжественно сказал боец на посту.

Только Успенский оказался на борту, началась боевая операция. Бронепоезд помчался по рельсам, открыл огонь. Писатель с восхищением отзывался о бронепоезде. Он увидел грозную громаду на рельсах с ошетилившимися огнедышащими пушками и пулеметами. Переполненный впечатлениями Успен-

ский уже собирался в обратный путь. И тут вспомнил, что осталась невыясненной одна деталь.

«Кто тут Борис Петрович, которого все поминают с таким уважением, словно он Бог? Какого звания? Фамилия его как?» — спросил он у полкового комиссара А. В. Медведкова.

«Так он Бог и есть, — ответил комиссар. — А фамилии у него нет! Это для секретности мы говорим «Борис Петрович». А на самом деле это означает «Бронепоезд».

Как все оказалось просто! А ведь у Успенского в голове уже сложился репортаж о метких артиллеристах, бронепоезде и его могучем командире — легендарном Петровиче... Вот был бы конфуз, подсмеивался над собой писатель. Впрочем, признался он, не зря о бронепоезде говорили, как о живом настоящем солдате. Даже у закованных в броню поездов, бьющих ненавистного врага, есть душа.

Арифметика войны

Форт Красная Горка, как и другие форты Обручев, Серая Лошадь, артиллерийские батареи не только сражались за Ораниенбаумский плацдарм, орудия вели контрбатареиную борьбу с немецкими дальнобойными пушками, обстреливающими Ленинград.

Надпись на постаменте клоттовых коней на Аничковом мосту напоминает, что за годы блокады гитлеровцы произвели 148 478 выстрелов по городу на Неве. В среднем 170 в день! А могло быть и больше. И было бы больше, если бы не Красная Горка, пушки других фортов, береговых батарей и кораблей Балтийского флота. Суть контрбатареинной дуэли заключалась в том, что после каждого выстрела врага наши делали ответный. И вражеские пушки вынуждены были замолкнуть, потому что опытные артиллеристы понимали: каждый следующий залп выдаст их расположение и немедленно полетит ответный снаряд прямо к ним в лафет...

С началом «работы» наших пушек стали затухать залпы «с той стороны». Фашистское командование вынуждено было отвести не только свои передовые части, но и свою осадную артиллерию на 15–20 километров дальше от линии фронта.

Вот конкретная арифметика войны:

в первой половине 1942 года ежемесячно по Ленинграду выпускалось 5000–7000 снарядов,

в июле их стало 2010,

в сентябре – 926.

Восемь советских батарей, стоявших на обороне Ленинграда, обладали орудиями с дальностью стрельбы 23–44 километра.

С НОВЫМ, 1942-М!

Широкую известность на всех фронтах получила история о том, какие подарки артиллеристы Ораниенбаумского плацдарма приготовили гитлеровцам в первую ночь 1942 года.

Советская новогодняя открытка

В прифронтовой полосе, где деревни опустели, дома активно обживали солдаты вермахта. Разведчики, ходившие за языком, доложили, что оккупанты собираются весело и радостно отметить Новый, 1942 год. Когда до полуночи оставалось несколько минут, вместо боя часов раздались артиллеристские выстрелы.

Мороз стоял страшный — градусов тридцать. Снаряды, выпущенные из 305-миллиметровых орудий, при ударе о землю разрушали сразу два-три дома, набитых оккупантами. Из уцелевших домов гитлеровцы полуодетыми выскакивали в двери и окна и бежали в лес. Многие там и замерзли...

Таким был наш артиллеристский «тост» в честь Нового, 1942 года.

Самолеты как сдуло...

Один случай показал, что мощная артиллерия может быть одинаково эффективной и на земле, и на море, и в воздушном бою.

Со второй половины сентября фашисты начали бомбить Кронштадт. На город-крепость они летели с пяти направлений. С Красной Горки было видно, как в Кронштадте вспыхивают взрывы, черный дым поднимался над пожарами.

Командир 311-й башенной батареи 305-миллиметровых орудий форта старший лейтенант Виго Мустафаев несколько дней наблюдал, как бомбардировщики со свастикой неспешно пролетали над Красной Горкой к Кронштадту, неся свой смертоносный груз. И тут у него родился план.

Виго Мустафаев считался одним из лучших командиров на Балтике. В мирное время он неоднократно побеждал на учебных стрельбах. В первые дни войны его орудия уже открыли счет немецких потерь. Но все это были крупные наземные объекты — доты, танки, батареи врага. К тому же существовал категорический приказ командования: строго экономить боеприпасы, а за каждый выстрел 305-миллиметрового орудия командиры отвечали головой. Каждый снаряд должен был поражать цель.

Но 22 сентября в 11.28, когда над Красной Горкой появились очередные полсотни вражеских бомбардировщиков, направлявшихся к Кронштадту, старший лейтенант Мустафаев приказал открыть огонь. Это не был шаг отчаяния. И уж, конечно, не хулиганство со стороны артиллериста. Накануне командир орудия провел бессонную ночь в расчетах. Он многократно взвешивал все «за» и «против», прекрасно понимая, чем может закончиться для него этот единственный выстрел.

**Такого еще не было в истории артиллерии, чтобы
дальнобойные орудия с многокилометровой зоной обстрела
били в небо.**

Но план Мустафаева сработал. Полутонный снаряд взорвался в воздухе, выдав эллипс осколков в радиусе двух километров. Три «юнкерса» загорелись и упали в лесу, стройный ряд бомбардировщиков был рассыпан, словно их ветром сдуло. Самолеты тут же повернули назад.

На батарею прибыли особисты. С кителя Мустафаева сорвали все знаки различия и под конвоем отправили на гауптвахту в Лебяжье. Старший лейтенант Мустафаев, как в июне старший лейтенант Кушнерев, ждал сурового наказания — вплоть до расстрела по законам военного времени.

Но утром Мустафаева освободили, и сам командующий Балфлотом Трибуц вручил ему орден Красной Звезды. К тому времени уже задержали спрыгнувших с парашютом немецких летчиков, оценили масштаб фашистских потерь... Врага выстрел с Красной Горки привел в шок. С этого момента немцы закрыли для полетов одно из направлений авиаударов по Кронштадту и Ленинграду.

Мустафаев прошел всю войну. На груди артиллериста появились новые ордена за новые победы. Он прожил долгую жизнь. В свои 90 лет в начале

XXI века продолжал возглавлять совет ветеранов Ораниенбаумского плацдарма. Но навсегда для него остался памятным утренний залп 22 сентября 1941 года, который стал его первым настоящим подвигом на войне, а мог покрыть его имя вечным позором.

На войне как на войне...

Объект ЮНЕСКО

В наши дни форт Красная Горка больше не является военным. Теперь это объект культурного наследия нашей страны и Всемирного ЮНЕСКО. Военно-историческое общество «Красная Горка», собравшее людей разных возрастов и профессий, равнодушных к отечественной истории, много лет занимается восстановлением старой крепости. Ежедневно энтузиасты метр за метром благоустраивают территорию, ведут исследовательскую работу. Открыт замечательный народный музей, посетители могут осмотреть батареи, спуститься в расчищенные катакомбы, увидеть железнодорожные огневые установки, побывать в дотах.

Александр Сенотрусов

— Красная Горка — достояние нашей истории, ежедневно к нам приезжает множество туристов. Уверен, рано или поздно форт станет масштабным историко-патриотическим заповедником, рассказывающим о мужестве и героизме наших предков, — сказал председатель военно-исторического общества «Красная Горка» Александр Сенотрусов.

И вы можете, преодолев булыжную дорогу времен империи, побывать в легендарной крепости, открытой всем и каждому, но еще не раскрывшей все свои тайны.

Охота на «Аврору»

В наши дни легендарный крейсер «Аврора» стоит на вечной стоянке у Петроградской набережной. Корабль, участник Цусимского сражения и Первой мировой войны, вошел в историю, после того как его холостой выстрел явился сигналом к началу штурма Зимнего дворца. «Аврора» с тех пор стала одним из главных символов Октябрьской революции.

Накануне Великой Отечественной войны исторический крейсер все еще считался боевым, входил в состав отряда учебных кораблей Краснознаменного Балтийского флота. На нем проходили практику курсанты Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе. Каждый год весной на «Аврору» при-

бывали молодые моряки и служили на ней до осени. На следующий год их сменяли другие новички. Командование в начале 1940-х обсуждало вопрос о том, чтобы исключить «Аврору» из списка боевого флота и создать на ней музей, однако осуществить этот замысел помешала война.

22 июня 1941 года крейсер «Аврора» стоял в гавани Ораниенбаума. На борту находились 300 курсантов третьего курса со своими командирами и преподавателями. С началом войны учеба закончилась.

На крейсере решено было оставить пятнадцать человек для поддержания его жизнедеятельности. Остальные ушли на фронт.

В конце июня 1941 года из курсантов создали батальон морской пехоты, который направили в район Нарвы и Кингисеппа. Пятьдесят авроровцев вошли в состав сформированной Чудской военной флотилии. Около ста человек — в Ладожскую военную флотилию. Авроровцы также поступили в распоряжение старшего морского начальника в Ленинграде и Кронштадте. Когда фашисты прорвали фронт на подступах к Ленинграду в районе Гостилиц, туда немедленно выступил один из последних отрядов авроровцев.

На оборону Ленинграда были отправлены и орудия «Авроры». На небольшие суда Чудской и Ладожской флотилий — канонерские лодки — установили орудия малого калибра с крейсера. Девять бортовых орудий главного калибра встали на подступах к Ленинграду.

22 сентября 1941 года и сама «Аврора» приняла первый бой. В этот день немецкая авиация совершила один из первых массированных ударов по кораблям Балтийского флота, стоявшим на рейдах и в гаванях вокруг Кронштадта. В полдень более двадцати фашистских пикирующих бомбардировщиков атаковали «Аврору». Но их встретил зенитный и пулеметный огонь. Летчики не смогли провести прицельную бомбардировку и сбросили свои бомбы наугад. Крейсер остался неповрежденным.

Однако фашисты прекрасно знали, что «Аврора» — один из символов СССР. Началась настоящая охота за крейсером. В день первого авианалета к обстрелу подключилась вражеская артиллерия. Для корректировки огня над Гостилицкими высотами фашисты подняли аэростат с наблюдателем. На «Аврору» обрушился поток снарядов. И один из них имел прямое попадание.

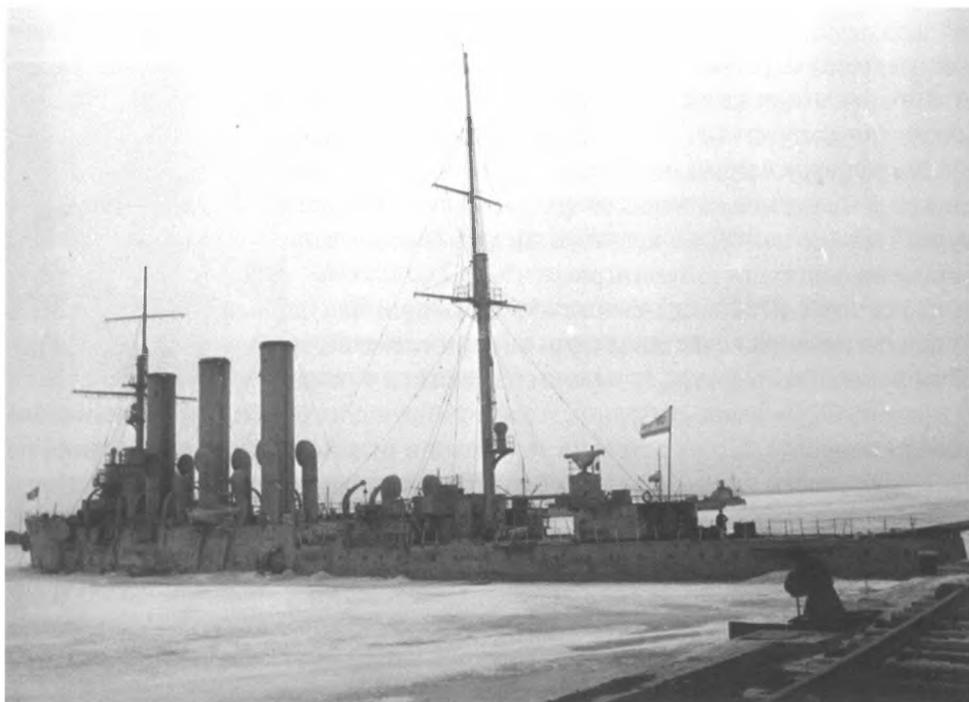
На следующий день обстрел порта Ораниенбаума и находившейся в нем «Авроры» продолжился. 23 сентября один из снарядов разорвался в воде рядом с кораблем. Ниже ватерлинии оказалась большая пробоина, через которую вода хлынула внутрь. Крейсер наклонился набок. Воду тогда при помощи насосов удалось откачать, корабль выровняли.

Но узнаваемый силуэт старого корабля с высокими дыми́ми трубами, увы, был хорошо виден из Петергофа даже без бинокля. Символ революции стал отличным ориентиром для вражеских артиллеристов.

Тогда командование приказало погасить котлы. Встали машины, прекратилась откачка воды, и поврежденный крейсер с каждым днем наполнялся водой. Уже через несколько дней нос корабля высоко задрался вверх.

«Стало ясно, что скоро мы либо ляжем на борт, либо перевернемся, — вспоминал участник тех событий, бывший командир отделения трюмных машинистов «Авроры» Н. А. Кострюков. — Тогда крейсер закрыл бы своим корпусом вход в гавань».

Решение нашли нестандартное. Команда под руководством Кострюкова открыла кингстоны левого борта. Вода быстро заполнила помещения левого борта. — погреба, отсеки, откосы, и корабль снова выровнялся и встал своим килем на грунт.

«Аврора» в гавани Ораниенбаума

Даже подтопленная «Аврора» сохранила свою боеспособность, поскольку верхняя и батарейная палубы оставались на поверхности. Корабль продолжал нести службу.

Моряки спасают танки

В конце осени 1941 года с «Авроры» сняли последнюю, десятую пушку главного калибра и установили ее на бронепоезд «Балтиец», оборонявший рубежи Ораниенбаумского плацдарма у форта Красная Горка. В форт Красная Горка отправили корабельную радиостанцию.

Команда, оставшаяся на крейсере, сошла на сушу. От гавани Ораниенбаума до передовой оставалось около шести километров. Также была опасность высадки вражеского десанта со стороны захваченного фашистами Петергофа. Краснофлотцы заняли оборону у гавани: вырыли в мерзлой земле траншеи и подготовили четыре блиндажа с амбразурами, направленными на залив и в сторону фронта.

Но и крейсер команда не бросила. На корабле продолжали нести дежурство.

Однажды на «Аврору» пришли танкисты и сообщили, что на нейтральной полосе есть много подбитой техники, в том числе танки КВ и Т-34, которыегодились бы для обороны. Чтобы их вытащить, нужны тросы. А что может быть надежнее корабельных?! Авроровцы не только поделились своим имуществом, но и направили часть команды в помощь. С участием моряков танкисты крепили и строили тросы. Танки удалось благополучно перетянуть на плацдарм. Из-под самого носа гитлеровцев!

Команда «Авроры» несла боевую службу на легендарном крейсере, испытала на себе все тяготы блокадной поры. В самые суровые дни зимы 1941/42 года суточный паек бойцов и моряков состоял из 300 граммов хлеба, мучного супа и каши из заварной муки.

За годы войны крейсер получил пятнадцать прямых попаданий тяжелыми бронебойными снарядами. Корабль весь был в ранах. Рваные дыры зияли на верхней палубе и бортах. Только в надводной части «Авроры» насчитали свыше 1300 пробоин.

Но все годы блокады над кораблем реял Краснознаменный флаг. Даже когда во время одного из обстрелов в августе 1943 года он был сбит, его немедленно выловили из воды и водрузили на место.

20 июля 1944 года, когда уже была снята блокада, «Аврору» подняли с грунта гавани Ораниенбаума и перевезли в Ленинград.

В августе 1944 года исполнительный комитет Ленгорсовета принял постановление об установке «Авроры» у Петроградской набережной в качестве музея-памятника истории флота. Но прежде нужно было заделать огромную

пробоину, полученную в первые дни блокады. «Аврору» на буксире перевели в Кронштадтский док для ремонта.

Еще будучи на реконструкции, крейсер принял участие в торжествах, посвященных 30-летию Октябрьской революции. 6 ноября 1947 года корабль на время установили у моста Лейтенанта Шмидта. После праздника «Аврору» вернули на завод для завершения ремонта.

17 ноября 1948 года крейсер перевели к окончательному месту стоянки на Большую Невку.

Кронштадт — крепость в море

После эвакуации Балтийского флота в августе 1941 года из Таллина его главной базой стал Кронштадт. Стратегическое значение города-крепости на острове Котлин возросло многократно. В строю находилось 140 боевых кораблей, из которых около двадцати — основных классов, своей артиллерией способных «достать» противника на расстоянии десятков километров.

Шансов захватить Кронштадт, высадив десант, у врага практически не было. После начала войны командование Балтийского флота приняло все меры по укреплению крепости.

Первая линия обороны состояла из фортов Первомайский (Тотлебен), Красноармейский (Обручев) и Комсомольский (Риф). Правый фланг этой линии замыкал мыс у Сестрорецка, а левый — Толбухин маяк. Здесь стояли мощные орудия для борьбы с танками и десантными катерами.

Артиллерия Кронштадта могла не только отразить прорыв противника со стороны залива, но и обстреливать Карельский перешеек на глубину до двадцати километров. Именно мощь этих орудий поддерживала стабильность линий фронта под Сестрорецком и Белоостровом, не давая финским войскам продвинуться дальше к Ленинграду. Финские дивизии вынуждены были остановиться у Сестрорецкого рубежа и занять оборону, которая продолжалась без малого три года — до наступления советских войск.

Но обладавшие такой сокрушительной огненной мощью корабли сами были весьма уязвимы. Тесно им было в Маркизовой луже, как часто называли Финский залив. Некуда было плыть мощным крейсерам и линкорам. Чуть влево, чуть вправо от Большого морского канала — и попадешь на мелководье. В главном фарватере полно мин. Скованный флот, как связанный гигант. Немцы решили этим воспользоваться.

В сторону Кронштадта направились орды фашистской авиации.

Морской бой

От взрывов закипала вода

Первый налет на корабли Кронштадта враг совершил 16 сентября, потом 19-го. Тогда пятнадцать «юнкерсов» сбросили бомбы в Средней гавани, в районе Морского завода и госпиталя. Согласно официальным данным, повреждения были незначительные, зенитчики и истребители отогнали фашистские бомбардировщики.

Уже к 21 сентября к Кронштадту прорвалось целое полчище немецких самолетов – 180. Воздушную тревогу в городе объявили в 11 часов утра, и она не прекращалась семь часов – вплоть до наступления сумерек.

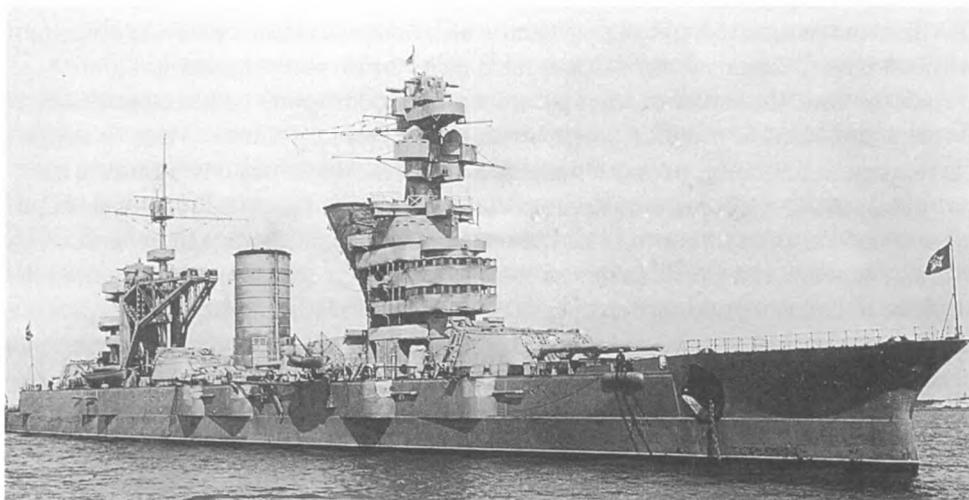
Очевидцы вспоминали, что в небе было темно от бомбардировщиков «Ю-87» и «Ю-88». Группами по 30–40 машин они устраивали «карусели» над целями, то есть друг за другом поочередно с воем уходили в пике и бросали бомбы. Это был тот случай, когда вода в гавани закипала, земля сотрясалась от взрывов.

В эти дни все причалы Морского завода были заняты кораблями. У Лесной гавани стоял крейсер «Киров». В Средней гавани – линкор «Марат».

На Восточном рейде самолеты напали на эсминец «Стерегущий». Экипаж этого корабля уже показал себя в боях. В середине августа «Стерегущий» эскортировал в Кронштадт пассажирский теплоход «Вячеслав Молотов», превращенный в плавучий госпиталь. На борту судна, помимо экипажа и медицинского персонала, находились 3168 эвакуированных и раненых, в том числе 809 лежащих больных. В районе острова Гогланд госпиталь «Молотов» наскочил на мину. К счастью, остался на плаву. «Стерегущий» взял теплоход на буксир и, высадив 600 человек раненых на Гогланде, доставил поврежденное судно с остальными пассажирами в Кронштадт.

В злополучный день, 21 сентября, «Стерегущий» находился на Петергофском рейде и вел обстрел береговых позиций противника. Здесь его и заметили вражеские бомбардировщики. Группа из двенадцати – шестнадцати «юнкерсов» атаковала эсминец. Самолеты пикировали на цель группами по три-четыре машины и в течение 10 минут сбросили не менее шестидесяти бомб. «Стерегущий» затонул. Многие моряки погибли от осколков и пуль. Оставшиеся в живых спасались вплавь, так как изрешеченные шлюпки тотчас шли ко дну.

Лежавший на грунте «Стерегущий» был совсем близко от немцев. Жалко было оставлять врагу вооружение и боеприпасы. Тогда к кораблю послали бригаду моряков. Водолазы работали по ночам, на ощупь – в темноте немцы сразу бы увидели свет фонарей. И под самым носом у противника в несколько приемов с эсминца удалось снять все вооружение. После того как фашистов отбросили от Ленинграда, «Стерегущий» подняли и отремонтировали. Он продолжил свою службу.

Линейный корабль «Октябрьская революция»

Якорь на Якорной площади

21 сентября немецкие пикировщики сбросили более трехсот бомб на линкор «Октябрьская революция». Корабль внушительных размеров — 185 метров в длину, почти 27 в ширину с экипажем 1220 человек — был заманчивой целью. Он стоял у Петергофа и обстреливал врага на побережье. Чтобы вести прицельный огонь, линкор встал на якорь, что сделало его весьма уязвимым для нападения с воздуха.

Этот бой отразил в своем очерке «Два боевых дня линкора “Октябрьская революция” писатель Александр Зонин, находившийся на борту корабля. До этого вместе с командой линкора писатель участвовал в тяжелейшем Таллинском переходе.

«В одиннадцатом часу на линкор, находившийся у Петергофской позиции, устремилась первая волна бомбардировщиков — тридцать “Ю-88”. Корабль маневрировать не мог. Он встал на якорь и на бочку для стрельбы главного калибра. Бомбардировщики устрашающе выли и входили в пике... Сбросив бомбы, они взмывали вверх и снова шли в атаку...»

Но корабль яростно сопротивлялся. Зенитчики поставили перед врагом завесы огня. Это возымело действие. Немецкие летчики стали осторожнее. Пилоты поспешили сбросить бомбы, но они только вспенили воду вокруг линкора.

«Целые гейзеры с донным илом взлетали на десятки метров. Струи упругой воды из этих могучих фонтанов рушились на палубу», — свидетельствует писатель.

За первым налетом последовало еще несколько. Самым опасным стал один из последних, когда в атаку вышли пятьдесят бомбардировщиков.

«50 машин! Это значит, что враг напал со всех сторон, — “звездный” налет: с трех направлений отгонят, а с четвертого могут и не успеть». Многие матросы получили ранения, но даже раненые, они отказывались спускаться в лазарет и, преодолевая боль, оставались на своих постах. Писатель отмечал: «Слаженно работал боевой организм громадного корабля... каждый из более чем тысячи человек его экипажа делал свое дело, выполнял обязанности, отработанные месяцами упорных тренировок и учений». Пока зенитчики отражали атаки «юнкерсов», под броневыми плитами палуб хладнокровно и четко действовали аварийные группы. Как только одна из бомб попала на корабль, начался пожар. Тут же приступили к борьбе с огнем бойцы аварийных бригад.

Бой продолжался до наступления сумерек. Потом корабль ушел в Кронштадт.

Но на следующий день, 23 сентября, в журнале отмечен новый налет — в 10.33. На этот раз 37 «юнкерсов» пытались справиться со стойким линкором. Но зенитчики снова открыли ожесточенный огонь. «А стрелять было трудно. От взрывов ходил корпус, оседал в воду, поднимался на кипящем водовороте», — описывает бой Зонин. Но артиллеристы линкора сначала сбили три самолета, затем еще два. Остальные убралась восвояси.

Когда же через четыре дня самолеты противника снова устремились к Кронштадту, фашистские летчики, проученные двумя днями безуспешных атак, решили больше к «Октябрьской революции» не приближаться. «Пытались найти другие, более слабые звенья обороны, — отмечает писатель. — Но таких не было: в Кронштадте и на других кораблях дрались с не меньшим ожесточением».

Линкор «Октябрьская революция» прошел всю войну. В 1950-е использовался как учебное судно, затем был разобран на металл.

Якоря и зенитное оружие, снятые с корабля, ныне установлены на Якорной площади Кронштадта как символ мужества и стойкости моряков.

Под бомбами

Нанося бомбовые удары, фашисты метили не только в корабли. Враг хотел уничтожить весь Кронштадт, в особенности его артиллерию и Морской завод. Только 21 сентября на территорию завода упало шестнадцать бомб. Серьезно пострадали цеха и мастерские. Погибли более пятидесяти человек. В городе разрушено несколько жилых домов. Перестали действовать водопроводная и электрическая станции. Три большие бомбы разрушили приемный покой и терапевтическое отделение морского госпиталя. Погибли 53 человека — раненые, врачи, медсестры, сотрудники. Будь она неладна хорошая погода! В тот ясный осенний день немцы сбросили на Кронштадт более пятисот бомб.

Бомбардировки повторились 22 и 23 сентября. Особенно тяжелым стало 23 сентября. Город-крепость бомбили 272 пикирующих бомбардировщика. Они шли с разных направлений, волна за волной, сыпали бомбы на город, гавани, рейды, пирсы подводных лодок, позиции артиллерийских батарей, Морской завод, в доках которого стояли поврежденные корабли...

На флагман Балтийского флота – крейсер «Киров» – «юнкерсы» сбросили 90 бомб. Две из них пробили палубу, на корабле начался пожар. Однако экипаж мужественно выдержал шесть «звездных» – как объяснил нам писатель Зонин, с разных сторон – налетов противника. Орудия главного калибра крейсера «Киров» обрушили на врага свыше двухсот снарядов.

Трагедия линкора «Марат»

Но самая большая трагедия произошла в этот день, 23 сентября, на линкоре «Марат». В корабль произошло прямое попадание бомб, сброшенных пикирующими бомбардировщиками «Ю-87», один из которых пилотировал ас люфтваффе Ганс-Ульрих Рудель.

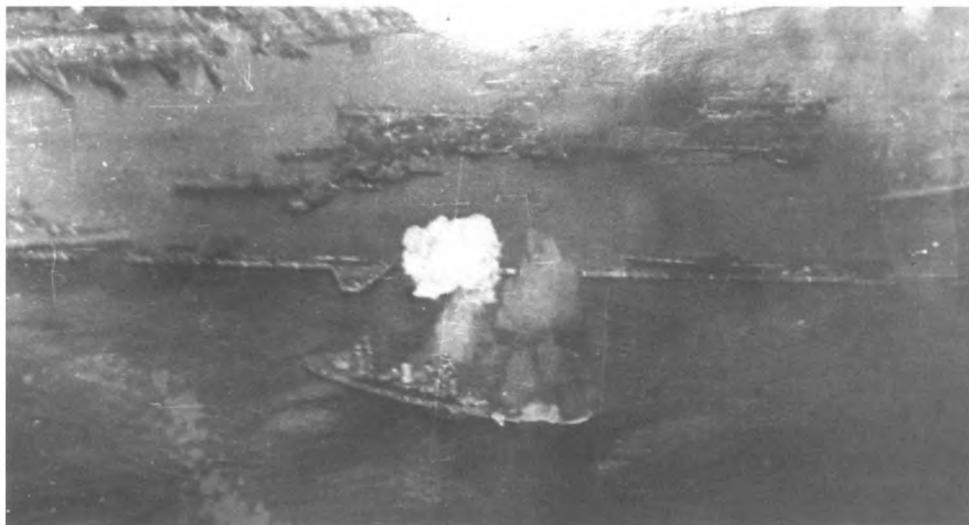
В своих мемуарах летчик позже признался, что вел охоту за этим кораблем. Он атаковал «Марат» дважды. Первый раз – 16 сентября. Тогда он сбросил на палубу «Марата» бомбы массой 500 кг. А 23 сентября он использовал «особую» бомбу массой 1000 кг со специальным взрывателем с замедлением детонации. Суть в том, что немецкий летчик, чтобы бить наверняка, сбрасывал бомбу на низкой высоте. Но эта операция была связана с риском не только попасть под огонь артиллерии корабля, но и оказаться под действием взрывной волны мощного взрыва. Тогда самолет наверняка бы потерял управление и рухнул.

Катастрофой для «Марата» стала не сама, пусть даже очень мощная, немецкая бомба. Она попала в носовую часть корабля и вызвала детонацию боеприпаса первой башни главного калибра.

Врыв оказался такой силы, что его было видно даже из Лисьего Носа. «Казалось, на воздух взлетел весь Кронштадт», – вспоминали очевидцы.

На «Марате» погибли 326 человек, в том числе командир корабля капитан 2-го ранга П. К. Иванов. Линкор был полностью затоплен и лег на грунт на глубине одиннадцать метров.

Оставшиеся в живых члены команды вместе с рабочими Кронштадтского ремонтного завода частично восстановили боеспособность корабля. 31 октября 1941 года две башни начали вести обстрел врага, с 9 ноября 1942 года открыла огонь и третья башня.

Взрыв на линкоре «Марат»

В 1943 году линкору было возвращено его первоначальное дореволюционное имя «Петропавловск». До 1953 года, когда корабль разобрали на металлолом, он числился в составе флота как самоходное учебное артиллерийской судно.

**Взрыв «Марата» стал одной из самых тяжелых трагедий
Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны.**

После гибели линкора фашисты начали разбрасывать над городом пропагандистские листовки:

«Сопrotивляясь немецким войскам, вы погибнете под развалинами, под ураганом немецких бомб и снарядов. Мы сравняем Ленинград с землей, а Кронштадт — с водой...»

Впрочем, эти листовки были совершенно безразличны защитникам города-крепости.

Трагедия линкора «Марат» не сломила дух защитников Кронштадта. Напротив, их гибель расценивалась как подвиг.

Линкор упоминается в знаменитой тетралогии Сергея Михалкова «Дядя Степа», когда главный герой вспоминает свою службу на Балтийском флоте:

*Ночь не спал. Устал с дороги.
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване полежу.
После чая заходите —
Сто историй расскажу!*

*Про войну и про бомбежку,
Про большой линкор «Марат»,
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград.*

За три дня сентябрьских налетов немцы потеряли 37 самолетов. Но, чтобы окончательно остановить фашистское пиратство в воздухе, на остров Котлин срочно перебазировали полк истребителей ПВО и зенитный полк. Это сразу же сказалось на результатах боев. При очередном налете, 27 сентября, немцы встретили достойный отпор зенитчиков. Потери противника значительно возросли. И с 29 сентября 1941 года массовые налеты на Кронштадт прекратились.

Корабли уходят на рейды Невы

В гаванях Котлина лишённые маневра корабли превратились в малоподвижные мишени, и командование Балтийского флота предприняло неотлагательные меры. Военный совет КБФ решил перевести большинство кораблей в Ленинград. Они встали у набережной Невы, где их замаскировали под городские здания.

В Кронштадте остались только искалеченный линкор «Марат», лидер «Минск», канонерские лодки «Волга» и «Кама», а также отряд охраны водного района: пять сторожевых кораблей, восемнадцать тральщиков, катера разных типов.

В начале ноября в Ленинград переехали штаб, политуправление и тыл флота. В связи с этими переменами Кронштадтскую военно-морскую базу преобразовали в крепость.

С наступлением весны, в марте 1942 года, фашисты предприняли новые попытки бомбардировок флота в Кронштадте. В налетах участвовало около шестисот самолетов. Однако они лишь нанесли повреждения нескольким кораблям и потопили старое учебное судно «Свирь», удачно замаскированное под крейсер «Киров» и специально поставленное на его стоянку. Зато немцы во время весенних налетов потеряли около шестидесяти самолетов, а результатов достигли ничтожных. И вновь фашистская авиация отказалась от лобовых атак на корабли флота.

Несмотря на все тяготы войны, блокады, флот оставался в строю и действовал.

Особую страницу в истории Великой Отечественной войны записали подводники Балтики. Но о них — отдельный рассказ.

 инский залив, по сути, всегда был большой оживленной дорогой. И не только для тех кораблей, что идут в петербургский порт, и лайнеров, стремящихся в его гавань. С давних времен залив бороздили суда и суденышки, лодки и яхты, пересекающие его водную гладь в разных направлениях.

Был в свое время в России морской министр – маркиз Жан-Батист де Траверсе. Он не поощрял дальние морские походы: был убежден, что для отработки навыков мореходства вполне достаточно плавания в спокойной домашней акватории Невской губы. Жители Северной столицы с тех пор мелководную Невскую губу иронично называют Маркизовой лужей.

Маркизова лужа имеет вполне определенные границы. На севере это мыс Лисий Нос, на юге – Ораниенбаум. Граница также проходит через остров Котлин, на котором стоит основанный царем Петром Кронштадт.

При Петре по заливу летом на лодках, а зимой на санях крестьяне свозили камни и стройматериалы для возведения на острове Котлин города-крепости Кронштадт.

Это в наши дни к Кронштадту можно добраться по сухопутной дороге по дамбе. А еще десятилетие назад путь был только один – на катерочках и водных трамвайчиках. Зимой – по льду. Город на острове жил своей немного обособленной жизнью. В Ораниенбауме или Мартышкино всегда можно было нанять лодку, а случись дело зимой – подводу, чтобы, как на такси, добраться до кронштадтского берега. Этим часто пользовались припозднившиеся в увольнении матросики и морские офицеры.

В Лисьем Носу, Горской, Александровской, Лахте в старину мало в какой семье не было лодок. Рыбная ловля была здесь популярным промыслом, а морские прогулки – обычным времяпровождением.

Да и в Ораниенбаум – любимое петербургской богемой и купечеством дачное место – чаще всего отправлялись не по железной дороге, хотя она здесь открыта достаточно давно, а на пароходиках, отходивших от невских пристаней. Именно на рейсовом кораблике из Петербурга в Ораниенбаум приплыл летом 1858 года французский писатель Александр Дюма, путешествовавший по России. А через десять лет тем же путем прибыл еще один известный во всем мире автор – Льюис Кэрролл.

Так что Петербург-Петроград-Ленинград и его пригороды во все времена дружили с морем и активно использовали Невскую губу для своих передвижений.

В годы Великой Отечественной войны и блокады Финский залив стал местом действия Малой дороги жизни.

Часть третья.

Дорога через залив

Наступает голод

Самым страшным испытанием блокады стал голод.

Продовольственные карточки ввели 17 июля, еще до осады. В тот момент предполагалось, что эта мера наведет порядок в снабжении и распределении продуктов. Паники введение карточек не вызвало. На складах хранились достаточные запасы продовольствия. Да и нормы отпуска по карточкам были в начале войны высокие.

Первое снижение норм выдачи продуктов произошло 2 сентября, когда враг стоял уже у порога Ленинграда. В магазинах стали заканчиваться многие товары.

Обстреливая город, подвергая его бомбардировкам, германские войска особое внимание уделяли уничтожению складов с продовольствием. В тот день, когда окончательно замкнулось кольцо осады, 8 сентября, немцам удалось разбомбить одно из крупнейших ленинградских хранилищ — Бадаевские склады. В пожаре сгорело 3 тысячи тонн муки и 700 тонн сахара. Эта катастрофа сохранилась в памяти всех, кто пережил блокаду. Сгоревшие Бадаевские склады стали своеобразным символом начала голодных дней. Уже когда продовольствия не стало, истощенные ленинградцы приходили на место бывших складов. Сохранились воспоминания, как люди лизали обугленные обломки сооружений, на которых запекся сгоревший сахар.

В октябре, когда блокада стала очевидным фактом, жители почувствовали на себе явную нехватку продовольствия, а в ноябре в Ленинграде начался настоящий голод.

Хлебные карточки блокадного Ленинграда

Люди теряли сознание от голода на улице и на работе, фиксировались первые случаи смерти от истощения... Вскоре число умерших от голода превысило количество жертв от бомбардировок и артиллерийских обстрелов.

Нормы снижались и снижались. В историю вошли легендарные 125 граммов. Такова была самая низкая норма выдачи хлеба в блокаду. Ее ввели 20 ноября 1941 года. С этого дня рабочие горячих цехов получали паек 375 граммов, рабочие остальных производств и инженеры – 250, служащие, иждивенцы и дети – 125 граммов.

Легендарные 125 граммов

В блокадном Ленинграде работали шесть хлебозаводов. Производство не останавливалось ни на один день. Долгое время технологию изготовления хлеба скрывали, на документах пекарей стоял гриф «Для служебного пользования» и даже «Секретно». Основу хлеба тогда составляла ржаная мука, к которой примешивали целлюлозу, жмых, мучную пыль. Каждый завод пек хлеб по своему рецепту, добавляя в него разные примеси.

Осень 1941-го и зима 1942-го – самое тяжелое время. В ноябре 1941 года от голода, от элементарной дистрофии погибали тысячи и тысячи людей. 20 ноября Военный совет Ленинградского фронта принял Постановление «О снижении норм хлеба».

Рабочим и ИТР полагалось 250 граммов. Служащим, иждивенцам и детям – 125 граммов в сутки.

Вот один из рецептов блокадного хлеба:

- мука ржаная дефектная - 45%
- жмых - 10%
- соевая мука - 5%,
- отруби - 10%,
- целлюлоза - 15%,
- обойная пыль - 5%,
- солод - 10%.

Часто в тесто добавляли различные ингредиенты органического происхождения, например, опилки из древесины...

Но и это поддерживало жизнь...

Неизвестная блокада: Малая дорога жизни

Экспонаты Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

Еще сложнее положение было в Кронштадте и Ораниенбауме, в пригородах. Например, отоварить карточки жители поселка Лисий Нос могли только в Ленинграде. В поселке не работали магазины и продовольственные пункты. Поезда между Лисьим Носом и Ленинградом ходили нерегулярно. Их постоянно подвергали обстрелу с противоположного берега Финского залива — из Петергофа, где засели фашисты. Поэтому голодные и истощенные обитатели пригорода вынуждены были пешком преодолевать путь 25–30 километров.

Квартира блокадной поры. Из собрания Музея истории города Кронштадта

Особенно страшно складывались дела на Ораниенбаумском пяточке, отрезанном и от страны, и от Ленинграда. После войны председатель горисполкома Ораниенбаума блокадной поры Алексей Васильевич Карагин вспоминал:

«Население города до войны составляло около 35 тысяч человек. До начала блокады удалось эвакуировать четыре тысячи человек. Но в город прибыло много беженцев с оккупированных гитлеровцами территорий. Когда 22 сентября начались регулярные обстрелы, все население переселилось в подвалы и землянки. Под одним из соборов жили полторы тысячи матерей с детишками».

Чтобы избежать эпидемий, ввели правило: не выдавать карточки на хлеб без предъявления талона о прохождении бани. К счастью, в городе не прерывалось водоснабжение, работала канализация. Ораниенбаум ни одного дня не был без света. Работал кинотеатр. Радио было проведено во все подвалы, где жили люди.

Одного остро не хватало – хлеба. Было принято решение выдавать населению не полную норму, а даже ниже, чем в блокадном Ленинграде: 150 граммов рабочим, 100 – служащим, 75 – иждивенцам.

Малая Пискаревка

К концу 1941 года число гражданских в Ораниенбауме сократилось до 14 тысяч человек. Первая зима стала огромным испытанием для жителей этого города. У церкви святой Троицы Живоначалной, расположенной на выезде из современного Ломоносова, находится мемориал, который называют «Малой Пискаревкой» — по аналогии с местом захоронения жертв блокады в Ленинграде. Здесь покоится около пяти тысяч горожан. Люди умирали семьями. Это, к сожалению, стало обычным не только в маленьком Ораниенбауме, но и в Кронштадте, Лисьем Носу, в самом Ленинграде.

Необходимо было срочно решать проблему снабжения Ленинграда и обороняющихся плацдармов. Также нужно было наладить надежные транспортные пути эвакуации жителей и раненых. В конце осени 1941 года это стало первоочередной задачей.

С началом действия Дороги жизни через Ладожское озеро значительно улучшилось снабжение Ленинграда продовольствием. А как только заработала ледовая трасса через Финский залив — легче стало положение Кронштадта и Ораниенбаумского плацдарма.

Но прежде чем удалось наладить надежные транспортные конвейеры, предстояло сделать очень многое. В условиях блокады необходимо было наладить трассы, относительно безопасные от постоянных авиационных налетов врага, обстрела его артиллерии, возможных атак десанта неприятеля.

Морские пути-дороги

Кронштадт всегда жил морем. В мирное время между островом Котлин и Ленинградом была налажена постоянная переправа по Невской губе — Маркизовой луже, как иронично называли ее ленинградцы и кронштадтцы. Мореплавание тут могла омрачить лишь качка в плохую погоду. Но с началом войны ситуация изменилась. Теперь уже штормовые волны воспринимались как малое зло. Куда страшнее была авиация противника, а когда немцы захватили Петергоф и вышли к берегу Финского залива, транспортный коридор оказался в настоящей опасности.

Немцы из Петергофа могли видеть все, что происходит на Морском канале, наблюдать за кораблями, которые идут из Ленинграда в Кронштадт и обратно. И не просто наблюдать, а подвергать их постоянному обстрелу.

Командование Балтийского флота начало разведку фарватера и разработку новых маршрутов как можно дальше от южного берега.

Теперь каждая отправка транспортов и барж разрабатывалась как военная операция.

Приводились в повышенную готовность все батареи, чтобы немедленно отвечать огнем на залпы с захваченного немцами берега. В воздух поднимались истребители для борьбы с вражескими самолетами. В основном операции проводились ночью, под покровом темноты. Если же приходилось выходить в море днем, выставлялась дымовая завеса, чтобы противник не мог точно определить цели.

Какой бы сложной не была обстановка, транспорты успевали за ночь совершить минимум два рейса между Ленинградом и Кронштадтом.

Прежде всего суда и боевые корабли обеспечивали нужды обороны. После окружения наших войск под Ораниенбаумом пришлось налаживать морские пути между Ленинградом и этим участком обороны. В тот момент приняли решение провести перегруппировку наших войск. На Большую землю отправляли измотанные в сражениях части 8-й армии. Они вступили в бои еще в первые дни войны — на границе с Германией, в Прибалтике. Прошли полстраны, неся огромные потери. Людям требовался небольшой отдых. Воинским подразделениям — пополнение.

Оборону плацдарма должны были принять свежие силы. Провести перегруппировку можно было только морем.

Первые отряды судов из Ленинграда вышли к причалам Ораниенбаумского порта с наступлением сумерек 15 октября 1941 года. Загрузка нескольких транспортов и барж шла три с половиной часа. Той же ночью караван вернулся в Ленинград. С этого момента каждую ночь отряды транспортных судов делали по два-три рейса. Операцию в целом удалось провести скрытно. Уже 4 ноября переброска войск с Ораниенбаумского плацдарма завершилась. По свидетельству командующего Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца, через Ораниенбаум в Ленинград было эвакуировано:

38 057 бойцов и командиров,
 более **1700** машин и тракторов,
309 орудий,
 свыше **6500** лошадей и много
 других грузов.

Одновременно для пополнения частей Приморской группы войск из Ленинграда в Ораниенбаум перевели:

14 600 человек,

танков — **44**

23 орудия,

боеприпасов — **3721** тонну,

4799 тонн продовольствия,

горючего — **680** тонн,

1000 тонн другого груза.

Потери во время проведения операции по переброске войск, по оценке командования, были относительно небольшими: один буксир, три баржи, один транспорт. Они погибли во время артиллерийских обстрелов, ночных налетов вражеской авиации и на минах.

Как проходила перегруппировка и гибель баржи, описал в своих воспоминаниях участник тех событий, бывший заместитель командующего Приморской оперативной группой М. И. Батлан.

«Из Ленинграда вышли вечером 5 ноября. Баржа была загружена до отказа. Кроме людей, на нее погрузили автомобили, лошадей и повозки.

Баржа шла на буксире. Широкая плоская посудина тяжело разрезала волны. В 11 часов вечера из-за туч появилась луна. Под ее слабым светом противник обнаружил караван и начал артиллерийский обстрел. Первые снаряды — перелет. Потом недолет. Артиллеристы, находившиеся на борту, невольно замерли: «Вилка!» И точно, третий снаряд угодил в корму судна. Баржа начала оседать. Трос, связывающий с катером, оборвался. А гитлеровцы принялись методично

обстреливать оказавшуюся неподвижной мишень. Шансов на спасение, казалось, нет никаких. К счастью, луна снова скрылась за тучами. Наступила темнота, только вспышки выстрелов на мгновение освещали акваторию.

Гитлеровцы потеряли свою мишень из виду и, подумав, что с ней покончено, обстрел прекратили.

И тут, как в сказке, сбоку появились буксирные пароходики. Не военные — гражданские. Маленькие, но ловкие и юркие. За первые несколько месяцев блокады способы спасения попавших в беду уже были отработаны. Все, что возможно, перегрузили на буксиры. Баржа, словно ждала, когда ее освободят от груза. Как только последние люди сошли с нее, она медленно пошла ко дну.

Спасенных доставили в Ораниенбаум. Тут отчетливо были слышны выстрелы. До передовой было всего шесть километров».

Выведенные из Ораниенбаума части позже укрепили оборону Ленинграда на восточных рубежах. Благодаря им удалось удержать Волхов, Новую Ладого и восточный берег Ладожского озера. Впоследствии именно через эти пункты обеспечивалось снабжение блокированного города, фронта и флота.

Однако вскоре стало очевидно, что рокировка сил проведена неравномерно, и на Ораниенбаумском плацдарме осталось очень мало войск. Тогда на южный берег Финского залива начали направлять гарнизоны с дальних островов, которые было принято решение покинуть. В частности, в конце осени наши

Зенитчики отражают налет вражеской авиации

войска оставили довольно крупные острова Гогланд и Тюттерс, которые немедленно заняли финские и финско-немецкие части. Мотивация командования в тот момент основывалась на том, что зимой будет трудно наладить снабжение гарнизонов в отдаленных точках залива, тем более что они располагались в непосредственной близости от берегов Финляндии. Историки до сих пор спорят, насколько это было оправданно.

Зона повышенного внимания

Неминуемо надвигалась зима. Но как бы ни складывалась обстановка в Невской губе – Маркизовой луже, нужно было обеспечивать бесперебойное снабжение Кронштадта и Ораниенбаума.

С приходом холодов появились новые опасности. 6 декабря лыжники, совершавшие патрулирование Морского канала, обнаружили на фарватере свежие проруби и детали для крепления мин. От прорубей к Петергофу шли следы саней. Было ясно, что противник поставил мины на дно канала. Две мины удалось выявить сразу – их подорвали. Но мин оказалось больше. Через три дня, 9 декабря, на третьей mine подорвался ледокол «Ермак». Взрывной волной и взлетевшими на воздух большими глыбами льда ранило двадцать человек, один погиб. Ледокол получил сильные повреждения корпуса. Еще на одной mine 12 декабря подорвался другой линейный ледокол, правда, на этот раз взрыв не привел к серьезным последствиям, корабль не вышел из строя.

Дозор на льду Финского залива

Этот случай стал уроком. Надо было усилить охрану акватории, ведь прежде вражеских мин здесь не было. И в этом смысле судоходство считалось безопасным.

Усилили подвижные ночные разведывательные дозоры. Они на лыжах обходили акваторию по несколько раз в течение суток. К патрулированию по инициативе контр-адмирала Юрия Александровича Пантелеева, одного из основоположников парусного спорта в нашей стране, подключили спортсменов-яхтсменов. Было создано два буерных отряда, в которые вошли 16 ледовых яхт. Возглавил один из отрядов старший лейтенант, заслуженный мастер спорта, чемпион СССР Иван Петрович Матвеев. Меньше чем за час буеристы смогли обследовать район, на проход которого лыжникам требовалось пять-шесть часов. Обнаружив лунки, легкие ледовые парусники немедленно доставляли к ним подрывников, которые уничтожали вражеские мины на месте.

С установкой ледового фронта возрастала опасность вражеских десантов к Кронштадту и Ораниенбауму. Один из тревожных сигналов поступил 22 ноября, когда разведчики доложили, что у Петергофа противник сосредотачивает большое скопление войск и танков. Это была очевидная угроза. Возможно, немцы ожидали, когда установится прочный лед, чтобы начать по нему прорываться к Кронштадту. Линкор «Марат», к этому моменту уже частично восстановленный после трагической бомбардировки, своими 305-миллиметровыми пушками поставил вдоль берега огневую завесу, взломав лед. Выстрелы мощных орудий стали достаточным предупреждением. В течение всех дней осады гитлеровцы не решались провести крупные ледовые операции. Однако это не исключало повторения попыток.

Для защиты от возможного вражеского десанта начали вести оборонительные работы прямо на льду. В лед вмораживали тысячи столбов, на них натягивали колючую проволоку, укладывали противопехотные и противотанковые мины. На берегу в Кронштадте и вокруг Ораниенбаумской гавани вырыли окопы, ходы сообщений, создали укрытия. На Кронштадтском морском заводе были изготовлены специальные броневые точки, в них устанавливали 45-миллиметровые пушки и пулеметы, снятые с катеров и кораблей.

Работы по укреплению Невской губы и береговой линии приходилось вести только ночью, хотя морозы уже были под сорок, а на заливе дули жестокие ветра.

Все меры предосторожности в будущем сослужат добрую службу. Насколько это было возможно в то время, благодаря им удалось обезопасить движение по главной магистрали, связывающей Ленинград с Кронштадтом и Ораниенбаумом, — ледовой Малой дороге жизни.

Лисий Нос

В то время, когда укреплялась защита Невской губы, командование Ленинградским фронтом усиленно искало наиболее безопасные пути обеспечения в течение всей зимы Кронштадта и Ораниенбаума продовольствием. И в итоге остановились на окружном маршруте: от Ленинграда по Сестрорецкому шоссе до мыса Лисий Нос. А дальше — через залив.

Из Лисьего Носа должна была начинаться ледовая трасса. Насколько в принципе возможно осуществлять перевозки по льду Финского залива? Был опыт недавно закончившейся советско-финляндской войны. Тогда для оперативного снабжения наших наступающих частей организовали переброску грузов через залив. Но это были только эпизоды. Теперь намечалось вести постоянное снабжение войск и гражданских, отрезанных от основных сил ленинградской обороны.

Лисий Нос был очень удобным местом для начала этой необычной дороги. Мыс, действительно похожий на нос лисицы, далеко выдавался в Финский залив. От мыса в море тянулся выложенный из валунов еще, наверное, с петровских времен широкий пирс. От наблюдателей немецкой артиллерии, засевших в Петергофе — на противоположном берегу, Лисий Нос прикрывал остров Котлин, на котором располагался Кронштадт. Мыс можно было превратить в удобный и относительно безопасный причал.

Старый пирс на мысе Лисий Нос

Руины старого арсенала в поселке Лисий Нос

В Лисьем Носу сохранилась и кое-какая инфраструктура с прошлых времен. В Первую мировую войну в Петрограде готовились к вторжению германского морского десанта. Поэтому у мыса в Лисьем Носу построили большой арсенал из красного кирпича. Теперь это большое здание можно было использовать в качестве перевалочного склада.

К тому же вблизи бывшего арсенала проходила заброшенная узкоколейная железнодорожная ветка. Когда-то по ней возили к побережью дачников. В первые советские годы движения не было. Ветку забросили, но, к счастью, не разобрали. С началом Великой Отечественной войны по ней можно было наладить подвоз грузов к причалу.

Работа в Лисьем Носу началась осенью 1941-го. Заброшенный причал, бывший арсенал, узкоколейку приводили в порядок. И уже вскоре этот уголок побережья наполнился жизнью.

Если сегодня пройти по Морскому проспекту в Лисьем Носу, то в районе Мариинской улицы можно обнаружить едва заметную просеку в сторону побережья. Разбитая дорога идет через железнодорожное полотно и, петляя, упирается в покосившиеся изгороди с грозными надписями: «СТОЙ! Проход и проезд запрещены. Объект охраняется служебными собаками». За соснами не видны ни полуразрушенное здание старого арсенала, ни пирс. Сегодня это, мягко говоря, не самый ухоженный уголок respectableного приго-

Заброшенная узкоколейка в поселке Лисий Нос

родного курорта. Но они сохранились и являются наглядным свидетельством того, что осенью 1941 года здесь начиналась Малая дорога жизни. По бездействующей сегодня железнодорожной ветке приходили доставленные с огромным трудом по ладожской Дороге жизни через осажденный Ленинград грузы. Летом их перегружали на катера, зимой – на машины, и по Финскому заливу караваны шли в Ораниенбаум и Кронштадт. В обратном направлении велась эвакуация мирных жителей.

Разведка льда

Пока шло обустройство базы в Лисьем Носу, на южном берегу готовили будущую трассу.

Вот что вспоминал бывший командир автороты Приморской оперативной группы А. А. Соколов.

«В ноябре 1941 года командиров автомобильных частей собрал заместитель командующего Приморской оперативной группой по бронетанковым войскам подполковник М. И. Батлан и объявил о решении руководства ор-

ганизовать в кратчайшие сроки ледовую дорогу по Финскому заливу от Малой Ижоры через Кронштадт на Лисий Нос. По ней в одну сторону пойдет поток боеприпасов и продовольствия, столь нужных на пяточке, отрезанном от Ленинграда и всей страны, а в другую будут эвакуировать гражданское население и раненых».

Просто и по-деловому ставили задачу в те суровые годы. Никто не собирался ждать помощи со стороны. Трассу решили вести не от спасительного Лисьего Носа у Ленинграда, а с противоположной стороны – от Ораниенбаумского плацдарма.

Державшие оборону на пяточке должны были сами обустроить дорогу, подготовить транспорт и, преодолев непростой и, прямо скажем, опасный путь, забрать его на другом берегу.

Как свидетельствует Соколов, 22 ноября от Кронштадта до Горской и Лисьего Носа пешим порядком проследовали подразделения моряков. Лед был еще тонкий, имел толщину 10–12 сантиметров. Для людей этого оказалось достаточно, но задумывалось пропустить по ледовой дороге огромные потоки машин. При этом машин с максимальной нагрузкой и чем больше, тем лучше. Ведь каждая крошка хлеба, каждый снаряд, каждая канистра горючего были на счету.

После первой проходки разведчиков на лед залива вышли бойцы специального отряда, чтобы начать подготовку трассы. Им предстояло неровную замерзшую поверхность моря превратить в более-менее гладкое полотно. Всем было понятно, что отчасти это будет напрасный труд. Перепады температуры, снегопады, порывы ветра снова могли превратить зеркально чистую поверхность льда в ухабы и торосы. Но никто не роптал. Важность этой трассы понимали все. От нее зависела жизнь.

Работы вели в основном ночью, чтобы не подвергать бойцов обстрелам и авианалетам. А также для того, чтобы враг не мог выследить будущую дорогу и не начал к ней пристреливаться.

Формально дорога начала действовать с 20-х чисел ноября 1941 года. Но в этот период проходили единичные повозки, отряды солдат и моряков. Основной поток грузов по ней пошел позже.

Автомобилисты ждали у моря погоды. Они готовы были выехать на лед в любой день. Но лед еще не встал. В томительном ожидании шло время. 23 ноября, 30 ноября, 1 декабря...

Уже начала с максимальной нагрузкой действовать ледовая трасса через Ладогу. Позже ее назовут Дорогой жизни. По аналогии с ней трасса через Финский залив также получит имя – Малая дорога жизни.

Схема трасс Малой дороги жизни

В путь!

Первый большой караван машин был пущен по Малой дороге жизни 17 декабря 1941 года. Лед на заливе установился прочный. И водителям дали зеленый свет. К тому времени войска на Приморском плацдарме — в районе Ориенбаума — уже вторые сутки были без хлеба. На пристани в Малой Ижоре по деревянному настилу, под которым была еще открытая вода, медленно спустились тридцать машин — потрепанные ЗИС-5 и ГАЗ-АА.

Водителей подбирали самых опытных, уже успевших и в «финскую» за баранкой по огненным дорогам поколесить, и за полгода новой войны приобрести опыт вождения под обстрелами и бомбежками.

Очевидцы вспоминали, что когда колеса коснулись льда, он заметно прогнулся и стал потрескивать. Все водители держали дверцы машин открытыми, чтобы успеть в случае чего выпрыгнуть из кабины. Дистанцию условились держать 40–50 метров, ведь если сблизиться, лед может не выдержать. Эта дистанция также позволяла в случае обстрела свернуть вправо-влево.

Эх, если бы им предстояло катить по шоссе... Или хотя бы по гладкому льду. Как не старались накануне бойцы спецбригад, расчищая лед, за прошедшее до выезда время успели нарасти новые торосы, снежные заносы. Автомобилисты были вынуждены маневрировать скоростями. Несколько раз караван останавливался, и сами водители брались за лопаты, чтобы расчистить себе путь. Первый рейс по незнакомой и без всякого преувеличения опасной трассе решили провести днем. Слишком много неизвестного ожидало впереди. Возможны бы-

ли любые сюрпризы. Дорога хорошо просматривалась. Но и наши машины — темные точки на снегу — были заметны не хуже. Вражеская артиллерия в конце концов обнаружила движение, и вскоре из Петергофа начался обстрел. Но в тот день повезло. Вражеские батареи били плохо. К тому же машины заметили, когда колонна уже подходила к Кронштадту. Снаряды ложились в стороне от проложенной дороги.

За Кронштадтом трасса проходила таким маршрутом, что неприятель ее не видел — заслонял остров Котлин. До Лисьего Носа добрались без потерь. Победа! Гостей с южного берега Финского залива в Лисьем Носу уже ждали. Среди прочего, самым желанным грузом были приготовленные для Ораниенбаума мешки с печеным хлебом.

Водители откровенно радовались первому успеху. Вступив на твердую землю, все как по команде посмотрели на часы.

Первая поездка по 24-километровой трассе заняла шесть часов.

Многие признались, что очень боялись выезжать на лед. Одно дело преодолеть речку, канал. А тут... Тут — море.

Но это было всего полпути. Впереди предстояла такая же дорога назад. Короткое время отдыха, пока шла погрузка, водители потратили на осмотр машин, поиск возможных неисправностей и их устранение.

Фары автомобилей светили, как маяк

Начался обратный рейс. Теперь уже нагруженных машин. Тонкий лед под потяжелевшими грузовиками прогибался сильнее. Каждый метр пути грозил новыми опасностями. За Кронштадтом могли поджидать снаряды вражеских батарей.

Но один плюс в арсенале автомобилистов был: маршрут уже известен. К тому же наступали сумерки, что снижало вероятность обстрела.

Груженные автомобили на торосах переваливались с боку на бок, часто буксовали в снегу, застревали. Тогда приходилось останавливаться и снова доставать лопаты, чтобы расчистить трассу. Вот откуда в итоге возникали задержки. Не только малые скорости причина долгого движения, но и частые остановки.

«Водители помогали друг другу, работали лопатами молча, сосредоточенно», — вспоминал бывший командир автороты А. А. Соколов.

В сумерках у Кронштадта навстречу высыпали люди в белых халатах с автоматами в руках. Оказалось, это моряки — специальный патруль, охраняющий подступы к острову Котлин на случай вражеского десанта. Патруль был предупрежден о движении колонны. Матросы пожелали доброго пути.

На ледовой трассе

Впоследствии из моряков создали Кронштадтскую ледово-дорожную службу, в обязанности которой входило обеспечение круглосуточной безопасности бесперебойной работы трассы. Передовые позиции врага находились в Петергофе — в нескольких километрах. В любой момент группа фашистских диверсантов могла неожиданно атаковать мирный караван.

Первый рейс завершился без происшествий. У Малой Ижоры караван ждали. Даже придумали для него своеобразный маяк: чтобы перевозчики не заблудились в декабрьской мгле, поставили несколько автомобилей с зажженными фарами. Их свет указывал место, где можно въехать на берег.

Вскоре весь Ораниенбаумский плацдарм почувствовал, что Малая дорога жизни начала свою работу. Заметно улучшилось снабжение войск, обеспечение продовольственных норм гражданского населения.

Километры мужества

Регулярные рейсы через Финский залив нелегко давались автомобилистам. Злейшим врагом шоферов были пурга, метели, заносы, сильнейшие морозы, полыньи, воронки во льду, пробитые снарядами и бомбами. Много водителей погибло во время обстрелов.

Бывший командир автороты плацдарма А. А. Соколов лично знал практически всех водителей ледовой трассы: П. Потапов, И. Васильев, Е. Абрамов, И. Василевский. Впрочем, список шоферов-героев можно продолжать и продолжать. Ехать часто приходилось, не видя берегов и каких-либо ориентиров, вслепую, в темноту. Никогда не было известно, что ждет дальше: застрянет машина в снежных завалах, угодит в разломы льда или на нее наскочит вражеский десант?..

Водителям автомашин, командирам, комиссарам
и политработникам и всему личному составу
фронтной автомобильной дороги

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ

Фронтная автомобильная дорога продолжает работать очень плохо. Ежедневно на перевозит не более третьей части грузов, необходимых для того, чтобы полностью удовлетворить и без того урезанные до крайних пределов потребности Ленинграда и войск фронта в продовольствии и в автогорючем. Это значит, что снабжение Ленинграда и фронта все время висит на волоске, а население и войска терпят невероятные лишения. Это тем более нетерпимо, что грузы для Ленинграда и фронта имеются. Стало быть, быстро исправить положение и облегчить нужду Ленинграда и фронта зависит от вас, работников фронтной автодороги, и только от вас.

Героически защитники Ленинграда, в честь и славы отстоявшие наш город от фашистских бандитов, вправе требовать от вас честной и самоотверженной работы.

От лица Ленинграда и фронта просим вас учесть, что вы поставлены на большее и ответственное дело и выполняете задачу первостепенной государственной и военной важности.

Все, от кого зависит нормальная работа дороги: водители машин, регулировщики, работающие на расчистке дороги от снега, ремонтники, связисты, командиры, политработники, работники Управления дороги, — каждый на своем посту должен выполнять свою задачу, как боец на передовых позициях.

Возьмитесь за дело, как подобает советским патриотам, честно, с душой, не щадя своих сил, не откладывая ни часа, чтобы быстро наладить доставку грузов для Ленинграда и фронта в количестве, установленном планом.

Ваших трудов родина и Ленинград не забудут никогда.

Секретарь ЦК и Ленинградского
комитета ВКЦ(б) А. ЗДАНОВ

Д.1.1942

ВОДИТЕЛЬ, ПОМНИ!
Каждые два рейса
обеспечивают
десять тысяч
ленинградских жителей!
БОРИСЬ ЗА ДВА РЕЙСА!

Листовки времен
блокады

«В ясную погоду ледовая дорога блестела, как зеркало, и колонны машин шли со скоростью 35—40 километров в час. Но стоило подуть западному ветру с Балтики, как дорогу начинало заносить. На открытом льду залива не было защиты от ледяного ветра и колючей снежной пыли. Грузовики останавливались. Тогда на лед выходили сотни бойцов тыловых частей. Они расчищали заносы, а иной раз с помощью канатов, преодолевая метр за метром, выводили машины из снежного плена», — свидетельствовал бывший заместитель командующего по бронетанковым войскам М. И. Батлан.

Первостепенное внимание шоферы уделяли машинам. Все автомобили были побиты осколками бомб и снарядов, но всегда оставались на ходу. Водителям помогали специалисты технической службы. Машины выходили из строя не только от обстрелов. Их постоянно подвергали испытаниям невыносимые условия эксплуатации. Нередко приходилось чинить машины прямо на трассе. Бывали случаи, когда ремонтники садились за баранку, заменяя собой замерзших водителей.

Водители совершали рейсы не только с южного на северный берег Финского залива и обратно. Они также возили грузы на Ораниенбаумский плацдарм прямо из Кобоны – поселка на Большой земле за Ладожским озером. Тогда им приходилось преодолевать сразу две ледовые трассы: сначала через Ладожское озеро, затем – через Финский залив.

Но самыми сложными и самыми ответственными были рейсы на отдаленные острова Сескар и Лавенсаари.

После того как наши войска оставили Гогланд и Тютерс, самым западным форпостом обороны Финского залива стали именно эти острова – Лавенсаари и Сескар. Их гарнизоны были небольшими, но значение весьма велико. Как заметил командующий Балтийским флотом Трибуц, «они стали хорошим трамплином для нападения на морские пути врага. И было сделано все, для того чтобы организовать здесь надежную и неприступную оборону».

На островах установили артиллерийские батареи, построили инженерные сооружения для защиты от десантов. Зато в их бухтах можно было устроить причалы для стоянки небольших боевых кораблей, которые выходили в Балтику, тылы врага для диверсионных операций.

Правда, и путь до Сескара и Лавенсаари был неблизкий. Между Малой Ижорой и Лисьим Носом расстояние 24 километра. До отдаленных гарнизонов на маленьких островах Финского залива оно составляло 75 киломе-

На ледовой трассе

На ледовой трассе

тров. Путь начинался от Шепелёвского маяка — это западнее Малой Ижоры — и проходил вдоль берега, захваченного врагом. С юга властвовали немцы, с севера — финны. Тут опасность столкнуться с вражескими отрядами, патрулями или десантом возрастала многократно. Поэтому чаще всего караваны машин отправлялись в дорогу в сумраке и с выключенными фарами. Путь пролегал в полной темноте, водителям оставалось только вслушиваться в шум ветра и хруст льда под колесами. Огромное напряжение испытывали люди за баранкой полуторок. Эти километры запомнились шоферам Малой дороги жизни навсегда, снились по ночам...

Хлеб, оружие, медикаменты нужны были на плацдарме постоянно. Трасса работала бесперебойно. Но природа диктовала свое. Неминуемо наступала весна. Конец марта — начало апреля 1942 года все участники тех героических перевозок вспоминают как самый тяжелый период. Поверх льда начала выступать вода. Она скрывала трещины, полыньи и воронки.

«Автомобили двигались, словно катера на морской глади, рассекая воду», — описывал один из очевидцев.

От усталых водителей требовалась максимальная бдительность. Дорожники также внимательно следили за состоянием трассы, предупреждая возможные происшествия.

Отчет гидрографов

Любопытный архивный документ «Работа дороги с 1 января по 1 июля 1942 года», напечатанный на пишущей машинке, подводит итоги первого этапа действия ледовой трассы через Финский залив. В нем мало эмоций и нет никаких художественных красот и поэтических описаний. Но сухой язык военного времени очень зримо воссоздает будни Малой дороги жизни:

«Кронштадтский ледово-дорожный отряд произвел разведку четырех основных ледовых трасс, обеспечивающих сообщение Ленинград – Кронштадт – Южный берег Финского залива, оборудовал их навигационным ограждением и обеспечил непрерывное наблюдение за состоянием ледовых трасс в течение всего зимнего периода.

Общее протяжение обслуживаемых дорог составляло 42 км.

Наиболее напряженные по грузовым перевозкам трассы Горская – Кронштадт и Кронштадт – Малая Ижора ежедневно – не менее четырех раз в сутки! – контролировались гидрографическими группами дороги. При наблюдениях за состоянием ледовых трасс измерялась по определенной программе и инструкции толщина льда, фиксировалось количество торосов, трещин, заносов и в конечном итоге определялась расчетная пропускная способность ледовой дороги. Трассы действовали в течение пяти месяцев, с 20 ноября 1941 года по 22 апреля 1942 года.

№	Наименование грузов	Трасса № 1 Кронштадт – Горская	Трасса № 2 Кронштадт – Малая Ижора	Всего
1.	Пешеходов	102 807	57 232	160 039
2.	Организованных колонн войск (число бойцов)	53 237	-	53 237
3.	Подвод	1578	1043	2621
4.	Легковых автомашин	1082	440	1522
5.	Автомашин 1,5 т	14 248	10 555	24 803
6.	Автомашин 3 т	8370	8060	16 430
7.	Автомашин 5 т	2050	263	2313
8.	Спецмашин	2718	28	2746
9.	Танков	18	11	29
10.	Тракторов	194	164	358
11.	Орудий	96	38	134
12.	Автобусов 8 т	-	33	33
13.	Аэросаней	-	66	66

За этот период под непосредственным руководством гидрографов по трассам безаварийно прошли воинские части, автоколонны с числом до 300 автомашин в отдельные дни, орудия, танки, тракторы весом до 12 тонн, дизели весом до 18 тонн и т. д.».

Судя по этому отчету, трасса со временем была основательно «обжита». 300 машин в сутки — это в десять раз больше, чем в первый рейс. Целых четыре основные трассы действовали параллельно одна другой, а ведь были еще дополнительные и запасные дороги. И, конечно, не могут не удивлять возможности льда: он выдерживал танки и дизели, многотонные громады. Финский залив, по сути, прорвал блокаду Кронштадта и Ораниенбаумского пятачка.

Зимний сезон работы ледовой Малой дороги жизни можно назвать огромной победой. Снабжение Кронштадта и Ораниенбаумского плацдарма было налажено. Но это была только первая зима. Всего Малая дорога жизни выдержала три ледовых сезона.

Путь закрыт — проложим новый

Блокадные зимы не были похожи одна на другую. Менялись задачи и перед ледовой дорогой. Холодной выдалась зима 1941/42 года. А в 43-м она, напротив, была достаточно мягкой. Но капризы погоды не закрыли ледовую трассу. Финский залив становится местом все более оживленного движения. В отчетах гидрографов военной поры видно, насколько быстро они адаптировались к ситуациям, научились оперативно обустройства новые ледовые дороги.

Например, 3 февраля 1943 года, судя по отчетам гидрографов, появилось уже шестое направление. Оно вело от Кронштадта к Горской. Когда в марте вышла из строя одна из дорог, по новой обжитой трассе также начали движение грузовые автомашины. С воодушевлением гидрографы отмечают в отчетах:

«За время эксплуатации с 23 февраля по 28 марта колея дороги переносилась только два раза — в последних числах марта».

Люди уже не боялись трещин, размывов и полыней. Их накрывали, словно мостами, настилами. Правда, настилы приходилось часто менять. Порой десятки раз за месяц.

«За время эксплуатации северных дорог № 1, 4 и 6 было проложено дощатых настилов на трещинах 76 штук», — читаем мы в одном из отчетов.

Южная часть ледовой дороги через Финский залив проходила с 9 января по 25 марта 1943 года от базы Литке — на острове Котлин — до Малой Ижоры. Это совсем небольшой участок. Но и здесь из-за различных погодных катаклизмов дорога переносилась пять раз. У съездов на лед обустроивались бревенчато-дошчатые спуски. Для безопасности проложили 47 настилов через трещины. А вот расчищали дорогу обычно вручную. Чтобы защитить ее от снежных заносов, сооружали снежные валы, чаще всего — выше человеческого роста.

Но и требования к дороге росли. С 9 января по 28 марта 1943 года каждый месяц перевозили грузов больше, чем за весь зимний период 1941/42 года:

№	Вид транспорта	Январь	Февраль	Март	Итого
1.	1,5 т, 3 т, легковые машины	19 354	39 656	17 422	76 432
2.	Тяжелые воинские грузы, тракторы и агрегаты до 12 т	95	117	32	244
3.	Гужевой транспорт и лошади	682	1 033	1 718	3 433
4.	Отдельные пешеходы и воинские соединения	24 004	24 947	14 649	63 600

Удивительно вот что: в отчетах гидрографов нет ссылок на обстрелы и бомбардировки. А вот к дыханию залива они прислушивались чутко.

Так, 2 декабря 1942 года по молодому, еще неокрепшему льду толщиной 4–6 см была проложена и обвехована дорога № 1 Кронштадт — Горская общей протяженностью 11,5 км. А вечером поднялся сильный зюйд-остовый ветер. И... ледяной покров был нарушен и ушел в море вместе с вехами. Тогда 8 декабря с установлением нового льда дорогу проложили вторично. И машины пошли, несмотря на то что на отдельных участках трассы еще имелись водные поля размером с целое озеро — шириной 200 и длиной 500 метров.

9 декабря при толщине льда 7–10 см спецкоманды произвели расчистку от мелких торосов. И все-таки машины по тонкому льду пройти не могли. После полудня открыли движение мотосаней.

Малую дорогу жизни стали даже оборудовать световым ограждением из ацетиленовых фонарей. Чтобы не привлекать внимание врага, все они были направленного действия.

Машины шли и шли...

Лед был тонок, грузы тяжелы, а перевезти их нужно было как можно больше. Немудрено, что дороги быстро изнашивались. На трассе образовывались трещины. К зиме 1943 года их даже начали квалифицировать: открытые, продольные, поперечные, клинообразные и прочие.

Совершенствовались и способы эксплуатации ледовых трасс. Места, представляющие опасность для движения, ограждались запретными знаками. А по мере износа льда движение снова и снова переключалось на вновь проложенные полотна дорог.

Для расчистки от снеговых заносов стали применять грейдеры и даже тракторы ЧТЗ. Правда, на торосистых участках, в местах переходов через мосты-настилы и у спусков на лед все же приходилось брать в руки лопаты и грести вручную.

Любопытно, что часто упоминаемые в отчетах тракторы ЧТЗ, это известные до войны и в первые послевоенные годы тракторы «Сталинец». Они имели мощность 65 лошадиных сил, а весили более 10 тонн. И вся эта техника работала на льду. А внизу — морская бездна.

Весной 1943 года тяжелым бременем явились нагонные явления воды. Тогда применили новую смелую тактику: груженные машины начали перетаскивать через залитые водой прибрежные участки льда при помощи тракторов, которые стояли на прочном льду вдаль от берега и брали полуторки на буксир. Таким способом только у Александровской — на северном берегу, недалеко от Горской и Лисьего Носа, весной 1943 года перетащили 8573 груженные машины! Это сколько дополнительного хлеба доставили на оборонявшийся плацдарм. При этом весной 1943 года по Малой дороге жизни проходило до 1700 машин в день.

Невольно хочется сравнить:

**первый караван 17 декабря 1941 года -
30 машин;**

рекорд 1942 года - 300 машин в день;

норма 1943 года - 1700 автомобилей.

Чем дальше действовала Малая дорога жизни, тем смелее становились перевозчики. Появлялись новые навыки, приходил опыт. А главное — постепенно отступал страх. Не было у защитников Кронштадта и Ораниенбаума чувства оторванности от основных сил и потерянности. Не чувствовались беспомощность и отчаяние. Ленинградцы, кронштадтцы, ораниенбаумцы четко и деловому выполняли свои задачи, потому что в первую очередь понимали: иначе их ждет гибель.

Научившись выживать и бороться в тисках двойной блокады, люди все больше вдохновлялись будущей победой. Становилось все более очевидным: врагу уже не сломить сопротивление Ленинграда — впереди гитлеровцев ждет неминуемый и полный разгром.

Машины шли и шли. Грузы доставлялись. В конце концов деятельность трассы можно было сверять по часам.

Никакого чуда. Только физика

Ленинград не смог бы выстоять в годы блокады, если был бы городом обреченных, где люди надеялись только на помощь с Большой земли. Феномен Ленинграда заключается в том, что в жесточайших условиях вражеской осады его защитники научились жить и бороться с врагом, невзирая на голод, лишения, недостаток всего самого необходимого. По сути, победу одержали не сила оружия и мощь армии, а воля, самоотверженность и интеллект.

Здание Физтеха

Ученые блокадной лаборатории Физтеха. В светлом костюме в центре – П. П. Кобеко

Академический уголок

В Петербурге, недалеко от нынешней станции метро «Политехническая», расположился Физико-технический институт имени А. Ф. Иоффе Российской академии наук. В списке его сотрудников множество выдающихся ученых, десятки академиков, лауреаты различных престижных премий, в том числе и Нобелевской.

В субботу, 21 июня 1941 года, коллеги поздравляли Николая Николаевича Семенова с присуждением Сталинской премии (через пятнадцать лет он получит нобелевку в области химии).

В номере газеты «Правда» за 22 июня отмечалась новая победа физиков. В главной газете страны была напечатана заметка о завершении строительства крупнейшего в Европе циклотрона, спроектированного Игорем Васильевичем Курчатовым. Но мирные планы института нарушила война.

17 июля 1941 года директор института Абрам Федорович Иоффе в своей статье в «Ленинградской правде» подчеркнул, что будущей победе ученые отдадут «все силы ума, все свои знания, всю свою волю».

Институт было решено эвакуировать вглубь страны. И 28 июля восемнадцать научных лабораторий уехали в Казань, а восемь остались в Ленинграде. С началом блокады все научные подразделения переименовали в мастерские. Научные сотрудники стали числиться рабочими. И это было не понижение статуса, просто ученые стали получать более полноценные карточки на питание.

В годы войны «блокадным директором» стал Павел Павлович Кобеко. Под его началом оставалось менее ста ученых. Кобеко оказался выдающимся руководителем. Он не только наладил научную работу института в условиях блокады. Он, что особенно важно, несмотря на тяжелые годы лишений, наладил и хозяйственную деятельность института, питание своих коллег.

Например, в блокадную зиму 1941/42 года вспомнили, что еще в 1933 году для ремонта закупили 28 ведер олифы и краски на основе растительного масла. Физики под руководством П. П. Кобеко создали препарат по очистке. Полученное пригодное для питания масло называли «эликсиром жизни», который спас многих блокадников. А технологию применили на многих предприятиях города, ведь подобных неиспользованных и забытых запасов в городе оставалось немало.

Чем занимались блокадные мастерские? Очищали бензин для самолетов, разрабатывали специальные химические составы для укрепления военных сооружений, разработали светящиеся значки для передвижения по ночным блокадным улицам.

Среди «прикладных» разработок — котелки с термоэлектрическими генераторами. Ими пользовались партизаны и разведчики в тылу врага. Когда в таких котелках кипятили воду на кострах, вырабатывалась электроэнергия, достаточная для питания переносных радиостанций.

Но главные разработки были связаны с защитой города на Неве.

Закреть небо

В самом начале войны — в ночь на 23 июля 1941 года — фашистская авиация предприняла один из первых массированных налетов на Ленинград. «Ленинградская правда» писала: «Пятьдесят вражеских самолетов подкрадывались к городу, чтобы подвергнуть его бомбежке. Благодаря бдительности и оперативности красноармейца-радиста Яковлева стервятники были своевременно замечены». Поднятые в небо истребители перехватили немецкие бомбардировщики на подлете к городу. Сбили семнадцать самолетов, остальные повернули обратно.

Радист Яковлев был оператором установки «Редут», предназначенной для пеленгования самолетов. Это была одна из первых подобных разработок в мире. Исследования по радиолокации в Ленинграде начались еще в 1934 году, но относились к ним наши оборонщики с недоверием. Главное, они считали ее бессмысленной, поскольку самоуверенно были убеждены в неограниченных возможностях нашей авиации. К счастью, к началу войны эта разработка Физтеха все-таки была принята на вооружение Красной армии. «Редуты» сорвали многие массированные налеты на город. В годы войны в блокированном Ленинграде установки дорабатывали.

Всего было выпущено 607 станций различных модификаций. Благодаря им обнаружено и сбито нашей авиацией 1267 самолетов противника, зенитной артиллерией – 566.

Обезопасить от мин

Немцы начали минировать воды Финского залива еще перед войной. С хладнокровной пунктуальностью они изо дня в день пополняли акваторию магнитными минами. Невидимые на поверхности воды, затаившиеся на дне, мины всплывали и взрывались, как только над ними появлялся корабль. Мин было так много, что моряки называли Финский залив «суп с клецками».

Бороться с магнитными минами сложно. Обычно этим занимались тральщики. Один из передовых методов борьбы с большим количеством мин был такой: между двумя кораблями протягивали кабель, по которому пускали ток. На созданном магнитном поле срабатывали взрыватели. Существовал и более простой способ. Между двух барж крепили рельс, который также служил «раздражителем» для мин.

Но тральщиков не хватало. К тому же они сами подрывались, выходили из строя.

Особенность тральщиков и их работы заключалась еще и в том, что они не могли действовать при сильном волнении на море, а тем более в шторм. А капризная погода на Балтике могла измениться в любую минуту...

В Физтехе направление по борьбе с донными минами возглавил Анатолий Петрович Александров, будущий президент Академии наук СССР.

Еще перед началом Великой Отечественной войны совместно с Игорем Васильевичем Курчатовым и Владимиром Максимовичем Тучкевичем он разработал метод возможной защиты кораблей от магнитных мин.

Подводная лодка в доке

Ученые обратили внимание, что мины реагируют на вертикальную магнитную составляющую кораблей, поэтому предложили защищать суда путем их «размагничивания». На палубе у бортов укреплялись кабели защитной системы, по ним пускался ток, который менял магнитное поле и делал корабль «невидимым» для мин.

Первые испытания состоялись на линкоре «Марат» в октябре 1938 года и дали хорошие результаты. Но консервативно настроенное руководство ВМФ и РККА не спешило полагаться на выводы ученых. Акт приемки работ был подписан 18 июня 1941 года. К сожалению, перед самой войной размагничиванию наши корабли подвергнуты не были. А ведь это могло спасти многие суда, например, во время Таллинского перехода.

В первые месяцы войны из-за недостатка кабеля малые суда не размагничивались. Невозможно было решить эту задачу и для подводных лодок. Незащищенные, они гибли от мин. Ученые вспомнили школьные опыты по намагничиванию железных брусков в импульсивном магнитном поле. А что если подводную лодку рассматривать как такой брусок? В Малую Невку доставили лодку Щ-302. У Гренадерского моста ее размагнитили при помощи тока ее же аккумуляторов. Метод оказался удачным, и к декабрю удалось обезопасить от мин все подводные лодки и вспомогательные корабли.

За эту работу ученые были удостоены Сталинской премии.

Прогибограф

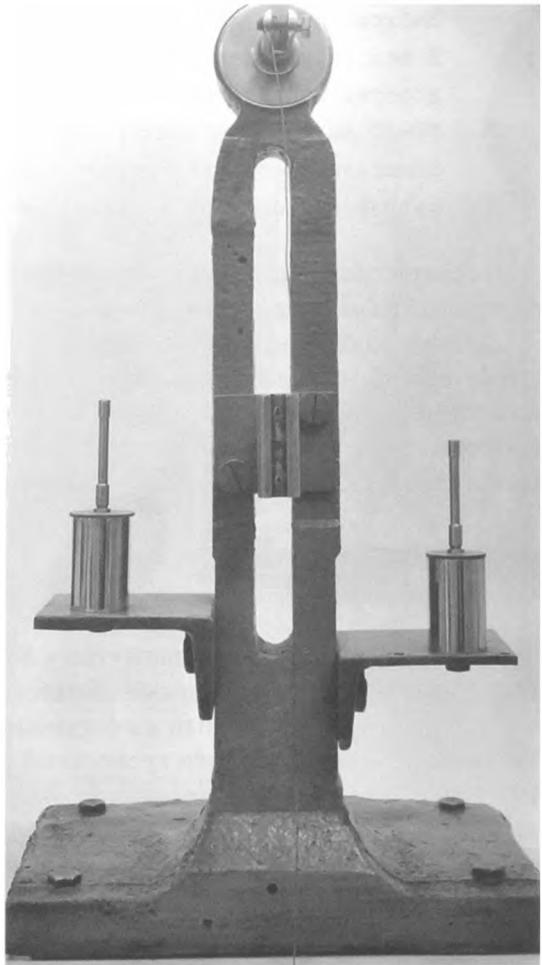
С наступлением холодов начали действовать долгожданные ледовые трассы на Ладоге и Финском заливе, связывающие Кронштадт и Ораниенбаум с Ленинградом. Но не все шло гладко. В первые две недели было потеряно более ста машин.

Лед вел себя труднообъяснимо: то пропускал тяжелую технику, то проваливался под колесами относительно небольших автомобилей. Выяснить причину поручили физтеховец. Группу возглавил П. П. Кобеко.

Физики предположили, что причина трагедий — эффект резонанса. Классический пример из школьных учебников — крушение моста, когда по нему маршировали солдаты. С тех пор во всех воинских уставах предписывалось пересекать переправы «вольным» шагом. А что если и на ледовых трассах колебания движущегося транспорта совпадают с колебаниями, вызванными подводными течениями?

Начали искать способ сделать замеры. Так родился прибор для регистрации колебаний льда и исследования деформации ледового покрова. Очень простое сооружение: длинная проволока, один конец которой опускался на дно при помощи грузила, к другому концу крепился карандаш, который фиксировал всякие волнения. Ученые сделали прибор своими силами из того, что было. Вместо тяжелой станины использовали подставку разрушенной парковой ограды. В ход пошли детали от старых телефонных аппаратов, огрызки карандашей и прочие бытовые мелочи. Может, первый образец прогибографа получился не столь уж и изящным, зато сколько человеческих жизней он спас.

Испытания проводили на месте будущего использования: на Дороге жизни и Малой дороге жизни. Результат превзошел все ожидания. Простой прибор точно указывал все риски и проблемные участки дороги.

Прибор прогибограф

Наблюдение на ледовых трассах велось круглосуточно. И вскоре удалось выработать Правила движения по ледовой дороге. Самая опасная скорость оказалась в интервале между 20–40 км в час, 35 км в час – просто смертельная. Научно вывели расстояние между машинами: не менее 150–200 метров при быстром движении, 60–70 метров – при медленном.

Расчеты позволили обеспечить работу трасс вплоть до второй половины апреля, когда лед уже становился особенно тонок и хрупок.

Данные, собранные прогибографами, позволили в январе 1943 года провести по льду целый караван тяжелых танков КВ. А в период подготовки операции по полному освобождению Ленинграда от вражеской осады обеспечили переброску из Лисьего Носа и Кронштадта на Ораниенбаумский плацдарм огромных военных сил, которые в январе 1944 года окончательно сокрушили врага.

Памятники дороге

Среди памятников, воздвигнутых в Кронштадте, есть и такой: противотанковый еж – перекрещенные стальные балки с витком колючей проволоки, а рядом – вдавленный в постамент след автомобильной покрывки. Установлен монумент у арки крепостных ворот на улице Восстания у дома 5. Именно в эту арку три блокадные зимы устремлялись полуторки к ледовой трассе в сторону Большой земли – к Лисьему Носу, Горской, Александровской. На монументе надпись: «Здесь в годы блокады Ленинграда проходила Малая дорога жизни Горская – Кронштадт – Ораниенбаумский плацдарм. 1941–1944 гг.».

На берегу Финского залива, у поселка Малая Ижора, высится обелиск. И тут памятная надпись: «Здесь проходила Малая дорога жизни». Именно здесь, когда проходил первый рейс в памятный декабрь 1941 года, ждали машины с хлебом для защитников Ораниенбаумского плацдарма из Лисьего Носа.

Эти два монумента – в Кронштадте и Малой Ижоре – установлены в начале 1970-х годов.

В 2015-м в Лисьем Носу был торжественно открыт памятник «Дорога мужества», также посвященный Малой дороге жизни. Так спустя десятилетия соединилась незримая линия подвига.

Проложенная в годы блокады трасса через Финский залив стала сначала спасительной ниточкой, связывавшей попавших во вражеское кольцо защитников Ленинграда, Кронштадта и Ораниенбаумского плацдарма. Однако с течением времени все больше росла уверенность непокоренных ленинградцев в скором разгроме гитлеровцев. Именно тогда Малая дорога жизни стала главной трассой будущей победы.

Памятник Малой дороге жизни в Кронштадте

В 2008 году в Петербург приезжал бодрый 83-летний старичок из Норвегии Йен Зандстад. Он интересовался местами боев у Ораниенбаумского плацдарма. Сопровождал норвежца петербургский писатель Юрий Лебедев. В Центральной районной библиотеке имени Н. А. Рубакина города Ломоносова хранится описание этой поездки.

Оказалось, Йен воевал под Ленинградом на стороне гитлеровцев. Он – выходец из большой семьи. Двое его старших братьев боролись с фашистами. А когда Германия оккупировала Норвегию, эмигрировали в Англию. Йен же, 18-летний мальчишка, поддался на разговоры о национальном самоопределении, о том, что в его жилах течет благородная кровь викингов, и записался в добровольческий легион «Норвегия». Правда, служить – не тужить в стране фьордов или, на худой конец, где-нибудь в Европе, ему не пришлось: Йена отправили в леса России...

И надо сказать, что норвежскому легионеру фантастически повезло. Его часть стояла между Воронино и Лопухинкой – в стороне от того места, где в январе 1944 года прошло направление главного удара. А сослуживцы Йена, которые оказались на пути нашего наступления, там и остались... В ходе операции «Январский гром» Красная армия разгромила гитлеровские войска под Ленинградом и полностью освободила город на Неве от вражеской осады.

Йен бежал с немцами. Потом, после войны, бесславно вернулся на родину. Даже дома его встретили холодно. Норвегия хотя и была оккупирована Германией, но фашистам не покорилась. Таких, как Йен, считали предателями. Большую часть своей жизни он провел на отдаленной ферме.

Под Ораниенбаумом норвежец рассчитывал найти окопы и блиндажи. Может, могилы боевых друзей. Но только старые карты, которые Йен привез с собой, подсказывали, где он мог бывать в 1943–1944 годах. Все вокруг изменилось. Заросли старые траншеи и воронки. Там, где в боях была выжженная пустыня, теперь выросли новые леса. На месте разрушенных деревень построили новые.

Впрочем, чему удивляться? Все закономерно – жизнь берет свое. Старого солдата поразило другое, о чем в годы войны он даже не задумывался. В 1943-м под Ораниенбаумом он был уверен, что в «котле», как называли его немцы, против фашистов стояла только русская армия коммунистов-фанатиков. А теперь он узнал, что наравне с военными здесь сражались тысячи мирных жителей. Получалось, что он, молодой и сильный, воевал не только против солдат, но и против обессиленных голодом и лишениями женщин и детей.

Воевал и проиграл.

Часть четвертая.

Будни прифронтовой полосы

Уроки отменяются?

1 сентября 1941 года в Ленинграде за парты должны были сесть 400 тысяч школьников.

Многие учащиеся той поры вспоминали, как пришли 1 сентября к своим школам, а занятия отменили. В тот момент Ленинград был прифронтовым городом, судьба которого еще решалась на полях сражений, как говорили военные, — на ближних подступах. В некоторых школах, как, например, в Лисьем Носу, уже несколько дней работали госпитали, санитары разгружали привезенных с фронта раненых солдат.

В Ленинграде занятия в 103 школах начались только в октябре. Сначала за парты сели 60 тысяч учащихся 1—6-х классов, позже к ним присоединились еще 30 тысяч старшеклассников.

В Ораниенбауме до войны работало пять школ, а во время учебного 1941/42 года — только две. Одна располагалась во флигеле Меншиковского дворца на краю парка, поэтому ее часто называли Парковой. Вторая открылась прямо в квартире жилого дома, расположенного по проспекту Юного Ленинца, 51, ныне Дворцовому.

Увы, занятия в школах в первый военный учебный год продлились недолго. В ноябре начался голод. У детей не было сил ходить на уроки. Разрешили занятия не проводить. В Ораниенбауме школы закрылись.

**Но 1 сентября 1942 года начался новый учебный год.
На этот раз в срок. Увы, блокада давала о себе знать.**

В этом здании находилась Парковая школа Ораниенбаума

Число учащихся сократилось в разы. Кому-то удалось уехать в эвакуацию. Но большинство погибло от голода и бомбежек.

В Ораниенбауме учащихся набрали только на одну школу. Открылась Парковая – в Меншиковском дворце. Тетрадей у учащихся не было, учебников не хватало. Писали на клочках газет, сохранившихся довоенных журналов, между строк уже исписанных тетрадей. Зато на большой перемене школьников в столовой ждали пшеничный супчик и горячий морковный чай с соевой конфетой.

Часто ученики опаздывали на занятия, потому что попадали под обстрелы, которые переживали в ямах и канавах, укрываясь от осколков. Но учились все с удовольствием. Даже тройка считалась оценкой «стыдной». Считалось, что каждый на своем месте – доблестью на фронте, ударным трудом, отличной учебой – вносит весомую лепту в будущую победу.

Собственно, так оно и было. А постоянная занятость, работа отвлекали от главного – голода, не оставляли места унынию и апатии.

Школа превратилась в настоящую маленькую коммуну, где дети не только учились. Маленькие ораниенбаумцы, как и их ровесники в Ленинграде, делали все возможное, чтобы облегчить тяготы блокады и оказать помощь фронту. Девочки вязали варежки и носки для бойцов. Ходили в госпиталь, ухаживали за ранеными. Мальчишки занимались заготовкой дров: обычно разбирали разрушенные при обстрелах деревянные дома.

А с наступлением весны разбили огороды, на которых выращивали овощи – картофель, морковь.

Особенно ценилась капуста, поскольку она давала больше всего витаминов и необходимых для восстановления ослабленного организма веществ.

Удобрений не было. Как вспоминали учащиеся той поры, собирали золу из печей разбитых домов.

Частыми гостями школьников становились герои боев. Многие запомнили встречу с Героем Советского Союза летчиком Георгием Костылевым. Ребята спросили:

«Дядя Гоша, вам сверху видно все. Чем занимаются сейчас немцы?»

«Собирают свои чемоданы», – ответил летчик.

Эта фраза прославленного истребителя была для юных ораниенбаумцев как бальзам. Выходит, фашистам не удастся одолеть нашу армию, планируют бегство. Значит, скоро все закончится. И жизнь снова станет такой, какой была в мирную пору.

Ораниенбаумский плацдарм действительно был очень мал. Тут даже большие промышленные предприятия никогда не работали. Несколько артелей «Ораниенкооп» и «Швейник» с первых дней войны оставили прежние, в ос-

новном частные заказы, и начали трудиться на нужды фронта: освоили производство маскировочных сеток и халатов, шинелей, бушлатов, наволочек и простыней для госпиталей, рукавиц и ватников.

Главным раздражителем для фашистов в Ораниенбауме был порт. Сюда каждую ночь прибывали суда и транспорты из Ленинграда, которые перевозили грузы и солдат для обороны плацдарма. Порт бомбили и обстреливали не просто регулярно, а, можно сказать, по расписанию.

Окруженный двойным блокадным кольцом, Ораниенбаум голодал.

Один блокадник рассказывал, что когда увидел первого убитого во время обстрела, то подумал, что это и есть самое страшное в жизни. Но когда в блокадном городе увидел ребенка, который лижет стол, на котором только что лежал хлеб, понял, что бывают вещи и страшнее смерти.

Жители блокированных Ленинграда, Ораниенбаума, Кронштадта, Лисьего Носа умирали целыми семьями. В то время было принято не закрывать двери домов, чтобы специальные команды могли навещать обессиленных людей. Увы, чаще всего в комнаты заходили, чтобы забрать и увезти на кладбище умерших...

Но в это жестокое время как раз больше всего и проявлялась подлинная человечность. На четвертый месяц войны начал работать детский дом. Взрослые гибли от обстрелов и голода. Детишек находили в опустевших холодных квартирах. Сначала их приводили в помещение бывшего детсада, в дом 49 по проспекту Юного Ленинца, — соседний с тем, где располагалась квартира-школа. Важно было накормить, обогреть, спасти от болезней, голодной смерти как можно больше ребят. Вначале дом принял 78 мальчиков и девочек. Но с каждым днем их число росло. И тогда для детского дома выделили один из старинных особняков, так называемую Максимову дачу, где разместили уже около 360 детишек.

Блокадные дети

В большом здании насчитывалось семнадцать комнат, но ни одного окна с целыми стеклами. Ветер гулял по пустым помещениям. Не было ни кроватей, ни столов, ни стульев. Белье и посуду по решению исполкома горсовета получили в различных организациях города. Кровати, мебель собирали по всему городу, свозили на санках. Собирали кусочки стекол, склеивали бумагой, закрывали окна. На дрова разобрали старый бревенчатый сарай.

Зима 1941/42 года унесла много жизней. Несмотря на все усилия, почти каждое утро в спальнях детского дома обнаруживали угасших от дистрофии ребят.

И все же детдом жил, а главное — спасал детей. Летом 1942 года по Малой дороге жизни, а потом по Дороге жизни через Ладожское озеро их вывезли в эвакуацию: сначала на Кубань, затем — в Киргизию. Благодаря усилиям педагогов детей удалось спасти.

Фашисты выпустили по Ораниенбауму **224**
авиабомбы и **22 660** артснарядов.

В Ораниенбауме разрушено до основания
273 дома, повреждено **327**. Были сильно
повреждены Меншиковский дворец и Каталъная
горка.

До войны население Ораниенбаума составляло
35 000 человек, района - **29 000**.

К концу 1941 года число мирных жителей
на Ораниенбаумском плацдарме сократилось
до **14 400** человек. Зимой, весной
и летом 1942 года прошли массовые
эвакуации. Многие, увы, умерли от голода.
Летом 1942-го на плацдарме осталось
2,5 тысячи гражданских.

То, что нас не убивает, делает сильнее

Тяжелой осенью 1941 года многие невольно с тоской думали о мирном времени.

Труженики села вспоминали весну 1941 года — она выдалась на редкость хорошей. Успешно прошел сев. Многие передовики побывали на сельскохозяйственной выставке в Москве и вернулись с наградами. Потом закономерно ожидали отличного урожая. Среди самых сильных хозяйств Ораниенбаумского района, да и всей Ленинградской области, считался колхоз «Пеники».

Как только началась война, мужчины из колхоза ушли в армию. На работе остались женщины, девушки и старики. Как вспоминала после войны председатель «Пеников» Мария Ивановна Васильева, в самом начале войны колхоз передал Красной армии всех лошадей, тракторы и повозки. Сдали государству свиней, телят и даже кур. А племенных коров угнали «в эвакуацию» — в глубокий тыл, в Вологодскую область.

Но при этом, оставшись без техники и тяговой силы, колхозники, по сути, на себе убрали весь урожай зерновых, картофеля и овощей. И снова большую часть передали государству.

С приближением фронта у колхозников появилась новая обязанность — помогать рыть окопы.

А после прорыва немцев к Ленинграду и образования Ораниенбаумского плацдарма колхоз «Пеники» оказался в шести километрах от переднего края.

«До войны в Ораниенбаумском районе находилось более 150 колхозов, — вспоминала одна из сотрудниц райисполкома Елена Артемьевна Петрова.
— На плацдарме их осталось всего 12...»

Для колхозников зима 1941/42 года стала самой тяжелой. Морозы были такие, что даже вода замерзала в колодцах. А выживать приходилось не только самим. Вокруг обосновалось много беженцев, покинувших занятые врагом родные места. Среди них были деревенские, но и городских, например из Петергофа, прибыло немало. Семьи колхозников принимали беженцев в свои дома. И все же всех разместить не смогли, поэтому многим пришлось искать убежище в лесу, где они рыли землянки и ставили шалаши. Беженцы не приважили с собой никаких запасов.

Им достался лишь скудный «ораниенбаумский паек» — 100 граммов хлеба иждивенцам и 125 — рабочим.

И в таких условиях шанса выжить практически не было, если бы не помогали колхозники, сами голодавшие. Беженцев пристраивали на работу — рук

не хватало. Но у многих сказывалось отсутствие каких-либо навыков. Такие люди, не приспособленные к суровым испытаниям, нередко погибали в первую военную зиму.

Но все же первую блокадную зиму с грехом пополам удалось пережить. Люди никаких иллюзий не испытывали. Все понимали — враг занял свои позиции надолго. Значит, надо приспособливаться жить в тех условиях, какие есть. В апреле 1942 года колхозники начали готовиться к севу.

**Война войной, а «Пеникам» определили план: засеять
17 гектаров капустой, брюквой, свеклой и морковью.
Это около 30 футбольных полей.**

«Лошадей нет, тракторов нет. Все это пространство — огромное для изможденных голодом и тяжелой работой людей — предстояло вскапывать лопатами», — вспоминала Васильева. Правда, и нормы хлеба к этому времени серьезно выросли. Колхозникам выдавали до 640 граммов в день. На фоне зимнего пайка — это целое богатство. Люди ожили, воспряли духом и посевную провели в срок.

Целую настоящую операцию провели, чтобы добыть семена. Их на плацдарме не было. Обратились за помощью в Ленинград. Работница райисполкома Елена Артемьевна Петрова дважды зимой ходила за семенами по льду Финского залива в город на Неве. Весной с самолетов сбросили еще несколько мешков семян.

Колхозники шутили: удача притягивает к себе новую удачу. Пошла работа: вскопали поля, провели сев... Вроде обычные крестьянские хлопоты. Но война напоминала о себе постоянно. Чем мог, казалось, привлекать к себе колхоз вражеские самолеты. Тут им и бомбить-то нечего: кругом поля да леса. В деревнях не квартировали ни воинские части, ни зенитные расчеты, не располагались стратегические объекты. Но именно на «Пеники» регулярно обрушивались бомбовые удары. Особенно после того, как окрепла оборона Ленинграда и подступы к нему. При налетах фашистская авиация получала жесткий отпор. Немецкие пилоты часто не успевали даже сбросить свой смертоносный груз. В небе становилось так жарко, что немцам оставалось только одно — побыстрее драпать. В кипучей злобе гитлеровцы сбрасывали бомбы на поля...

Но это была злоба от бессилия.

Неожиданно помощь колхозникам время от времени начали оказывать партизаны. Однажды весенним днем к колхозному управлению привели двенадцать коров, отбитых у фашистов.

Животные оказались страшно истощены. Но это был по-настоящему царский подарок. Доярки собирали прошлогоднюю траву в лесах и на лугах. Коров удалось выводить. В деревне появилось молоко, вкус которого многие уже позабыли. Хлеб и молоко поставили на ноги ослабевших людей. Часть молока колхоз отдавал в госпиталь и больницу Ораниенбаума.

Первый военный урожай 1942 года – чуть более ста тонн овощей, можно считать огромной победой. Этот не очень богатый урожай сыграл важное значение для изголодавшихся людей и войсковых частей. Он позволил людям поверить, что война не истощила нашу землю.

В 1943-м партизаны снова преподнесли колхозникам подарки. На сей раз это были лошади и два трактора. С таким оснащением и работа начала спориться.

«Второй военный урожай был очень хороший», – вспоминала Васильева.

К посевной 1943-го в незахваченных фашистами уголках Ораниенбаумского района готовились тщательно, стараясь оказать колхозникам возможную помощь. Если «Пеники» своими подарками поддерживали партизаны, шефство над другими колхозами взяли воинские соединения, расквартированные поблизости.

Одному из колхозов поступило предложение принять шестнадцать лошадей. Новость была настолько невероятной, что в нее даже поверить не могли. Но все объяснялось достаточно просто. Лошадей доставили на плацдарм для перевозки орудий. Но военные оказались не очень грамотными коневодами. Истощенные животные в конце концов не могли даже с места сдвинуть тяжелые пушки. Чтобы спасти лошадей, оставался только один выход – отдать в колхозы. Конечно, это были те еще скакуны. Но в хозяйстве – огромное подспорье. Лошадей выводили, и они прекрасно пахали колхозные поля.

Колхозники проявляли удивительные находчивость, смекалку и фантастическую изобретательность. Перед началом блокады из петергофской МТС пытались перегнать несколько тракторов. Собирались в спешке, заправить машины забыли. В самый неподходящий момент они заглохли, начался обстрел, и их пришлось бросить. Теперь отличные трактора стояли на ничейной полосе, словно нарочно дразня безлошадных колхозников. Решили их перетащить к себе. Но как? Немцы же не слепые: только появившись – сразу начнут обстрел. И тогда механизаторы стали предпринимать ночные вылазки и втихаря снимать с машин детали. Так по запчастям перетаскивали три трактора, которые собрали на территории плацдарма.

**«В нас не было растерянности
и обреченности», – подчеркивали все колхозники,
кто пережил блокаду.**

После войны произошел символический случай. Когда части, оборонявшие Ораниенбаумский плацдарм, дошли до Берлина, в штабе одной из победенных фашистских дивизий обнаружили переходящее Красной знамя. Оно было вручено за победу в социалистическом соревновании за 1940 год одному из колхозов района. Немцы явно считали, что захватили военный трофей русской армии. И, как показали будни блокады, в чем-то оказались правы. Под обстрелами и бомбежками сельские труженики без какого-либо пафоса, но так же, как солдаты, — мужественно и не щадя сил — выполняли свой долг до конца. Знамя вернули. И им еще многие годы награждали лучшие хозяйства.

В 1943 году колхозы Ораниенбаумского

плацдарма поставили в Ленинград:

1300 тонн овощей,

800 тонн картофеля,

150 кг клюквы.

Собрали **241** тысячу рублей

на постройку танковой колонны

«Ленинградский колхозник».

Кронштадтский быт

В Кронштадте в начале войны на базах флота имелись значительные запасы, которых могло надолго хватить и городу-крепости, и мирным жителям. Но, когда в Ленинграде начались проблемы с продовольствием, Кронштадт пришел на помощь. Тогда казалось, что блокада продлится недолго. И вскоре можно будет пополнить «неприкосновенный запас».

Флот осенью 1941 года выделил Ленинграду:

1545 тонн муки,

105 тонн сахара,

24 тонны рыбных консервов,

4 тонны сгущенного молока.

Ленинграду всего этого хватило на несколько дней. Кронштадт лишил себя последнего.

В блокадном Кронштадте также старались, несмотря на все тяготы войны, наладить нормальную жизнь.

В городе закончилось топливо, остановилась поврежденная обстрелами единственная электростанция. Тогда в местных механических мастерских начали изготавливать небольшие блок-станции. Их ставили на Морском заводе, хлебозаводе, водопроводной станции и других самых жизненно необходимых предприятиях. Буквально по каплям собирали горючее, чтобы запустить движки.

Галина Вишневская в годы войны

В самую тяжелую и голодную зиму 1941/42 года для детей устроили новогодний праздник в Матросском клубе. В этот вечер светилась огнями разноцветных свечей украшенная елка. Организовали обед и вкусные подарки от Деда Мороза. Ребятам это казалось чудом.

Город-крепость, осыпаемый бомбами и снарядами, не отказывался от своих привычек. Всю войну ежедневно работала центральная библиотека. Несмотря на трудности с топливом, в ней было тепло. Правда, для печей разобрали на дрова около ста деревянных домов, разрушенных бомбами и снарядами. Действовали баня и парикмахерская.

Всем хорошо известно, что всю войну в блокадном Ленинграде работал Театр музыкальной комедии. Он давал свои представления на площади Искусств, затем его перевели в здание Академического театра имени А. С. Пушкина — знаменитый Александринский театр.

Именно с блокадных дней, с октября 1942 года, ведет свою родословную еще один знаменитый театр города на Неве — имени В. Ф. Комиссаржевской.

В блокадном Ленинграде, в историческом здании Филармонии, 9 августа 1942 года была исполнена Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича.

**В Кронштадте, в Доме флота, давала
спектакли и концерты постоянная
группа Ленинградского театра комедии
и сатиры.**

Как до войны, в клубах и на кораблях выступали артисты. И какие артисты — звезды первой величины: Клавдия Шульженко, Софья Преображенская, Леонид Кострица.

Именно в блокаду раскрылся талант великой певицы Галины Ивановой. Уроженка Кронштадта встретила блокаду бойцом отряда противовоздушной обороны. Во время налетов дежурила на крышах, гася сброшенные врагом бомбы-зажигалки. Также участвовала в концертах для личного состава Балтийского флота. Пройдет немного времени, и ее сопрано покорит весь мир. А мы будем знать ее уже под фамилией Вишневская.

Осенью 1941 года на флоте была создана группа писателей. Они выступали по радио, публиковали статьи и очерки, отражая в своих произведениях героические будни Кронштадта и Ораниенбаумского плацдарма. В группу вошли Александр Зонин, Всеволод Азаров, Николай Чуковский, Лев Успенский и другие. Возглавил эту группу Всеволод Вишневский. Частыми гостями в Кронштадте были Ольга Берггольц, Вера Инбер, Вера Кетлинская, Николай Тихонов и Александр Фадеев.

Кронштадт, который был разделен морем с Ленинградом, несмотря на блокаду, оставался с ним единым целым.

Капуста, морковь под носом у врага

Кронштадтцы понимали, что нельзя уповать только на помощь с Большой земли или Ленинграда. С весны 1942 года на острове Котлин начали выращивать овощи.

На острове мало пригодной для огородов земли. Наиболее плодородным был южный берег залива. Как на грех, это было как раз напротив неприятельских позиций. Но, несмотря на это, сотни жителей Кронштадта начали там обустраивать свои огороды. Собирать урожай иногда приходилось под огнем. Его перевозили на виду у врага на шлюпках и плотках, чтобы не отвлекать для этого плавучие средства крепости и флота.

На острове Котлин, оказалось, можно найти грибы и ягоды.

И, конечно, как можно жить у моря и не заниматься рыбной ловлей.

Довоенная идиллия

В блокадном Ленинграде каждый грамм хлеба был на счету. Но город боролся. И сам старался использовать каждую возможность, чтобы пополнить рацион голодающих людей продуктами. Известна фотография огородов у Исаакиевского собора с огромными блокадными кочанами капусты. Но отчего-то мало говорится о рыболовецких колхозах, которые добывали улов в тяжелые дни осады — под прицелами вражеских пушек и курсирующих над Финским заливом фашистских самолетов.

Финский залив — рыбное место. Настолько рыбное, что с начала прошлого века тут сложились сразу три «школы» морского промысла. В каждой выделялись свои рыбаки-асы, свои типы судов, свои принципы ловли.

Старожилами считались финны. В море они выходили по одному, реже — по двое. Их лодки — легкие и остроносые «финки» — были самыми быстроходными, при этом необычайно прочными и надежными. Финский залив у берегов, где шел промысел, — мелководный, тут много отмелей, на дне которых притаились камни. Даже опытный мореход может не знать о них. Нередко лодки насаживали на валуны, некоторые получали серьезные пробоины и тонули. Опытные рыбаки-финны, уверенные в своих суденышках, наскочив на подводную неприятность, обычно говорили с акцентом: «Амень старый, лотка новый, идем дальше!»

В путину на заработки приезжали рыбаки с Чудского озера и Селигера — из-под города Осташков. Первых называли гдовские, вторых — осташи. Приезжали-приезжали и прижились. С ними появились и новые лодки — «гдовки», наподобие тех, что использовали на Псковщине: широкие, устойчивые,

Приемка рыбы в Лисьем Носу

Рыба-мина

вместительные для улова. Были и огромные «штурманки», в них могла погрузиться целая бригада, но и добычу они привозили богатую.

На заливе придерживались своих принципов и правил. Почти все лодки были весельными. Под парусом ходили редко — Балтика коварна: внезапно налетевший ветер может перевернуть рыбацкое суденышко. Моторы рыбаки не долюбивали. Может, из-за того, что большинство из них, родившихся в период лихолетья Первой мировой, а потом Гражданской войн, были малограмотными и с техникой «не дружили». А может, из уважения к обитателям морских глубин. Рассказывают, что в период нереста рыбаки, чтобы не спугнуть рыбу громким всплеском, весла обматывали старыми полотенцами.

Сезон на заливе начинался в апреле,
когда шла корюшка. Ее ловили до мая.
Потом — щуку. Много было лещей, судаков, окуней,
плотвы. Из «деликатесной рыбы» — лосось,
угорь, минога, сиг.

В 1930-е годы на побережье создали рыболовецкий колхоз имени Ленина. Хозяйство вело промысел у Сестрорецка, Лахты и Лисьего Носа. Судя по всему, вело образцово — плохое именем вождя не нарекли бы.

Улов измеряли центнерами. В путину родные рыбаков практически не видели. Как уходили они в море в четыре утра, так возвращались ближе к полуночи. Трудились без выходных.

Цены на рыбу в советские годы были невысокими. Гораздо ниже, чем на мясо, птицу и дефицитную колбасу. И хотя заработки рыбаков-колхозников в сезон зашкаливали, рыбацкие семьи жили небогато. Путина заканчивалась, начинался простой. Зимой рыбу не ловили, чинили сети, отдыхали. В этот период зарплата рыбаков была чисто символической.

Рыбацкое счастье

С началом войны все изменилось. Рыбаки ушли на фронт. В поселках остались их жены, дети, старики и инвалиды. Ну и, конечно, лодки и сети. Голодающему Ленинграду очень бы пригодилась рыбка. Стали восстанавливать древний промысел.

Но ловить рыбу под Сестрорецком оказалось невозможно. Там стояли финские части, союзники Германии. Финны, как говорят старожилы, «были злее немцев», стреляли во все, что видели в свои прицелы. С началом путины они сразу же начали вести огонь по рыбакам. Когда зацепили одну из лодок, где чуть было не погибли две женщины, решено было перебазировать бригады

в Лисий Нос. Нужно было забрать рыбацкие снасти. В то время капроновых сетей еще не было. Их плели из хлопчатобумажной нити, потом смолили для прочности. Сети достигали сотни метров в длину и несколько метров в ширину. Мужчины-то с трудом их тянули, а к морю перевозили на двухколесных тележках, запряженных лошадьми. А тут пришлось сети перевозить ослабленным женщинам, да и лошадей всех «мобилизовали» на нужды армии. Ничего не поделаешь — пришлось рыбацкам самим запрягаться в тележки.

Жилья на всех не хватало, часть колхозников поселилась в рыбацких сараях, в которых в мирное время держали снасти.

**Все крупные лодки и суденышки реквизировали
для доставки грузов и солдат в Кронштадт.
Остались только небольшие «финки»
и «гдовки».**

В путину в море выходили рано утром. У берега стояли дозорные. Им предъявляли специально приготовленные для рыбаков пропуска. А дальше море — такое родное и знакомое в погожий день, страшное и коварное в шторм. Но теперь страшнее и коварнее любого шторма был враг, который занял все южное побережье Финского залива до Ораниенбаума.

Южный берег выше северного. Немцы хорошо видели все передвижения на море. Правда, просыпались они не рано. Если удавалось завершить

Рыбацкие сарай. В них в годы блокады жили многие рыбацки

Рыбаки готовятся к отплытию

промысел до того, как они спохватятся, значит — повезло. Но рыбацкие сети простирались на огромные расстояния. Пока все проверишь, пока поставишь новые рыбные ловушки и мережи...

Как только немцы замечали движение на северной стороне залива, тут же поднимали в воздух самолеты. Они кружили над лодками. Иногда, чтобы напугать, пикировали. Рыбаки и рыбацки вспоминали, что самолеты пролетали так низко, что можно было разглядеть лица летчиков. В эти мгновения они, как правило, хохотали.

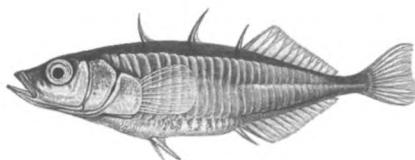
**Девушки-рыбачки не различали марки вражеских машин.
Потом на берегу говорили просто: «Сегодня снова
«гитлер» пролетал...»**

Впрочем, не всегда фашисты берегли боеприпасы и были милосердны. Рыбаки вспоминали, как попадали в море под вражеские обстрелы. Особенно часто это случалось, когда они ловили около ближайших к Лисьему Носу фортов — Шестого и Седьмого. К счастью, краснофлотцы приходили на выручку: вылавливали рыбаков, чинили их лодки. В армии и на флоте все прекрасно знали, что добыча из залива прежде всего идет на нужды военных.

Возвращающиеся с путины лодки на берегу ждали приемщики из воинских частей. Если до войны каждый рыбак получал по 3-4 кг с улова, теперь забирали всю рыбу. Оставить себе позволяли лишь рыбу колюшку, которую считали непромысловой.

Рыбка колюшка

До войны колюшку считали рыбой «сорной». Длинной со спичку – что из нее путное приготовить? Она только раздражала. Особенно неприятно было наступить на такую рыбешку, которая стайками металась у берега. У нее на спинке – острый плавник, вопьется такой в ногу – потом рана долго болит, гноится...

Но в блокаду колюшка стала спасением и рыбаков, и ленинградцев, и кронштадтцев. В городе ее ловили в речках и каналах – сачками, сумками, рубашками, майками. Из колюшки готовили уху, котлеты. Сушили на рыбную муку. В одном из ленинградских медицинских институтов разработали препарат «Жир колюшки», применявшийся в госпиталях для лечения ожогов и ран.

В годы войны рыбка стала героем. Многие блокадники обязаны колюшке жизнью.

Известный писатель Леонид Пантелеев посвятил колюшке один из своих рассказов:

«Колюшка! Та самая, мелкая-премелкая, с полмизинца длиной рыбешка, которая бегаёт юркими стайками на взморье, в самых мелких местах... Сколько раз мальчиком пытался я поймать хоть одну рукой – никогда не удавалось. А тут мы погружали в воду свои корзины, ставили их против течения под тупым углом и через минуту выдергивали. В корзине прыгало десять – пятнадцать колюшек».

8 мая 2005 года на западной стене Обводного канала – напротив павильона мареографа Кронштадтского футштока – открыли памятник блокадной колюшке, созданный скульптором Н. В. Чепурным.

Кронштадтский футшток

Мой добрый папа

Одно из звеньев блокадных рыбаков возглавил Валентин Иванович Эльзенгр. Ему в ту пору было 25, но он уже успел повоевать на «финской» войне, где его тяжело ранило, поэтому в Великую Отечественную получил бронь. С ним в море выходил парень-инвалид Борис Обьездчиков. Потом в мини-бригаду влилась и Ольга, жена Валентина. Вообще-то она работала на почтамте, но окончила курсы радисток, и ее мобилизовали в армию. Проходила медосмотр, и выяснилось, что ждет ребенка. Ее тут же комиссовали. Прежнее место уже оказалось занято — пришлось идти в рыбаки. Собственно, прямо с лодки отправилась рожать. Тяжело ли было беременной тянуть сети, вытаскивать из студеной воды рыбу? Да кто тогда спрашивал!

Дочь семейной пары рыбаков Лидия Валентиновна Скобелева, второй ребенок, родилась после войны. Она рассказывает:

«У нас дома часто собирались папины товарищи. Но о войне говорили мало. О том, как тяжело приходилось рыбакам, можно было судить по их труду в мирное время. Иногда, когда мама уезжала в Ленинград, папа собирал меня в школу. Я помню, как виртуозно он вязал и чинил рыбацкие сети, а с моими косичками справлялся не очень. Не чувствовали его большие грубые руки девчоночьих волос».

Руки рыбака кормят. И у настоящих профессионалов было одно правило: не приучать их к теплу, чтобы не боялись холода и ледяной воды.

Как говорит Лидия Валентиновна, «папа никогда не носил перчаток и рукавиц».

В мирное время колхозники не вели подледный лов. А в войну приходилось. Человек на белой снежной поверхности сразу заметен. Несколько раз Валентин Иванович попадал под вражеский обстрел. Однажды провалился под лед, чуть не утонул.

Зимой рыбаков мобилизовывали на работы на Ледовой трассе — так называли Малую дорогу жизни, ведущую из Лисьего Носа в Кронштадт и на Ораниенбаумский плацдарм. Расчищали снег, возводили ледовые насыпи для защиты от вражеского лыжного десанта.

«Руководил рыбаками бригадир Дмитрий Иванович Лариков. Все его называли стариком, хотя ему, наверное, не было и пятидесяти, — рассказывает Лидия Валентиновна. — Больше всего бригадира злили вечерние отлучки молодых рыбаков. Они бегали на танцы к зенитчикам. Утром в лодке спали, вместо того чтобы работать. А папа их покрывал. Ведь все они были еще совсем девчонками. Война войной, а жизнь продолжалась».

Рыбачки из Сестрорецка

Погрузка улова

Бригада после войны

Валентин Иванович Эльзенберг

Смолят сети

После войны колхоз имени Ленина продолжил свое существование. Кто-то из рыбаков вернулся с фронта, кто-то нет. На вахту в море заступило новое поколение. В 1980-х всех рыбаков, работавших в годы войны, приравнивали к ветеранам Великой Отечественной. Но не все дождались этих почестей. Тяжелый труд, колоссальные нагрузки стали причинами хронических заболеваний. Мало кто из них доживал до шестидесяти.

А добрая слава о них сохранилась в народе. Их самоотверженный труд — настоящий подвиг. Ведь они в самые тяжелые дни блокады спасли от голодной смерти очень многих.

Рыбачки с острова Декабристов

Одна из достопримечательностей южного побережья Финского залива — Шепелёвский маяк. Его купили во Франции еще в царское время, в 1908 году. Чугунная башня указывала путь морякам. В годы войны маяк, разумеется, не мог работать. Но он стал важным объектом Ораниенбаумского плацдарма. От него шли караваны машин по ледовой Малой дороге жизни к гарнизонам на островах Сескар и Лавенсаари.

В поездку к Шепелёвскому маяку пригласил Валентин Елисеев. Он прочитал одну из публикаций в газете «Комсомольская правда» о Малой дороге жизни и захотел рассказать о своей маме. У маяка базировался рыболовецкий колхоз, обеспечивавший рыбой бойцов Ораниенбаумского плацдарма.

Шепелёвский маяк

Юлия Елисеева

Валентин Елисеев

«Моя мама Юлия Николаевна была тут бригадиром рыбаков, — рассказал Валентин. — Как и многие блокадники, не любила рассказывать о том трудном времени. Так и ушла, не открыв многое о своей жизни. Но я считаю своим долгом уже для своих детей по крупицам собрать все, что возможно, о ее героической юности».

Юлию Николаевну командировали под Ораниенбаум в начале войны из Ленинграда из рыболовецкого колхоза, который базировался на острове Декабристов. Девушка-красавица, наверное, мечтала стать артисткой и не планировала провести несколько лет с сетями и на веслах. Приезжих ленинградок местное население поначалу встретило неприветливо. Сами голодали, а тут еще «командировочные». Из питания не было ничего, кроме лебеды. Но вскоре рыбачки стали главными добытчиками округа. Рыба с залива шла на нужды армии и местного населения.

**Трудная, жестокая жизнь досталась блокадным девочкам.
Опасные ежедневные выходы в море на утлых лодках,
на веслах, с тяжелыми сетями.**

Были и штормы и обстрелы. Однажды в сетях запуталась мина. Девушки смотрели, как рогатая металлическая сволочь медленно уплывает от их лодки, унося главную ценность рыбаков... «Нет, не бросим!» — решили подруги. Медленно и осторожно нагнали мину. Две девушки буквально вцепились в весла, чтобы как можно меньше лодка качалась на волнах, а 20-летняя Юля, как сапер, начала распутывать сеть. Настоящая игра со смертью. Никто не помнит, сколько прошло времени — несколько минут или несколько часов. Всем показалось, что длилось это вечность. Снасти спасли! Радости не было предела. И никому в голову не пришло, что радоваться надо тому, что не погибли.

Бывший рыбозавод и пирс у Шепелёвского маяка

Многие поступки тех лет никто не воспринимал как героические. Все дни были подвигом.

Юлия Николаевна Елисеева после войны стала медиком. Всю жизнь не любила рыбу.

И еще одно событие произошло на Ораниенбаумском пяточке. Именно здесь она встретила своего будущего мужа, отца Валентина. Правда, объяснение и свадьба состоялись через несколько лет после войны. Когда офицер-зенитчик приехал в отпуск в Ленинград и решил позвонить Юлии...

В декабре 1942 года рыбаки добыли
70 центнеров рыбы.

В 1942 году - **1500** центнеров.

В 1943-м - **2651** центнер.

В 1944-м - **4500** центнеров.

Дневник Леонида Филипповича

Уникальным документом времени стал дневник Леонида Филипповича, жителя поселка Лисий Нос, который, к счастью, сохранился. Сегодня Леонид словно говорит с нами спустя десятилетия.

Мальчик из Лисьего Носа

Леонид Филиппович был обычным мальчишкой. Как все в то время, увлекался спортом и даже побеждал на районных соревнованиях по бегу. Дрался со сверстниками, за что его однажды чуть не исключили из школы. Правда, учился Леонид хорошо, поэтому его все-таки оставили в старших классах.

У Филипповича был талант – он оказался литературно одаренным парнем. Сочинял стихи и песни. Мечтал стать либо журналистом, либо поступить в литературный институт, поэтому уже в старших классах начал вести дневник. Когда началась война, Леониду еще не исполнилось восемнадцати лет. Однако об учебе пришлось забыть. Он пошел работать на железную дорогу, где трудились его родители. В ноябре Леню призвали в армию, и он попал в школу радистов.

Леонид Филиппович

Это был самый тяжелый период блокады. Каждый день Леонид писал о голоде: «Ужин был очень плохой: суп, жидкое пойло, – чуть теплая вода с мукой, 30–40 граммов хлеба (вместо 50 г) и маленький кусочек шоколада».

Не хватало топлива. В казармах и классах взрывной волной выбило все стекла, поэтому царил страшный холод. То и дело отключали электричество, и занятия – для раций нужен был ток – отменяли. Не было воды, не работала канализация. Чтобы утолить жажду, курсанты ели снег. Не мылись неделями, завелись вши. От плохого питания у всех болели животы, в помещениях стоял страшный смрад. Леонид писал обо всем этом без истерики, спокойно. Лишь знаками азбуки Морзе заменяя нелитературные выражения, иногда позволяя реплики: «Когда наконец это кончится!»

Умирили от истощения товарищи. «Курсанту Ефимову, ходившему накануне в медсанчасть, дали освобождение от нарядов на два дня, а сегодня он

уже умер. За две недели в нашей роте умерли шесть человек... К десяти курсантам (в том числе и ко мне) приезжают родные, что-то привозят съестное; только это и выручает».

Родители приезжали при первой возможности: на редких поездках, попутках. В канун Нового, 1942 года Леонида навестил отец: «Он привез мне литровую банку каши, литр молока, лепешек, штук 5-6 сухарей, сахарку, конфеточек, белых пирожков (это лакомство), полфлакончика из-под одеколона красного вина для встречи Нового года, свечку, флакончик подсолнечного масла, пачку табаку, 3 пачки папирос, от тети Наташи привез колбаски и блинчики из отрубей. Мама послала 2 веточки-лапки от елки в знак Нового года. Какая ценная посылка в такое тяжелое время. Трудно ее оценить».

Даже этими скудными и редкими дарами Леонид делился с товарищами. Всем было трудно. И каждый, получая какой-то гостинец из дома, поступал так же, как Леонид. Это и поддерживало парней.

Долгая дорога домой

Поздно вечером 16 января 1942 года Филиппович получил увольнительную домой на 24 часа. Командир предложил дожидаться утра. Но как хотелось побыстрее оказаться с родителями, в знакомой обстановке своей комнаты! И Леонид сказал, что выйдет немедленно. Не дожидаясь утра, он пошел пешком от школы у Финляндского вокзала в Лисий Нос.

По морозу, заметенной дороге он преодолел за шесть часов более тридцати километров. Несколько раз его останавливал патруль. На дороге он видел тела замерших людей и «мертвые машины». В Ольгино в темноте заметил силуэт бронепоезда «Сталинец». Этот бронепоезд курсировал по железнодорожным веткам вдоль северного побережья Финского залива в районе поселков Лисий Нос, Горская, Александровская. Он поддерживал своим огнем Малую дорогу жизни – трассу на Кронштадт и Ораниенбаум.

Не доходя километр до дома, силы, казалось, окончательно оставили его. Он лег передохнуть на снег и почувствовал, что засыпает. В душе наступило умиротворение. Но Леонид тут же вспомнил замерших людей на дороге и заставил себя подняться. Возможно, это волевое решение спасло ему жизнь. Вот и Лисий Нос. Уже наступило раннее утро. Обычно в это время на улицах появлялись первые прохожие – работники железной дороги или спешащие в город на свою смену рабочие. Теперь же, отметил в своем дневнике Леонид,

«поселок кажется мертвым: в прошлые зимы здесь была масса тропинок, а теперь всего одна, да и та полузанесена снегом. Ни души не встретил на улице».

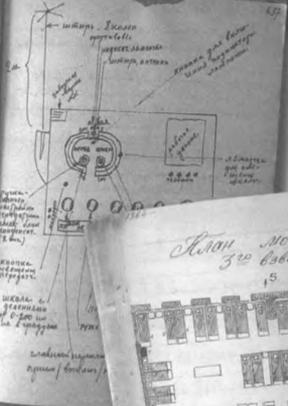
1/2 В 11 часов выдвинулся вперед...
 1/15 Все в сапогах, куртках, шагах и...
 1/16 Все в сапогах, куртках, шагах и...

1942
 202110
 1/18 Мы с собой привели...
 1/19 Мы с собой привели...
 1/20 Мы с собой привели...

1/21 Мы с собой привели...
 1/22 Мы с собой привели...
 1/23 Мы с собой привели...
 1/24 Мы с собой привели...
 1/25 Мы с собой привели...

1. Конструктивные мероприятия...
2. Занятия в котловане...
3. Углубление котлована...
4. В котловане...
5. Подготовка котлована...
6. Углубление котлована...
7. В котловане...
8. Подготовка котлована...
9. Подготовка котлована...

1/26 Мы с собой привели...
 1/27 Мы с собой привели...
 1/28 Мы с собой привели...
 1/29 Мы с собой привели...
 1/30 Мы с собой привели...

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

1/31 Мы с собой привели...
 2/1 Мы с собой привели...
 2/2 Мы с собой привели...
 2/3 Мы с собой привели...
 2/4 Мы с собой привели...
 2/5 Мы с собой привели...
 2/6 Мы с собой привели...
 2/7 Мы с собой привели...
 2/8 Мы с собой привели...
 2/9 Мы с собой привели...
 2/10 Мы с собой привели...

2/11 Мы с собой привели...
 2/12 Мы с собой привели...
 2/13 Мы с собой привели...
 2/14 Мы с собой привели...
 2/15 Мы с собой привели...
 2/16 Мы с собой привели...
 2/17 Мы с собой привели...
 2/18 Мы с собой привели...
 2/19 Мы с собой привели...
 2/20 Мы с собой привели...
 2/21 Мы с собой привели...
 2/22 Мы с собой привели...
 2/23 Мы с собой привели...
 2/24 Мы с собой привели...
 2/25 Мы с собой привели...
 2/26 Мы с собой привели...
 2/27 Мы с собой привели...
 2/28 Мы с собой привели...
 2/29 Мы с собой привели...
 2/30 Мы с собой привели...

Страницы дневника Леонида Филипповича

Появление сына стало настоящим праздником. Отец натопил печку. Мама собрала все съестное, что было дома. Семья на короткое время снова оказалась вместе. «Какой счастливый момент!» — написал Леонид.

Обратно он уехал поездом, отправившимся, чтобы не попасть под вражеский обстрел, рано утром.

Дожить до весны

Леонид изучал радиодело. В дневнике схемы и названия приборов. Тут же — подробности казарменной жизни. Курсанты вместе с ним служили разные. Случалось и воровство личных вещей, продуктов. Однажды зимой Леонид заметил, что у него украли шинель. Воров быстро вычисляли и отправляли в штрафбат.

К весне 1942-го ситуация более-менее наладилась. В голодные дни курсанты даже не прибирались. У них на это не было сил. Теперь Леонид записал: «Живем строго по уставу. Утром подъем, физзарядка, уборка помещений, туалет, утренний осмотр, завтрак, политинформация. С 9.00 до обеда в 13.50 — занятия. Обед 14.00-14.50. С 15 часов опять начинаются занятия строго по расписанию... Занятия продолжаются до 19.50. В 20.00 ужин. Это уже вечер. Далее после ужина партмассовая работа, личное время курсанта, вечерняя поверка, вечерняя прогулка и отбой... И вот не замечаешь, как пролетает один день за другим».

Питание значительно улучшилось:

«Наш завтрак состоит из 300 г хлеба, 35 г сахару или песку, из порции каши — 1,5 граненого стакана. В общей сложности ничего».

Далее Леонид подробно описывает пищевое довольствие курсантов: «Обед состоит из 1-го и 2-го блюд. 1-е — тарелка супа, иногда суп густой, иногда — вода водой. На 2-е каша, чаще всего, как утром, — гороховая с мясом, мяса дают г 50, когда же каша на второе пшенная или еще какая-то, то делают гуляш, но в этом гуляше мяса и 25 г не наберешь. Иногда вместо мяса дают рыбу жареную. Хлеба в обед дают 300 г. Так обед ничего, но если таких два обеда съесть, то только тогда скажешь, что сыт.

Ужин состоит из одной тарелки супа, 200 г хлеба и, как и утром, сколько угодно кипятка.

Общая норма питания у нас:

1. Хлеба — 800 г
2. Сахару — 35 г

3. Крупы – 305 г
4. Жиры – норма неплохая
5. Мяса – 150 г
6. По норме полагающейся – замечательно, но, кроме хлеба 800 г, остальное полностью никогда не получаешь».

Честного, смышленного, дисциплинированного парня назначили помощником командира взвода.

Среди новых обязанностей Леонида – развод караулов курсантов. Ленинград, несмотря на блокаду, старался держаться. Работали магазины, библиотеки, кинотеатры. Но заметны следы войны: «На проспекте 25-го Октября (это Невский. – Прим. автора), около Казанского собора, бомбардировкой разрушен дом. Всю его стену заделали фанерой, на которой нарисовали окна и различные узоры. В общем, вечером или в пасмурную погоду, стоя на расстоянии ста метров, не замечаешь подделки».

Город также был готов в любой момент отразить прорыв врага: «На улицах строят укрепления, на крышах устанавливают пулеметы, легкие пушки».

Незапланированное свидание

Леонид – человек открытый. Но летом у него появилась тайна, которую он доверил только дневнику.

После развода постов у Леонида было несколько свободных часов. Раньше он ходил в кино. А теперь спешил в... парикмахерскую.

«На улице Некрасова работает девушка Нина, с которой я познакомился в прошлый раз моего патрулирования, когда зашел побриться».

Однажды Нину не застал. Оказалось, она выходная. Хотел уйти, а тут Нина вошла, увидев Леонида, скрылась за ширмой и через минуту вышла в халате. Жестом пригласила юношу в зал.

«Она начала меня брить. Мы разговаривали и шутили на разные темы. Сбрив мою бороду и усы, она погладила рукой и сказала: «Ого, какая щетина!» Принялась брить снова. Закончила, провела рукой по щеке: «Будет колотиться!..» И принялась брить в третий, а потом и в четвертый раз. Весело и мне, и девушкам-парикмахерам, работающим поблизости. Шутим... Хихикаем...»

Наконец закончив, Нина выписала чек. Леонид у кассы посмотрел на него и растерялся: вместо цены увидел только слово «люблю».

Юноша оглянулся, но Нины уже не было у столика. Она неожиданно появилась у него за спиной.

«Я показал ей чек и спросил: «А какая цена?» — на что получил ответ: «Нет этому цены. Очень дорого». Она выхватила из моей руки чек, взяла меня под руку, и мы пошли по Некрасовой улице».

В «Молодежном», на улице 3-го Июля (Садовой), шел «Антон Иванович сердится».

«Во время сеанса я позабыл все, даже то, что я сейчас военный человек. С Ниной улетел куда-то в облака».

После сеанса Леонид вспомнил, что должен... развести караул. Они растались мгновенно. Больше никаких подробностей. Возможно, в будущем это свидание вылилось бы в большой роман и в жизни, и в творчестве будущего писателя. Но судьба распорядилась иначе. Запись о парикмахерской — одна из последних в дневнике.

Вызываю огонь на себя

Через несколько недель Филипповича направили на фронт. Если в дневнике он отражал каждый свой день, то теперь было не до этого. О Леониде мы узнаем уже из газет. В феврале 1943 года газета «На страже Родины» поместила на первой странице портрет сержанта Филипповича. В подписи к снимку было написано: «Радист в боях за город Ленина показал образцы мужества и отваги, не раз корректировал он огонь наших батарей под ураганным обстрелом немцев. Благодаря умению и мужеству радиста Филипповича артиллеристы подавили огонь нескольких немецких батарей».

**12 февраля 1943 года на Волховском фронте
в районе станции Поповка радист 35-й лыжной бригады
Леонид Филиппович ночью проник в расположение
вражеских батарей и начал корректировать огонь
нашей артиллерии. Фашисты обнаружили радиста,
хотели захватить его в плен. И тогда Леонид
вызвал огонь на себя...**

Вот такая короткая жизнь. Как и у миллионов сверстников Леонида. Они, по сути, ничего не успели. Кроме одного — выполнить свой долг. Без каких-либо сомнений и сожалений.

Дневники Леонида остались у матери: шестнадцать общих школьных тетрадей, более полутора тысяч страниц. Мать Леонида хотела после войны передать записи в один из городских музеев, но там не приняли, посчитали мало-значимыми и неинтересными. Тогда она передала уникальные свидетельства блокады музею школы № 438 Лисьего Носа.

Крещение танков, построенных на пожертвования горожан

Благослови танки и воинство!

Есть легенда, что в 1941 году Сталин пригласил в Кремль духовенство для молебна о даровании победы. А перед битвой за Москву чудотворная Тихвинская икона Богородицы из московской церкви в Алексеевском на самолете была обнесена вокруг столицы, как бы оберегая Москву от вражеского нашествия. Может, все было и не так. Но само появление легенды свидетельствует о многом. И прежде всего об огромном значении духовных традиций для нашей страны и нашего народа.

В Советском Союзе атеизм стал официальной политикой. В 1930-е годы закрывались и уничтожались храмы, священники подвергались репрессиям, посещение храмов высмеивалось. Люди отдалялись от церкви. Но удивительное дело – многие православные традиции сохранялись. Пекли куличи на Пасху, называли кекс «Майский». Без помпы и торжеств, но крестили детей. И иконы в домах хранили, а если что, говорили: «Это бабушкина».

К 1941 году в Ленинградской епархии остался всего 21 православный храм. А монастырей и духовных семинарий и вовсе не было.

С началом блокады многие церкви оказались за линией фронта. В Ленинграде и не занятых фашистами пригородах действовали Никольский кафедральный, Князь-Владимирский и Спасо-Преображенский соборы, церкви: Никольская Большеохтинская, Димитриевская Коломяжская, Спасо-Парголовская, два храма на кладбищах – Волковском и Серафимовском. В районе действия Малой дороги жизни – Ораниенбауме, Кронштадте и дальше вплоть до Сестрорецка и Белоострова – был только один действующий храм: Князь-Владимирская церковь в Лисьем Носу.

Молодые священники ушли на фронт, многие добровольцами. Но оставшиеся в блокадном Ленинграде священнослужители показали истинный пример патриотизма и бескорыстного служения Отечеству.

Все для победы!

Уже вечером 22 июня 1941 года митрополит Ленинградский Алексий провел службу в Никольском соборе, а 26 июля обратился к верующим с посланием «Церковь зовет к защите Родины». Он назвал войну с врагом – священ-

Князь-Владимирская церковь в Лисьем Носу

ным делом и благословил «подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества».

Позиция церкви была однозначна: бороться с врагом нужно всеми возможными средствами. Она осуждала дезертирство, сдачу в плен, сотрудничество с оккупантами.

В приходах Ленинграда начался сбор пожертвований на оборону. Приходские советы храмов выступили с инициативой открыть лазареты при церквях. В СССР существовал закон, запрещающий духовным организациям заниматься благотворительной деятельностью, поэтому ленинградские власти врачевать раненых не разрешили. Тогда приходской совет только одного Князь-Владимирского собора передал в фонд Красного Креста и обороны практически все имеющиеся в его распоряжении средства — 710 тысяч рублей, огромную по тем временам сумму.

Движение по сбору средств день ото дня ширилось. Митрополит Алексий вспоминал, как неизвестные принесли в Никольский собор и положили в укромном месте у иконы Святителя Николая пакет с 150 золотыми десятирублевыми монетами старой чеканки. Церковь внесла их на нужды обороны. Таких пожертвований было много. К концу 1941 года патриотические взносы сделали все православные приходы Ленинграда на общую сумму более двух миллионов рублей.

Голод и лишения блокадного времени уносили тысячи жизней. Подчас люди оставались одни в холодных и темных квартирах, под обстрелами без еды и воды. Куда в такой трудный час обращается человек, чтобы не впасть в отчаяние? Многие шли в храмы. Воинствующее безбожье не могло дать ту поддержку, которую веками давала церковь. В годы войны и блокады она для многих вновь стала духовной и нравственной опорой.

Обстрелы и авианалеты

Война диктовала свои законы. Нужно было позаботиться о маскировке, ведь величественные соборы могли стать ориентирами при авиаударах и обстрелах. Так в августе, еще до блокады, началась маскировка золотых куполов. На них надевали чехлы, красили в защитный цвет. На окнах Никольского собора до сих пор остались ставни, установленные в начале войны, чтобы даже огонек одной свечи не просочился наружу.

К сожалению, уже в один из первых налетов гитлеровской авиации в ночь с 17 на 18 ноября 1941 года под удар попали Никольский, Князь-Владимирский соборы, Коломяжская церковь. В Коломягах погиб один из прихожан.

Война внесла изменение в расписание служб. Утреннюю совершали в восемь часов. А чтобы ленинградцы могли успеть домой до наступления комендантского часа, вечером службы шли с шестнадцати часов.

Но богослужения продолжали совершать ежедневно. Первое время по сигналу тревоги верующие спускались в бомбоубежища. Затем к налетам привыкли, и службы не прерывались. После войны прихожане вспоминали: «Наши нервы оказались крепче, чем предполагали наши враги». На всякий случай в храмах ввели дежурство медсестры.

Особенно тяжело службы проходили в зимние холода. Храмы не отапливались. Во многих были разбиты от взрывов окна. Даже масло в лампадах замерзло.

На одном из старейших храмов города установлена мемориальная доска: «1941–1945. Князь-Владимирский собор и его прихожане в Святую Пасху 4.04.1942 г. стали жертвами фашистской бомбардировки».

Это была первая военная Пасха. На службу пришло много народу. Ленинградцы вместо куличей освящали кусочки блокадного хлеба. Праздник совпал со знаменательной датой – 700-летием Ледового побоища, когда князь Александр Невский, небесный покровитель города на Неве, разбил на Чудском озере немецких рыцарей.

Именно в ночь с 4 на 5 апреля немцы бросили на город целую авиаармаду – 132 самолета. Сильно пострадал Князь-Владимирский собор.

Фото Владимирского собора и мемориальной доски в Петербурге

Бомбардировка в святой праздник вызвала негодование ленинградцев. После победы протоиерей Николай Ломакин, настоятель Князь-Владимирского собора в блокаду, стал единственным представителем Русской православной церкви, который выступил на Нюрнбергском процессе. В качестве свидетельств преступлений фашистов он привел и варварскую бомбардировку храма в ночь с 4 на 5 апреля 1942 года.

Имени Дмитрия Донского

30 декабря 1942 года церковь выступила с призывом к прихожанам начать сбор средств на танковую колонну имени Димитрия Донского. Жители Лисьего Носа из поколения в поколение передают рассказ, как старый священник — отец Евгений — объявил об этом во время службы и как люди понесли в храм деньги, иногда отдавая последнее.

Деньги в Фонд обороны собирала вся страна. И на Ленинградском фронте свои деньги вносили бойцы и командиры, рабочие и служащие, колхозники и рыбаки. Однако по масштабу именно церковь смогла обеспечить сбор значительных сумм.

На Пасху 1943 года с 24 на 25 апреля ради праздника комендантский час в Ленинграде был отменен, и служба прошла ночью. Храмы были переполнены.

Накануне Пасхи состоялось освящение построенных на средства верующих танков. Колонна тяжелых бронемашин торжественно следовала от храма к храму.

О прибытии танков все знали и ждали их. У поселковой Князь-Владимирской церкви собралось очень много народу. Был солнечный день, но у многих в руках горели свечи. Когда появились танки, ударил колокол. Танки шли колонной, а мальчишки бежали за ними. У церкви машины выстроились в линию и заглушили моторы. «Кругом все светилось – и новые танки, и небо, и синие купола нашей старой лисьеносовской церкви, и хоругви с образами Георгия Победоносца», – вспоминали очевидцы этого торжественного дня.

Старый священник отец Евгений отслужил молебен во здравие русских воинов и о победе, которая скоро будет. После благословения танки завели моторы и ушли на фронт. Построенные на пожертвования прихожан машины участвовали в полном освобождении Ленинграда от вражеской блокады.

О средствах, собранных для армии Ленинградской епархией, митрополит Алексей известил И. В. Сталина. И Верховный главнокомандующий дал ответную телеграмму, которую опубликовала газета «Правда»: «Прошу передать православному духовенству и верующим Ленинградской епархии, собравшим, кроме внесенных ранее 3 682 143 рублей, дополнительно 1 769 200 рублей на строительство танковой колонны имени Димитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной армии. И. Сталин». В СССР начались значительные изменения взаимоотношений государства с церковью.

Полное освобождение от вражеской блокады 27 января 1944 года стало настоящим праздником для Ленинграда. Во всех храмах совершались благодарственные молебны.

Легендарная медаль

«Нам в 43-м выдали медали и только в 45-м – паспорта», – эти знаменитые строки принадлежат Юрию Воронову, одному из тех, кто в блокадном Ленинграде очень быстро шагнул из детства во взрослую жизнь. Ему одному из первых вручили в 1943 году, совсем как в стихотворении, медаль «За оборону Ленинграда».

Эта медаль для многих наших соотечественников является самой ценной наградой, гораздо более значимой, чем другие высокие звания и ордена.

Медаль «За оборону Ленинграда» – свидетельство того, что ее обладатель не просто провел какое-то время в осажденном городе, а жил в нем, боролся, испытал голод и все невзгоды того тяжелого времени.

Есть важная деталь, очень многое объясняющая в истории Великой Отечественной войны. Медаль «За оборону Ленинграда» была учреждена 22 декабря 1942 года – в дни, когда еще продолжалась блокада. То есть задолго до то-

Медаль «За оборону Ленинграда»

го, как была снята вражеская осада. Было очевидно, что фашистам не только никогда не удастся захватить Ленинград, но и то, что их кольцо в скором времени будет разорвано.

Так оно и случилось. Блокаду наши войска прорвали 18 января 1943 года. Полностью вражескую осаду удалось снять в январе 1944 года.

До конца войны медалью было удостоено около 600 000 блокадников. Всего медалью «За оборону Ленинграда», а она вручалась вплоть до 1985 года, награждено около полутора миллионов человек.

Но, несмотря на огромное число награжденных, ценность этой награды не девальвировалась. В табели о рангах орденов и медалей нашей страны медаль «За оборону Ленинграда» стоит выше других, не менее важных: за оборону Москвы, Одессы, Севастополя, за победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, за взятие Будапешта, Вены и Кенигсберга...

Поэт Юрий Воронов был также журналистом от бога. После войны он окончил факультет журналистики Ленинградского университета и, что особенно приятно отметить, шесть лет работал главным редактором «Комсомольской правды».

Как поэт и журналист, он умел подмечать детали, которые подчас говорят о людях и народе больше, чем многотомные исследования и научные труды. Однажды, побывав в журналистской командировке в Нидерландах, Юрий Воронов узнал, что во время войны, чтобы было чем топить печи, жители вырубали все деревья в некоторых городах. А в блокадном Ленинграде такого не было. Никому и в голову не приходило пилить вековые аллеи и парки. Летний сад и Таврический, Александровский и Михайловские парки были такими же блокадниками, как и сами ленинградцы. Деревья — они ведь тоже живые. И их берегли в осажденном городе, как зеницу ока, как залог будущего возрождения.

Историки часто говорят, что, после того как линия фронта вокруг Ленинграда стабилизировалась, здесь в основном велись бои местного значения: стычки воюющих сторон, старающихся улучшить свои позиции по отношению к противнику.

Но не была спокойной линия фронта под Ленинградом. Привыкшие к постоянным обстрелам, звуку орудийной канонады жители блокированного города даже удивлялись, когда надолго устанавливалась тишина. Просто такого спокойствия не было ни дня, вплоть до полного снятия осады.

И все-таки вражеское кольцо удавалось прорывать даже в самые тяжелые дни блокады.

Его прорвали Дорога жизни и Малая дорога жизни, которые обеспечили надежную связь с Большой землей между разными участками обороны блокированного Ленинграда.

Ее прорывали военные летчики, которые сначала закрыли небо над Ленинградом для вражеских бомбардировщиков, а потом сами начали наносить атаки на врага.

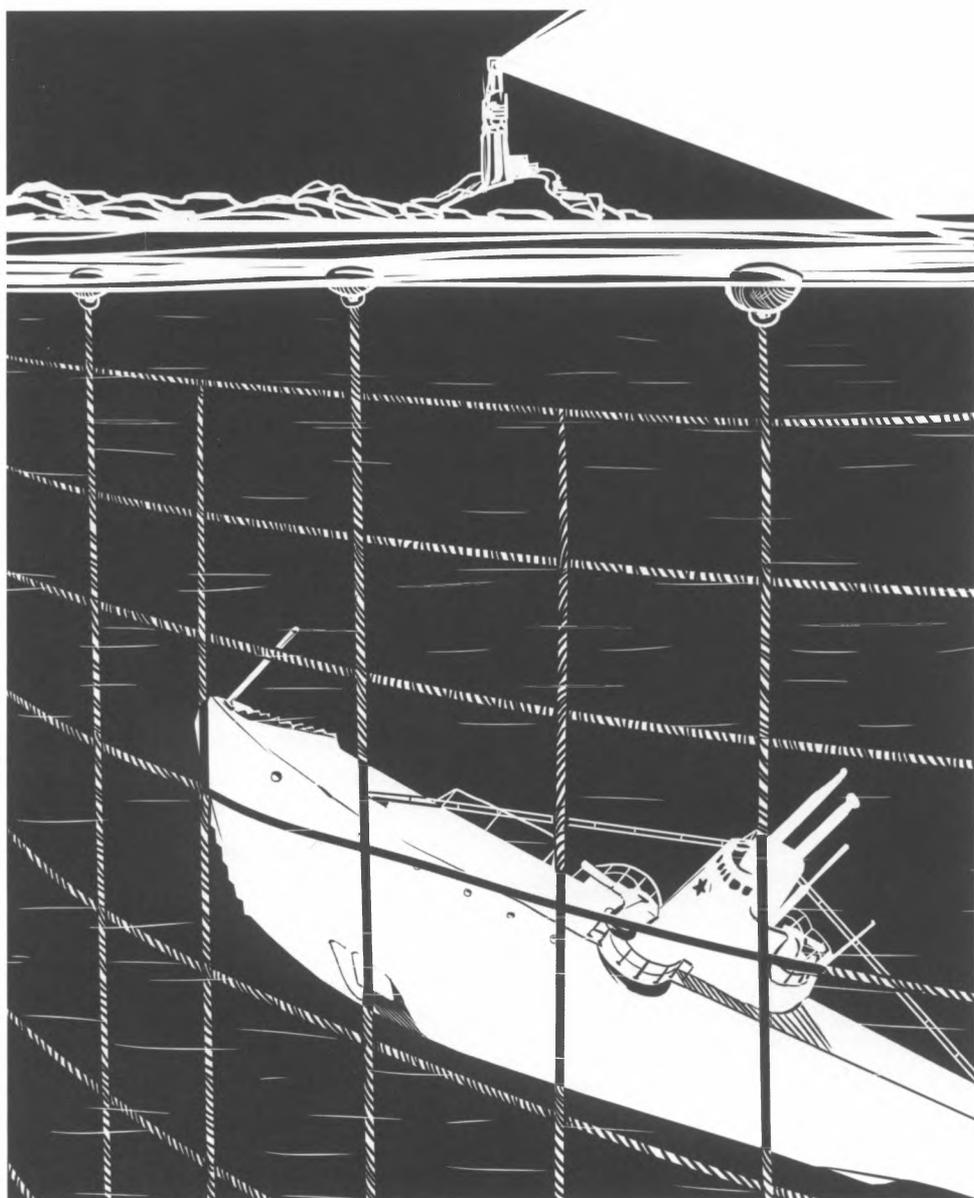
Ее прорывали партизаны, которые не давали фашистам хозяйничать на нашей земле.

Ее прорывали моряки-подводники Балтийского флота, совершавшие глубокие рейды в тылы врага.

Сегодня настало время вспомнить уникальные военные операции, которые превратили бои за Ленинград в события далеко не местного значения.

Часть пятая.

Бои неместного значения

Погода стратегического значения

Балтика своенравна и коварна. И в мирное-то время к ней нужно относиться с особым почтением. За ее «дыханием» пристально следят десятки гидрометеостанций на побережье. А в годы войны и блокады от капризов погоды зависела и работа Малой дороги жизни, и полеты военной и транспортной авиации, и выходы на боевое дежурство военных кораблей. А стало быть — обороноспособность и противодействие врагу всего Ленинграда.

У побережья Лисьего Носа пересекаются течения и ветра, формируя многие природные явления в этой части Балтики. Вот почему возле этого поселка еще в 1920-е годы была создана одна из первых гидрометеостанций на Балтике.

Нынешний начальник станции Валентина Николаевна Подгрушняя работает в Лисьем Носу уже более сорока лет. Сегодня наблюдение за «кухней погоды» в основном осуществляет автоматика. А Валентина Николаевна застала время, когда сотрудники снимали данные по старинке, как это делалось в блокаду.

«Наша работа не кажется такой уж сложной: снимать показания приборов, вести визуальное наблюдение за погодой, — говорит Валентина Николаевна. — Но это нужно делать снова и снова, отправляя телеграммы с данными каждые три часа. А если возникает опасность наводнения или шторма — то каждый час, а иногда и экстренно бить тревогу».

Многие даже представить себе не могут, что в нескольких километрах от огромного и шумного мегаполиса, на берегу залива, затаился уголок тишины

Побережье Финского залива у Лисьего Носа

Гидрометеорологическая станция Лисий Нос в наши дни

и покоя. Тут поют птицы и слышно, как волна бьется о прибрежные валуны. Но именно здесь — рубеж между природной стихией и нами. От профессионализма и добросовестности гидрометеорологов зависят наши спокойствие и безопасность.

В годы блокады здесь находился важнейший стратегический объект. Информацию о погоде ждали на ледовой трассе Малой дороги жизни, военные летчики и моряки.

Гидрометеостанция Лисий Нос хорошо видна с противоположного берега залива. И фашисты постоянно вели наблюдение за станцией, благо ее здание построено на насыпном холме и высоком фундаменте. Но по иронии войны гидрометеостанцию гитлеровцы не трогали. Она служила им ориентиром для обстрела нашего берега.

Находиться в доме было относительно безопасно. Поэтому те, кто зимой шел по льду из Кронштадта, часто останавливались на станции и грелись. Она стала в блокаду еще и перевалочным пунктом по пути на Большую землю.

Однако работа сотрудников гидрометеостанции при этом не становилась менее безопасной.

Как вспоминала работница гидрометеостанции Валентина Николаевна Рощина, вокруг станции находилось множество важных для Малой дороги жизни

объектов. В 300–350 метрах от станции, укрытый от береговой линии высокими вековыми соснами и елями, проходил участок Малой дороги жизни. Высокие деревья хорошо скрывали от наблюдателей с другого берега и вражеских самолетов-разведчиков товарные железнодорожные составы и площадки для их разгрузки. Сюда же, когда участок железнодорожного пути был свободен, приходил «на отдых» бронепоезд «Сталинец», охранявший Малую дорогу жизни.

С другой стороны станции, тоже недалеко, располагался запасной зенитный полк. Он был тщательно замаскирован. Бойцы жили в землянках и днем никогда не выходили наружу.

В 250 метрах от здания гидрометеостанции находился деревянный пирс, уходящий в Финский залив на расстояние 700–800 метров. Каждые три часа в любую погоду работники гидрометеостанции отправлялись снимать погодные показания на мыс. Во время подготовки важных операций информацию командование требовало каждый час. Девчонки должны были проверить силу ветра, температуру и влажность воздуха, толщину льда. Все это занимало много времени. Подчас только передав показания в «центр», нужно было снова надевать валенки и зимнюю одежду и отправляться на улицу в ветер и снег.

На пирсе, совершенно открытом пространстве, их часто караулили и вражеские артиллеристы, и фашистские самолеты-разведчики. Немцы боеприпасов не жалели, готовы были обстреливать все, что движется. Даже одинокую фигуру на льду.

До сих пор, по свидетельству нынешнего начальника лисьеносовской гидрометеостанции Подгрушней, на берег выносит неразорвавшиеся снаряды. Они вроде и небольшие, но, когда их подрывают вызванные по тревоге саперы, пыль и песок поднимаются выше здания станции.

Летчики из Горской

Еще до войны в поселке Горская, недалеко от Лисьего Носа, располагался аэродром ОСОАВИАХИМа, с которого взлетали кукурузники с парашютистами. Молодежь очень активно готовилась к обороне страны.

У юношей почетным считалось носить на лацкане пиджака значок БГТО – «Будь готов к труду и обороне». Обладателями таких почетных значков в нашей стране было почти шесть миллионов человек.

Надежда Егорова в годы войны и в наши дни

Значок свидетельствовал о том, что его обладатель сдал все нормативы по спортивным дисциплинам. А нормативы, хотя и не были рекордными, но были достаточно высокими. Для обладания «золотым» значком подросткам 14–15 лет нужно было отлично плавать, бегать, прыгать в длину и высоту, ходить на лыжах, преодолевать туристские походы на десятки километров. И хотя прыжки с парашютом не входили в нормы БГТО, подняться в небо мечтал любой подросток.

С началом блокады аэродром срочно переоборудовали в военную базу, на которой базировались истребители, защищавшие небо Ленинграда от вражеских налетов.

Жительница современного поселка Лисий Нос Надежда Ивановна Егорова всю войну прослужила на аэродроме в поселке Горская, в батальоне аэродромного обслуживания.

«На аэродром принимали строго, — вспоминает Надежда Ивановна. — Всех кандидатов проверяли сотрудники НКВД. Прежде чем оформить, вели многодневные собеседования, больше похожие на допросы. Например, кто где родился или почему семья не уехала в эвакуацию? Бдительность понятна. Через залив — в Петергофе — немцы, за Сестрорецком в десяти километрах — финны. Проникали в тыл лазутчики и шпионы...»

Надежду на службу взяли. Вместе с ней приняли еще одну ее одноклассницу. Но вскоре она бесследно исчезла. Поползли слухи, что ее отец оказался на оккупированной территории. И этого было достаточно, чтобы девушку отчислили.

Надежда на секретном объекте прослужила всю блокаду. Хотя ее новое место работы располагалось в нескольких шагах от дома, никто из близких так и не узнал, куда она отправлялась на дежурство.

«Мы принимали шифровки. Например, о прогнозе погоды для аэродрома или задания по вылетам. Каждый набор цифр скрывал свою информацию — направление полета, силу или прогноз на бурю и дождь...»

Шифровки передавали по радио, по сути, в открытом эфире. Их наверняка слушали и немцы. Отсюда и секретность. Дежурство длилось сутки. Прием шифровок, десятиминутный отдых, и снова девушки надевали наушники и продолжали записывать цифры. Потом данные расшифровывались и передавались командованию аэродрома. Полагалось сутки работать, сутки отдыхать. Но людей не хватало, постоянно просили «поддежуривать». Надежда провела в наушниках не менее пятисот смен — пятьсот суток блокады.

Мальчишки-асы

В Горской базировался 26-й гвардейский истребительный авиационный полк. Командовал им Герой Советского Союза Василий Мациевич. Здесь служили Герои Советского Союза Дмитрий Оскаленко, Алексей Севастьянов и многие наши асы. Благодаря им — молодым, азартным, смелым, безудержно влюбленным в авиацию, — удалось переломить ситуацию в небе и закрыть его для немецких воздушных атак на Ленинград.

«Наши летчики были совсем мальчишки, — вспоминает Надежда Ивановна. — Но беззаветно влюбленные в небо. Когда погодные условия были неблагоприятными, самолеты не летали. Казалось бы, радоваться. А ребята места себе не находили: все время рвались к своим самолетам. У нас в клубе устраивали танцы. Летчики их особенно любили. Еще бы: девушки кругом, пате-

На аэродроме в Горской

фон играет мелодии танго, фокстрота. Но как только звучал сигнал тревоги, с аэродрома прибегал солдатик. Старший по званию командовал: “По машинам!” И пилоты, побросав своих подруг, радостно бежали на аэродром».

Летчики гибли часто. Практически не было дня, чтобы не приходило печальное известие. Вот, казалось бы, только что кружил в вальсе, а на следующий день вылет, и не стало парня.

Именно на аэродроме во время войны юная Надежда нашла свое счастье. Ее мужем стал техник по вооружению Александр Владимирович Егоров, с которым они прожили вместе более сорока лет.

Младший лейтенант Алексей Севастьянов (вверху) и сбитый им немецкий самолет, упавший в Таврическом саду

Ночной таран над Ленинградом

Из Горской уходил в полеты самолет младшего лейтенанта Алексея Севастьянова. Его имя было у всех на слуху. Алексей, которому не исполнилось и 25 лет, для ленинградцев стал символом защитников неба над городом. Этот летчик 5 ноября 1941 года совершил первый ночной таран и сбил над Ленинградом вражеский бомбардировщик. Оба летчика остались живы. Обломки немецкого самолета «Хейнкель-111» рухнули в Таврическом саду. Фашистского пилота, спрыгнувшего на парашюте, задержали ленинградцы на улице Маяковского. Советский истребитель «Чайка» упал в Басковом переулке. За этот подвиг Севастьянов, уже отмеченный в боях под Ленинградом орденом Ленина, был представлен к званию Героя Советского Союза.

Таран – изобретение древнее. Им пробивали стены и ворота крепостей, вражеские корабли. Но в небе, где у самолета нет никакой опоры, совершить таран могли только поистине отчаянные, безудержно смелые и виртуозные пилоты. Один из первых воздушных таранов в истории совершил легендарный Петр Нестеров 26 августа 1914 года. В тот день на аэродром в Жолкве, в Галиции, напали три вражеских самолета. Они угрожали сорвать наше наступление. Тогда Нестеров поднял в воздух свой невооруженный самолет и направил его на машину ведущего – австрийского лейтенанта барона фон Розенталя. Наш летчик не планировал уничтожить противника ценой собственной жизни – он просто хотел сбить машину колесами шасси. Такой план, по словам его товарищей, уже давно зрел в его голове. Но что-то не рассчитал... Самолеты столкнулись в небе, рухнули на землю, оба пилота погибли.

Первый ночной таран совершил опять же наш летчик, старший лейтенант Евгений Степанов, 25 октября 1937 года в Испании. Он, по сути, реализовал план Нестерова: разбил стабилизатор итальянского бомбардировщика стойкой шасси. В том воздушном бою Степанов выжил. Воевал на Халхин-Голе, «финской», Великой Отечественной войнах.

31 мая 1938 Антон Губенко в воздушном бою над китайским городом Ханькоу, израсходовав боеприпасы, протаранил японский истребитель, а потом сумел посадить свой поврежденный самолет...

В Великую Отечественную войну многие летчики шли на таран. Только в первые часы после нападения Германии на СССР наши пилоты совершили восемь таранов. Всего во время войны противника таранили по крайней мере 636 советских пилотов. Еще 503 экипажа совершили таран наземных целей. Советский ас Борис Ковзан совершил четыре тарана, Алексей Хлобыстов и Николай Терехин – по три, Хлобыстов сумел дважды протаранить самолеты противника в одном бою.

Подвиг Алексея Севастьянова уникален тем, что он решился на таран, прекрасно понимая, что шансов выжить у него нет. Бомбардировщик «Хейнкель-111» весит почти десять тонн, а «Чайка» – чуть больше тонны, как современная малолитражка «Лада-Калина», например.

Плакат времен Великой Отечественной войны

Это все равно, что столкнулись чайка и кондор.
Но Алексей одержал победу в этом неравном бою.

К сожалению, Севастьянов так и не успел получить свою «Звезду героя». 23 февраля 1942 года он погиб в боях у Ладожского озера, обороняя Дорогу жизни. В том воздушном бою он закрыл от «мессершмиттов» самолет своего товарища летчика Николая Щербины. Фашистский пилот сзади расстрелял МиГ-3 Алексея. Машина загорелась. Она быстро теряла и без того малую высоту. Раненый летчик не смог ни сдержать падения машины, ни выпрыгнуть с парашютом.

Возвращение через 30 лет

Алексей Севастьянов погиб у поселка Рахья в Ленинградской области. Многие местные жители наблюдали этот бой. Видели, как падал самолет. Но машина рухнула в болото. Отыскать ее долгие годы не удавалось. Несколько раз военные, отряды поисковиков предпринимали попытки отыскать самолет Севастьянова. В начале 1970-х стали осваивать новый участок торфозаготовок. 15 июня 1971 года пришло сообщение, что рабочие наткнулись в земле на что-то металлическое. Начали осторожно раскапывать. Обнаружили сильно поврежденный самолет и останки летчика. На груди был орден Ленина. По документам убедились — это и есть Севастьянов.

Героя торжественно похоронили на Чесменском воинском кладбище в Ленинграде.

Банька

Еще до войны отец Надежды Иван Варфоломеевич Кережин поставил баню. В годы войны она стала важным объектом. Ее топили практически круглосуточно. Военные, которых в Лисьем Носу было расквартировано немало, помогали и дровами, и назначали дежурных истопников. В этой бане мылись и артиллеристы, и летчики, и солдаты, которых перебрасывали на фронт. «Мои родители были людьми гостеприимными, — говорит Надежда Ивановна. — Помылись солдатики в баньке, а мама им чай приготовит. Понятно, какой чай — кипяток с листиком смородины или мяты. А все равно — радость. Когда вокруг смерть, такие моменты у домашнего очага, частичка уюта — настоящее счастье».

Война все обостряет. То, на что в мирное время мы подчас не обращаем внимания, в дни испытаний приобретает особый смысл. И подвиг. И погода. И обычная, казалось бы, баня. А зародившиеся чувства оказываются на всю жизнь.

Атакуют подводные лодки

Малая дорога жизни наладила связь с Ленинградом и Большой землей, стала первым прорывом блокады, голода, страха и отчаяния.

Но через фашистскую блокаду прорывались не только автомобили с хлебом, боеприпасами и пополнением. Одними из первых осаду Ленинграда преодолели подводники. Они не дали фашистам почувствовать себя полными хозяевами на Балтике.

Осажденный Кронштадт был не только крепостью. База Балтийского флота оставалась центром морских операций. Да, большие корабли оказались «заперты» блокадой. Но ежедневно в море уходили малые корабли. На рейдах трудились тральщики, осуществляли боевые вылазки корабли так называемого «москитного флота». В одном только 1941 году торпедные катера провели 26 атак противника. Но главным и самым действенным оружием Балтийского флота стали подводные лодки.

Они наводили ужас на врага. Невидимые до самого последнего момента, они производили неожиданные атаки прямо с морских глубин — из царства Посейдона.

Подводные лодки могли быть неуловимы. Отважные одиночки при желании могли превращаться в невидимки. Найти их в огромном пространстве моря практически невозможно.

Чтобы избавиться от их угрозы, фашисты минировали Морской канал, фарватеры и рейды Котлина, Сескара и Лавенсаари. Специальные отряды кораблей создали противолодочные рубежи в районе острова Гогланд, у Таллина и Хельсинки.

Германскому командованию свойственно было безудержное хвастовство и самоуверенность. В рейхе заявили, что скорее английские подлодки прорвутся в Балтику, чем советские выйдут из Кронштадта. Но это оказалось не так.

К «чистой воде»

Балтика — трудное место для мореплавателей. Малые глубины, разновеликие острова, сложный рельеф дна, путаные фарватеры, а в довершение ко всему — переменчивая погода: того и гляди произойдет кораблекрушение. А каково преодолевать огромное водное пространство на глубине, подчас в крошечной темноте, с риском наткнуться не только на скалу или мель, а на загадочную сетку или мину...

Чтобы выпустить на охоту в тыл врага подводные лодки, нужно было обеспечить им «чистую воду». Какие тут существуют рецепты?

Первое — закрыть небо для противника, чтобы невозможно было ставить мины с самолетов. Одних зенитчиков кораблей и береговых батарей для этого было мало. Тогда на помощь пришли летчики, которые, выполнив свое боевое задание, пересаживались на заранее подготовленные самолеты и снова взмывали в небо, чтобы вести патрулирование над заливом, выслеживая врага, минировавшего залив. А немцы лезли на залив со своим смертоносным грузом, как мухи на сладкий пирог. Каждую ночь наши летчики проводили десять, а то и пятнадцать воздушных боев с самолетами-миноукладчиками.

Второе — уничтожение «рогатой смерти». Тральщики занимались непрерывной чисткой фарватеров от магнитных мин: от Ленинграда до Кронштадта и дальше — к Сескару и Лавенсаари.

Тральщиков не хватало. Тогда на Морском заводе в Кронштадте переоборудовали в «охотников за минами» рыболовные суда «Скат», «Поводец», «Пицша», «Сиговец» и обычные катера.

Тральщиков часто называют «пахарями моря». Сотни раз им приходится проходить миля за милей, чтобы обезвредить акваторию. При этом гитлеровцы, разумеется, не собирались оставаться пассивными наблюдателями. Тральщики постоянно отбивались от вражеских авианалетов, лавировали, чтобы уйти от обстрела береговой артиллерии. Летопись блокады сохранила немало свидетельств мужества.

В июле 1942 года тральщик КТЩ-808 был атакован вражескими бомбардировщиками и получил около двухсот пробоин, все члены экипажа были ранены, но корабль вернулся на базу только после того, как выполнил задание.

Тогда же, в июле 1942 года, в тральщик КТЩ-702 попала бомба, моряки потушили пожар, заделали пробоины, починили механизмы и сумели вернуться в Кронштадт.

Быстроходные базовые тральщики, проводившие подводные лодки до Лавенсаари, сопровождавшие их «морские охотники» постоянно подвергались воздушным налетам. «Юнкерсы», «хейнкели» и «мессершмитты» не давали покоя ни днем, ни белыми ночами.

Потери среди тральщиков во время блокады были особенно велики. На Морской площади в Кронштадте на гранитных досках увековечены имена многих героев и названия кораблей, погибших на Балтике.

Среди тральщиков в скорбном списке значится более восьмидесяти кораблей.

Немецкие самолеты

Но они открывали дорогу в Финский залив и дальше в море нашим подводным кораблям.

С весны 1942 года участок от Кронштадта до островов Сескар и Лавенсаари — а это 60 миль — оказался полностью под нашим контролем. Его удалось обезопасить от мин. Подводные лодки могли беспрепятственно выходить отсюда в поход, а вернувшись в этот район, спокойно выдохнуть: «Дома!»

Базы подводных лодок находились не только в Кронштадте, но и в более безопасных с точки зрения обстрелов вражеской артиллерии местах: у островов в Финском заливе и Шепелёвского маяка на Ораниенбаумском плацдарме.

Более тридцати подводных лодок отправлялись в годы блокады в рейды в тыл врага, уничтожая его корабли.

Подводник № I

Легендой нашего флота стал подводник Александр Иванович Маринеско. Человек непростого характера, он постоянно оказывался в центре различных скандалов. Возможно, у флотского начальства его имя вызывало раздражение. Но он обладал незыблемым авторитетом среди других моряков. В морской стихии ему действительно не было равных.

В 1942 году Маринеско командовал подводной лодкой М-96, 12 августа он вывел ее в очередной боевой поход. И уже 14 августа лодка атаковала немецкий конвой, состоявший из трех транспортов в охранении двух тяжелых плавбатарей. Экипаж Маринеско потопил один из кораблей.

В ноябре 1942 года лодка М-96 участвовала в смелой операции в Нарвском заливе. Субмарина высадила на берег в тылу врага группу наших разведчиков для операции по захвату шифровальной машины «Энигма» в штабе немецкого полка.

В апреле 1943 года Маринеско стал командиром подводной лодки С-13, на которой он прослужил до сентября 1945-го. Именно в боевом походе с 9 января по 15 февраля 1945 года Маринеско потопил два крупных немецких транспорта — «Вильгельм Густлофф» и «Штойбен».

Александр Иванович Маринеско

Александр Маринеско считается самым результативным советским подводником Великой Отечественной войны.

Однако из-за многочисленных дебошей, драк, пьяных выходок на суше он часто оказывался в роли штрафника. Его обделяли высокими наградами. И хотя его представляли к званию Героя Советского Союза, свою звезду при жизни легендарный подводник так и не получил. Умер он в 1963 году.

Звание Героя Советского Союза Александру Ивановичу Маринеско было присвоено посмертно лишь 5 мая 1990 года Указом Президента СССР Михаила Горбачева, после широкой кампании по его реабилитации, инициированной советской прессой.

Легендарная Л-3

Подводная лодка Л-3 вошла в историю не только отечественного флота.

22 июня 1941 года она встретила в Либаве (Лиенае) и тут же включилась в боевые действия. В первые дни обороны советской Прибалтики подлодка выставила мины в районе Мемеля (Клайпеды).

Во время своих походов Л-3 не раз подвергалась вражеским атакам: немецких подлодок, катерных тральщиков. Дважды подрывалась на минах. Но при этом экипаж никогда не терял боевого настроения, всегда либо продолжал свой рейд, либо возвращался на базу, чтобы после ремонта снова отправиться в поход.

Легендой стал поход Л-3. В августе 1942 года подводная лодка под командованием капитана 2-го ранга Петра Денисовича Грищенко совершила дальний рейд. И не просто в тыл противника, а к берегам Германии, достигнув Щецина.

Задание Л-3 получила: отправиться в Среднюю Балтику на разведку. Путь выбрали от немецких морских границ и границ стран — союзников Германии. Шли мимо берегов Швеции через узкий район моря между мысом Сандхаммарен и островом Борнхольм, ширина которого всего 20 миль. Чтобы не обнаружить себя, отказались плыть в надводном положении. Там действительно был довольно оживленный район — плавали шведские и датские каботажники, а также рыболовецкие суда.

Увы, у Висбю — шведского города-порта на острове Готланд — лодку засекали. Сначала ее заметили с рыбачьей шлюпки. И рыбаки нейтральной страны выдали наших моряков, отправив в эфир сообщение об их присутствии. За лодкой началась охота. Немцы выслали на поиски миноносцев. Тогда командир Л-3 Грищенко приказал залечь на дно. Вместе с подводниками в поход отправился писатель Александр Ильич Зонин. Он объяснил позже в своей книге поведение капитана:

«В другом районе моря Грищенко решил бы атаковать миноносец. Но близко от позиции такой удар сделал бы противолодочную оборону врага более бдительной... И потому следовало стоически терпеть досадное движение гитлеровского эсминца по пятам... Старались не запускать издающую шум помпу, ходили в тапочках, даже воду не кипятили по отсекам и не готовили горячей пищи...»

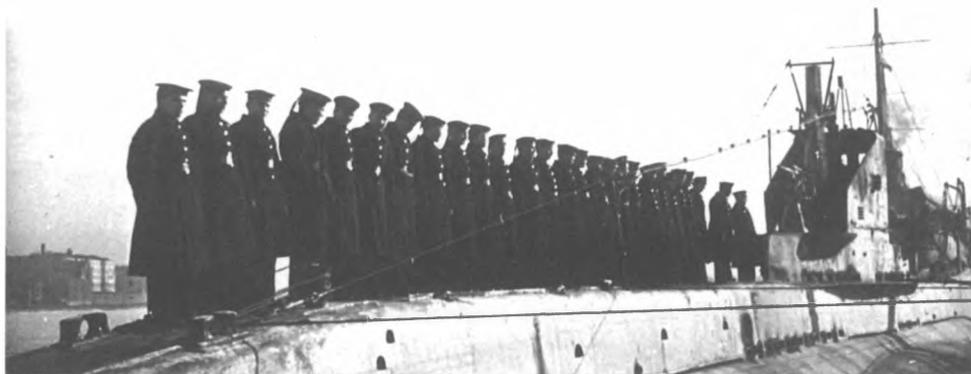
Такая тактика полностью себя оправдала. Немецкий корабль отстал, посчитав, видимо, что у шведов разыгралось бурное воображение. А наша подводная лодка, освободившись от преследования, вышла на просторы Померанской бухты — в самое логово врага, на меридиане Берлина.

Но снова и снова подводникам приходилось проявлять терпение. Как отмечал писатель Александр Зонин, «все вокруг звало к мести — и то, что горели все огни, и что пароходы ходили без затемнения, и что безнаказанно новые вражеские подводные лодки и надводные корабли занимались боевой подготовкой».

Почти трое суток ушло на разведку путей и узлов.

Грищенко все это время только и повторял: «Вот сюда нужно прийти поохотиться».

В итоге, завершив выполнение задания командования и покидая бухту, субмарина установила мины. Достоверно известно, что на этих минах подорвались и погибли два немецких транспорта и шхуна «Фледервеен».

Кронштадт встречает подводников

Охота началась!

Когда боевая задача по разведке была выполнена, облегченно вздохнув, команда начала охоту за вражескими кораблями. При этом все атаки Л-3 производила из надводного положения. Командир корабля не хотел таиться, к тому же в ночной темноте при надводном положении была выше вероятность попасть точно в цель. Лодка потопила четыре вражеских судна.

Немцы всполошились, началась новая охота на Л-3. Но, как позже подчеркнул в своих мемуарах командующий Балтийским флотом Трибуц, у каждого нашего опытного подводника было особое чувство глубины. Таким чувством обладал и командир Л-3. По возвращении в Кронштадт, доложив о семи победах, Грищенко, обычно молчаливый и косноязычный, все-таки не удержался и объяснил, как ушел от погони немцев:

«Хотя здесь у врага была сильная противолодочная оборона — катера, мины, сети, но зато глубины позволяли маневрировать. Корабль любит воду...»

Из похода к берегам Германии Л-3 вернулась

10 сентября 1942 года.

На Большом Кронштадтском рейде, несмотря на дождь, ее встречали торжественно. Но что больше всего поразило кронштадтцев-блокадников? Это внешний вид командиров и краснофлотцев Л-3. Все были выбриты, обмундирование выглажено. Подводники сошли на берег настоящими шеголями.

Грищенко не хотел подражать некоторым боевым товарищам, которые считали шиком бороды и усы, бакенбарды и густые шевелюры. Позже Зонин выдал секрет этого преобразования до прихода в базу. Оказалось, что между командирами лодки был достигнут уговор: они не вернуться в порт приписки до тех пор, пока каждый матрос не приведет себя в порядок. Были бурные

дискуссии, в которых особо горячились обладатели бачков и просто ленивцы. Но их посрамили. Лодка даже задержалась на рейде, пока команда приводила себя в порядок.

Походу Л-3 и лично командиру подводников Грищенко Ольга Берггольц посвятила стихи «Песня о подводной лодке». В ней есть и такие строки:

*Нас мало, мы горсточка русских людей
В подводной скорлупке железной,
Мы здесь одиноки средь минных полей,
В коварной и гибельной бездне.*

*Мы здесь одиноки — но нашей судьбой
Спокойно гордимся по праву:
Нас первыми Родина выслала в бой
В пределы враждебной державы.*

*Нас мало, мы горсточка, мы островок
Среди смертоносной стихии.
Но что же — что берег любимый далек?
Мы сами повсюду — Россия.*

Субмарина идет на ощупь

С лодкой Л-3 произошел еще один беспрецедентный случай. В следующем походе, 13 ноября 1942 года, подводники обнаружили караван, состоящий из четырех транспортов в сопровождении тральщиков. Субмарина начала маневрирование, чтобы атаковать самый крупный корабль. Видимость в осенней мутной воде была низкой, шли по данным гидроакустика. В результате лодка заблудилась, попала в середину конвоя, а шумы окружающих со всех сторон транспортов не давали возможности точно определить цель. Решили всплыть с безопасной глубины 10,5 метра до перископной — 9,5 метра, чтобы осмотреться в оптический прибор. Но тут произошло столкновение с одним из транспортов, который в это время проходил над субмариной. Огромный корабль даже не заметил происшествия, а у лодки был поврежден перископ и сорваны антенны. Субмарина полностью «ослепла». Для подводной лодки, как правило, это неминуемая гибель. Однако опыт экипажа позволил Л-3 18 ноября благополучно вернуться на базу. Действия командира Грищенко были признаны правильными и исключительно полезными. Впервые в подводной войне на Балтике была доказана возможность атаки врага из глубины без использования перископа, определяя цель только по данным приборов гидроакустики.

Что ж, позже этот неудачный опыт охоты за транспортом противника Л-3 использовала неоднократно. Всего подводная лодка за годы войны совершила семь боевых походов не только к берегам Германии, но и Финляндии, произвела 16 торпедных атак с выпуском 46 торпед, сделала 12 минных постановок.

Когда усталая подлодка...

В ночь с 16 на 17 апреля 1945 года Л-3 под командованием капитана 3-го ранга Владимира Коновалова, сменившего Грищенко, подошла к Данцигской бухте. В это время она обнаружила конвой в составе трех транспортов и двух кораблей охранения. Атаковать решили самый большой корабль – транспорт «Гойя». Но конвой шел быстро, под водой его было не догнать. Тогда субмарина всплыла и бросилась в открытую погоню. Немцы хорошо видели наш корабль, открыли по нему огонь. Корабли охраны конвоя смогли сбросить пять глубинных бомб, однако ни одна из них цели не достигла. Это была открытая и очень опасная дуэль. В 23.52 Л-3 выпустила две торпеды, и они обе поразили транспорт. «Гойя» затонула за семь минут. По разным оценкам, было уничтожено от 6 до 7 тысяч человек, в том числе 1500 солдат 4-й танковой дивизии вермахта. Спасти кораблями сопровождения удалось только 157 человек и еще 28 человек в течение дня другими судами.

Потопление «Гойи» наряду с потоплением лайнера «Вильгельм Густлофф» является одной из крупнейших морских катастроф (по некоторым данным, крупнейшей морской катастрофой за всю историю).

Рубка подводной лодки Л-3 в Москве

21 апреля 1945 года Л-3 вернулась на базу. В ходе выполнения боевых операций Л-3 уничтожила дюжину вражеских кораблей.

По количеству потопленных судов во время войны Л-3 принадлежит 1-е место в советском Военно-морском флоте, хотя по суммарному тоннажу она уступает С-13 (командир капитан 3-го ранга А. И. Маринеско, уничтоживший фашистский транспорт «Вильгельм Густлофф»).

Л-3 прослужила до 1953 года, когда была разобрана. Но рубка этой легендарной субмарины стала памятником всем подводникам Великой Отечественной. В настоящий момент она экспонируется в парке Победы на Поклонной горе в Москве.

Победный счет

За лето и осень 1941 года наши подводные лодки уничтожили около 20 транспортов, повредили несколько десятков кораблей и судов Германии и Финляндии. За кампанию 1942 года активность субмарин значительно возросла. Они совершили 32 похода на коммуникации врага. Потопили 49 кораблей и судов, повредили 25 транспортов неприятеля. Что это значит?

Транспорт водоизмещением 10 000 тонн мог перевезти 200 танков, либо 2 тысячи солдат с оружием и боеприпасами, либо полугодовой запас продовольствия для пехотной дивизии.

Подводная лодка в походе

Балтийские подводники за одну навигацию одного из самых сложных периодов блокады — 1942 года — отправили на дно суда общим водоизмещением почти 160 тысяч тонн.

Из боевых походов не вернулись М-97, С-7 и девять субмарин серии «Щ» — «Шук». Но заблокированный флот, перешедший после голодной зимы в наступление, привел врага к таким потерям, которые приобрели важное стратегическое значение и сказались на ходе войны.

В 1943 году накал войны на Балтике снова повысился. Это было прямым свидетельством того, что немцам так и не удалось расправиться с непокорным Кронштадтом, захватить который планировалось еще в первые три месяца войны.

Рыцари подводных глубин

Весной 1943 года фашисты начали реализовывать глобальный план по строительству противолодочного рубежа. Как на суше армии строили укрепрайоны, вроде германской «линии Зигфрида» на Западе Европы или «линии Маннергейма» в Финляндии, на Балтике, недалеко от Таллина, на меридиане острова Найссар стали возводить «стену в воде». Ее основу составили два ряда стальной сети, перегородившие Финский залив. Высота ограждения, сплетенного из троса толщиной 40 миллиметров, достигала 70 метров, общая длина сети — 90 километров. Тысячи буев и якорей удерживали эти «ворота в Балтику». Сети обильно начинили минами. Установили особые сигнальные устройства. Они реагировали на малейшее прикосновение. Достаточно было лодке коснуться сети, вспыхивал огонь и поднимался столб дыма. На обслуживание этой стальной подводной стены германское командование бросило огромные ресурсы и силы. Ее непрерывно охраняли 140 кораблей и множество самолетов.

Операция получила кодовое название «Балрус».

О ней в Кронштадте знали, но реальных масштабов не представляли. В мае 1943 года на разведку отправились три подводные лодки.

Первая из этих лодок — Краснознаменная Щ-406 под командованием капитана 3-го ранга Героя Советского Союза Евгения Яковлевича Осипова. Молодой 29-летний командир «Щуки» считался опытным подводником. В июне 1942 года его лодка одной из первых вышла в поход, вырвавшись из блокады. Тогда экипаж преодолел минные поля, пройдя их на предельной глубине 50–60 метров. В результате было потоплено два вражеских транспорта. В октябре того же года лодка повторила успех и снова потопила два транспорта. В майском походе 1943 года она исчезла бесследно.

Через семьдесят с лишним лет, в мае 2017 года, в районе острова Большой Тютюрс на большой глубине дайверы обнаружили советскую дизель-электрическую подлодку. Предположительно это и есть Щ-406 Осипова. Субмарина подорвалась на немецком минном заграждении. Экипаж пытался покинуть лодку, о чем говорят открытые люки. Но что потом случилось с моряками — доподлинно неизвестно. Есть только один факт из финских источников, косвенно подтверждающий гибель экипажа: примерно в эти же даты, когда исчезла лодка Осипова, к финскому острову Кристисаари прибило тело подводника в спасательном оборудовании. Он был похоронен на острове.

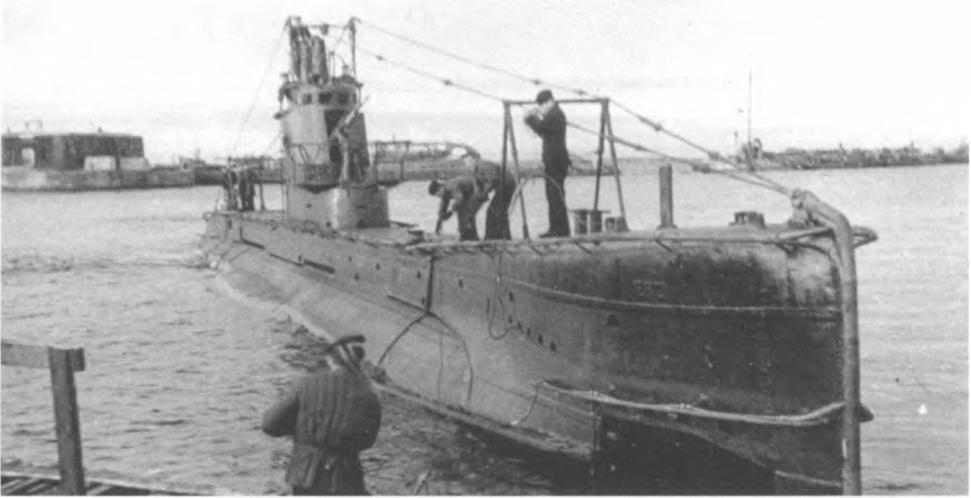
Вторую лодку Щ-408 под командованием 29-летнего Павла Семеновича Кузьмина обнаружил и обстрелял немецкий самолет. Лодка получила повреждения. По масляному следу на воде ее выследили финские корабли. Они несколько суток караулили лодку, пока «Щука» выжидала на глубине. На лодке заканчивался запас электроэнергии, люди задыхались. В критический момент командир корабля принял решение подняться на поверхность. Экипаж имел возможность сдаться в плен, но предпочел дать последний бой. В результате двухчасовой артиллерийской перестрелки подводники потопили два финских катера, однако лодка получила тяжелые повреждения и затонула.

Подробности последнего боя подводной лодки Щ-408 стали известны только после выхода Финляндии из войны и получили широкую известность в мире. Они могли сдаться, но приняли бой, показав пример чести моряков подводного флота.

Судьба советской субмарины особенно тронула короля Великобритании Георга VI. В 1944 году своим эдиктом он произвел капитан-лейтенанта П. С. Кузьмина в рыцари, присвоив звание почетного члена ордена Британской империи с вручением знака члена ордена посмертно.

Третьей подлодкой — гвардейской Щ-303 командовал Герой Советского Союза Иван Васильевич Травкин. Эта субмарина несколько раз пересекала минные поля. Затем запуталась в противолодочных сетях. Но все же экипаж сумел освободить свой подводный корабль из стальной паутины. Уклонившись от преследования фашистских кораблей и самолетов, сбросивших на нее сотни бомб, Щ-303 вернулась на базу. Экипаж лодки выполнил поставленную задачу, представив командованию ценнейшие разведанные.

Данные разведки, увы, оказались неутешительными. Но даже отрицательный результат — результат. Командование Балтийского флота и фронта приняло решение временно отказаться от применения подводных лодок для дальних рейдов в тыл врага.

Подводная лодка Щ-303

В Германии посчитали, что операция «Балрус» принесла свои результаты. Немецкие транспорты стали ходить по Балтике с зажженными ходовыми и отличительными огнями, без конвоев и даже без зенитного вооружения. На море работали все маяки и световые буи, словно в мирное время. Но это продолжалось недолго. С освобождением Ленинграда от блокады зимой 1944 года снова начались морские сражения на Балтике.

Кто на Балтике хозяин?

Рано, в общем-то, в 1943 году, праздновали немцы победу над нашим подводным флотом... С 28 мая вражеские суда снова стали гореть, взрываться и тонуть. На морские коммуникации вышли летчики-балтийцы с аэродромов, базировавшихся на Ораниенбаумском плацдарме. В 1943 году летчики потопили 55, повредили 6 транспортов и кораблей противника.

Со снятием блокады Ленинграда Балтийский флот снова принял участие в боевых действиях. Заградительная линия была сметена, началось разминирование Финского залива. В 1945 году наши подводные лодки топили один за другим германские военные корабли, суда и транспорты, приближая победу.

Командир героической Щ-303 Иван Васильевич Травкин после войны вспоминал, как его команда вернулась из самого тяжелого разведывательного рейда к стальной стене в Финском заливе. Самым радостным событием после долгого похода, когда подводники по несколько дней не видели солнца и не дышали свежим воздухом, было... услышать жужжание комаров.

«Комарики!» – радовались мы, осознавая, что испытания остались позади», – признался герой-подводник.

Партизанский обоз

За рубежами блокады все дни войны действовали наши партизанские отряды. Они наводили ужас на немцев.

Первые партизанские отряды начали формироваться в августе 1941 года, когда враг был на подступах к Ленинграду и стало очевидно, что он оккупирует значительную часть Ленинградской области. Перед партизанами ставили несколько задач: вести разведку в тылу противника, организовывать диверсии, чтобы враг ни на минуту не мог почувствовать себя спокойно на нашей земле.

Ландшафт южнее Ораниенбаумского плацдарма нельзя назвать лесистым. В основном здесь болота, кусты и поля. Это осложняло действие народных мстителей вблизи Ленинграда.

Командир партизанского отряда Ораниенбаумского района Александр Павлович Архипов вспоминал, что крещение его бойцы получили на развилке дорог, ведущих на Глобицы и Готобужи, где установили две мины. На них подорвалась машина, перевозившая немецких солдат.

На следующий день партизаны узнали от местных жителей, что в районе Глобиц немцы установили дальнобойные орудия. Отряд не только уточнил их диспозицию и узнал подробности о вражеской батарее, но и напал на солдат, охранявших пушки. Несколько гитлеровцев в этой стычке погибли.

Партизаны нарушали связь немецких подразделений, перерезая провода, подкарауливали оккупантов на дорогах. В деревнях проводили встречи с колхозниками, рассказывая им об истинном положении дел на фронте.

Но и фашисты вели охоту на партизан. В деревне Савольщина арестовали связную отряда Анну Мозехину. Девушку пытали, выясняя расположение штаба партизан. Ничего добиться не смогли. Ее казнили — повесили в деревне Медуши.

В октябре 1941 года партизаны приняли настоящий бой с фашистами у деревни Усть-Рудицы. Здесь в засаду попали шесть разведчиков с Ораниенбаумского плацдарма. Они уже выполнили задание и возвращались к себе. Фашисты их окружили и старались захватить в плен. Подоспевшие партизаны помогли разведчикам прорваться на плацдарм. В том бою было уничтожено 30 оккупантов.

Отряд разрушал железнодорожные пути противника, пускал под откос эшелоны.

В декабре 1941 года фашисты начали настоящую охоту за партизанами. Около деревни Соколовки Волосовского района, когда отряд встал на привал, его окружили каратели. Партизаны с потерями вырвались. Но двое суток шло

Партизанский обоз

преследование. Оторваться никак не удавалось. Деревни были блокированы. Выпал глубокий снег, поэтому не только не удавалось быстро передвигаться, не было возможности запутать следы. Партизаны валились с ног от усталости. Боеприпасы подходили к концу. Единственным спасением оставалось – пробираться к своим, на Ораниенбаумский плацдарм.

На плацдарме после короткого отдыха партизаны получили приказ передислоцироваться под Псков, где действовали крупные партизанские соединения.

Под Псковом, на территории вокруг городов Дно, Порхов, Дедовичи, Старая Русса с широкими лесными массивами, с осени 1941 года действовала 2-я партизанская бригада. Еще осенью 1941-го партизаны провели свыше тридцати боев с противником и смогли освободить значительную часть территории от оккупантов.

Образовался первый в истории Великой Отечественной войны Ленинградский партизанский край (в то время Псковская и Новгородская земли входили в состав Ленинградской области). Площадь края составляла 9600 квадратных километров. Протяженность с севера на юг – 120 километров. С запада на восток – 80 километров. В мирное время здесь находилось 400 деревень, 30 сельсоветов, 170 колхозов.

Военное время и близость врага, конечно, внесли свои коррективы в жизнь людей. Но на территории этого края не было ни одного немецкого солдата, вся власть была сосредоточена в руках командования партизанской бригады. С Большой землей была постоянная связь.

Партизаны наладили хозяйственную жизнь края. Прежде всего были восстановлены колхозы, которые обеспечивали продовольствием население и партизан и выполняли многие задачи по обеспечению боевых отрядов. В деревнях даже открыли мастерские по изготовлению одежды и обуви. Восстановили больницы, медпункты и ветеринарные лечебницы. В школах начались занятия. Зарплату врачам и педагогам выплачивали продуктами. Выходили газеты. Прошла успешная подготовка к севу 1942 года.

В край даже доставили несколько кинопередвижек с новыми кинолентами.

В феврале 1942 года партизаны приняли решение оказать продовольственную помощь Ленинграду. По деревням собрали 3 тысячи пудов продуктов. И из деревни Нивки Дедовичского района 5 марта 1942 года вышел санный обоз.

В сторону линии фронта двигалось 226 подвод.
Продукты для блокадного Ленинграда сопровождала делегация из 12 партизан и 10 колхозников.

Партизаны

Передвигались посланцы партизанского края только ночью. Днем рассредоточивались, и их укрывали жители деревень по пути следования, где в тот момент не было оккупантов. Путь составил 10 дней. На линии фронта командование Красной армии пробило партизанам коридор в осажденный город. В Ленинграде продовольствие перегрузили на автомашины. Представителей партизанского края приняли в Смольном руководители Ленинграда и командующий Ленинградским фронтом.

Операция по продвижению партизанского обоза была разработана и организована блестяще и приобрела широкую известность во всей стране и мире. Прежде всего она наглядно показала, что даже в своем глубоком тылу гитлеровские войска не в состоянии держать в повиновении оккупированные территории.

Беспрецедентная в истории войн партизанская акция стала примером патриотизма и мужества. Но она вызвала ярость руководства рейха. Карательные экспедиции на партизанский край следовали одна за другой. В мае 1942 года территория края значительно сузилась. К июню фашисты еще больше усилили натиск. Их силы впятеро превосходили партизанские. Увы, к сентябрю край прекратил свое существование.

Но партизанское движение не ослабло. С ноября 1942 года партизанские бригады начали получать помощь из тыла. С Большой земли регулярно доставлялось оружие, вплоть до пушек. Во время наступления Красной армии партизаны начали масштабную поддержку наших войск изнутри, что ускорило разгром фашистов и выдворение их с территории страны.

Неизвестная блокада: Малая дорога жизни

**Мемориал на месте деревни
Большое Заречье**

Гнездо аиста

С дороги хорошо видно поле, стоят печи — горькое напоминание о сожженных домах. И бронзовый солдат, вернувшийся в опустошенную деревню.

Трагедию Большого Заречья в Ленинградской области знают практически все. Это место памяти: 29 октября 1943 года гитлеровцы провели здесь показательную акцию устрашения. Каратели уничтожили все дома, а жителей — 66 человек, среди которых 19 детей, — сожгли заживо.

Авторы мемориала дополнили его одной трогательной деталью. На некоторых столбах установили муляжи гнезд и поставили фигурки аистов.

Все, кто не раз проезжали мимо, знают о том, что аисты ненастоящие. А однажды весной что-то неожиданно изменилось. На обочине стали останавливаться машины.

«Смотрите, аисты!» — кричали девушки, вышедшие из одного автомобиля.

Рядом притормозили другие машины. И выдавшие виды малолитражки, и дорогие внедорожники.

Действительно, на одном из столбов в гнезде хлопотала семья аистов. Прилетели буквально недавно, теперь обживались.

И люди пошли к мемориалу. Гранитные дорожки вели поближе к гнезду. Мимо сгоревших изб, где жили Тимофеевы, Рысевы, Лукины... У Лукиных — трое маленьких детей, у Рысовых — двое, у Тимофеевых — пятеро. 180 домов было в деревне.

Аисты хлопотали в своем гнезде. Они птицы верные. И теперь уже много лет прилетают сюда. Гнезд становится больше, поскольку появляются новые птичьи семьи. Жизнь продолжается. А наша обязанность, обязанность живых — помнить.

Когда же закончится блокада? Каждый ленинградец, каждый боец Ленинградского фронта, каждый моряк Балтийского флота только и мечтал об этом. Жительница Ораниенбаума Александра Дмитриевна Андреевна после войны вспоминала, как зимой 1942 года была командирована на заготовку дров для Ленинграда. В феврале она возвращалась к родителям в Ораниенбаум. Все, что у нее было в дороге из еды, – кусочек пиленого сахара и 50 граммов хлеба.

Обессиленная и голодная девушка вышла из Ленинграда в 6 часов утра 3 февраля 1942 года. От Варшавского вокзала дошла до Финляндского. Она планировала добраться до станции Лисий Нос, где был открыт переход на противоположный берег через залив. Но поезда не ходили из-за отсутствия дров и воды. Надо было спешить в Лисий Нос, поскольку переход закрывался в 17.00. К счастью, Саша успела. Предъявила документы на пропускном пункте и двинулась по льду.

Так хотелось быстрее добраться до дома, что Александра не замечала холодного ветра, не обращала внимания на то, что ее ноги проваливаются в снег. На льду буксовала машина. Девушка помогла шоферу разгрести снег. В благодарность он предложил ее подвезти. Машина обогнала группу бойцов, следовавших в темноте к Ораниенбауму. А через несколько сот метров снова забуксовала в снегу. Теперь выбраться из образовавшихся сугробов помогли бойцы. Их взяли в кузов автомобиля. Такие пассажиры оказались как нельзя кстати, поскольку в пути они несколько раз выручали — быстро расчищали дорогу полуторке.

Проехали через Кронштадт к Большой Ижоре. Но от поселка к городу Ораниенбауму Александре надо было идти пешком, а это еще более десяти километров. С небольшим отдыхом в пропускных пунктах Александра 4 февраля в 4 утра благополучно постучалась в родительскую дверь.

Еще впереди ожидали почти два года осады, смерть многих близких. И сама девушка несколько раз оказывалась на краю гибели. Но эта трудная одиссея через блокированный Ленинград, по льду Финского залива, вдоль южного побережья запомнилась Александре на всю жизнь. Каждый боец, проверявший документ, спрашивал: «Как там живут ленинградцы?»

Вид изможденной девушки говорил больше, чем любой рассказ.

Через много лет после войны, описывая этот полный опасностей путь, Александра Дмитриевна вспоминала, что все бойцы, разговаривая с ней, крепко сжимали винтовки и произносили практически одни и те же слова: «Хватит нам отсиживаться, пора наступать!»

Наступать, крушить врага! И этот час в конце концов настал.

Часть шестая.

Победный гром в январе

Вообще-то в наших местах гроза в январе явление крайне редкое. Потому и выбрали такое название для военной операции. «Январский гром» должен был стать полной неожиданностью для врага и безжалостно сокрушить его.

**За две недели января 1944 года фашистские войска
были полностью разгромлены под Ленинградом.
Город освободился от ненавистой блокады.**

Задумывалась эта уникальная операция в сентябре 1943 года. Уникальность плана состояла в том, что, пожалуй, впервые в мировой истории масштабная военная операция по освобождению крупного города от вражеской осады происходила не извне — при помощи наступающих основных сил, а изнутри, используя ресурсы и резервы самих осажденных.

На протяжении двух с половиной лет блокады и Ленинград, и Кронштадт, и Ораниенбаум не были пассивными свидетелями боевых действий. Тут постоянно происходили небольшие и масштабные стычки с врагом.

Несостоявшееся «Огненное волшебство»

Сами немцы многократно предпринимали попытки уничтожить Ораниенбаумский плацдарм, Кронштадт и флот. Фашистское командование несколько раз планировало провести наступление, чтобы захватить Ленинград. Сегодня уже неважны подробности этих неосуществленных операций, однако известны их названия:

«Ледовый удар» — план уничтожения кораблей Балтийского флота;

«Георг» — план взятия Ленинграда;

«Огненное волшебство» — еще одна задумка штурма города на Неве;

«Полярное сияние» — третья попытка штурмом овладеть Ленинградом;

«Посох» — план разгрома Ораниенбаумского плацдарма.

Планы так и остались на бумаге.

Будущая победа под Ленинградом ковалась не осенью 1943 года, а много раньше. Предпосылки для наступления были созданы еще в сентябре 1941 года, когда мы отступали. Теряя поселок за поселком, город за городом, в каждой новой точке наши солдаты предпринимали нечеловеческие усилия, чтобы наконец остановить врага.

Отчаянный 1941 год. Тяжелейший 1942-й... Вселяющий надежду 1943-й...

В начале битвы за Ленинград, осенью 1941 года, враг имел численный перевес по всем позициям. В 1943 году, а тем более в 1944-м картина на Ленинградском фронте изменилась кардинально. Теперь фашистам было о чем беспокоиться: превосходство не на их стороне.

Соотношение сил перед началом операции «Январский гром» (январь 1944 года)

	Красная армия	Немецко-фашистские войска
Солдаты и офицеры	400 000	170 000
Танки и самоходные артиллерийские установки	600	200
Орудия и минометы	6000	4500
Самолеты	600	370

Бои за высоту Колокольня

Историческая достопримечательность Гостилиц — гора Колокольня. Рядом во времена императрицы Елизаветы Петровны ее сердечный друг и тайный супруг граф Алексей Григорьевич Разумовский построил великосветский охотничий дворец. Елизавета, любительница кутежей и прочих забав, во дворец приезжала часто, иногда без предупреждения. Чтобы подготовить все к ее визиту, граф выставил наблюдательный пост. На самой высокой точке в округе, возвышающейся над уровнем моря больше, чем на сто метров, он установил башню с колоколом. Как только смотрящий замечал вдали императорскую карету, он ударял в набат. Отсюда и возникло историческое название горы — Колокольня.

Бои в ходе операции «Январский гром»

В годы войны гора оказалась на нейтральной полосе. От нашей передовой до нее было порядочное расстояние — около километра. Немцы не сразу распознали стратегическую важность возвышенности и не включили ее в систему своей обороны. Этим решили воспользоваться наши бойцы.

В конце сентября 1941 года лейтенант Карнаух вместе со своими бойцами решил занять гору.

Адмирал В. Ф. Трибуц

Как только наши солдаты взошли на нее и начали занимать круговую оборону, появились немцы, видимо, тоже осознавшие, что высота может им пригодиться. Их было порядка сотни. Красноармейцы подпустили их поближе и дали бой. Немцы отступили.

Но фашисты поздней осенью 1941 года окончательно поняли свой просчет. Используя значительный перевес на тот момент в живой силе и технике, они стали методично пытаться захватить возвышенность.

Ветераны тех боев вспоминали: «Немец ежедневно бросал на нас тысячи снарядов и мин. Гора тряслась. Дым застилал небо. Земля вся черная, деревья поломаны, а те, что уцелели, стоят голые, как свечи. Много братков погибло на высоте, а живые лежат... Ждут: не ползет ли немец еще раз на гору?»

На горе постоянно сменяли гарнизон защитников. По их воспоминаниям, особых проблем с боеприпасами у них не было. Можно было подавить в себе и чувство голода. Да вот жажда одолевала все время. Воды на высоте было мало. Пили дождевую воду из луж, зимой растапливали в котелках снег.

Гора Колокольня была прекрасным наблюдательным пунктом, откуда хорошо просматривались позиции врага, сообщались ценные сведения для командования, а также данные для корректировки огня нашей артиллерии.

В дни операции по полному освобождению Ленинграда от фашистской осады в январе 1944 года на Колокольне был устроен командный пункт, откуда велось наблюдение за ходом нашего наступления. Отсюда руководили операци-

Монумент на горе Колокольня

ей командующий Ленинградским фронтом Леонид Александрович Говоров, командующий 2-й ударной армией Иван Иванович Федюнинский, командир 43-го стрелкового корпуса Анатолий Иосифович Андреев. Также в первые дни операции здесь находился командующий Балтийским флотом Владимир Филиппович Трибуц.

Вот какой генералитет собрался на высоте, которую не дал врагам осенью 1941 года занять лейтенант Карнаух.

Героизм защитников горы Колокольни отмечен монументом. Здесь установлена стела в виде цифр «105,3». Именно 105,3 метра высота этой горы — самой высокой в округе.

«Это Исаакий ...»

Ленинградский писатель Лев Успенский, которого мы уже не раз цитировали в этой книге, в годы блокады был прикомандирован к Краснознаменному Балтийскому флоту. Он вспоминал, как с фотокорреспондентом с Большой земли отправился на наблюдательный пункт на Ораниенбаумском плацдарме.

Укрытый НП находился на сосне. С него линия фронта — как на ладони. Край леса — наш. Заболоченное пространство южнее леса, метров триста-четырееста, — ничейная полоса. А дальше — поля, кусты там и сям... И окопы, блиндажи, дзоты. Уже «не н а ш и, — подчеркивает писатель. — Смотреть на все это было больно и тяжело».

Исаакиевский собор в годы блокады

И все так близко, что, как пишет Успенский, «в бинокль можно было видеть даже пушистые шишечки на вербе...»

Моряки-наблюдатели по телефону передали точные данные немецких позиций. И тут же последовал залп, уничтоживший несколько немецких дзотов.

Фотокорреспондент сделал снимки. Пришло время возвращаться. И тут молоденький матрос попросил: «Товарищ корреспондент! Сделайте, пожалуйста, еще одно фото. Маме хочу послать, чтобы знала, что мы тут защищаем». Он, как волшебник, повернул ручку, и открылось скрытое окошко в сосновых ветках. А там за лесами, в бесконечной дали, оказался небольшой, но тем не менее могучий серый силуэт. «Словно бы древний воин в куполообразном шлеме, словно богатырь, по плечи ушедший в леса...»

«Что это?» — спросил ошалевший гость с Большой земли.

«Ленинград это... Исаакий...» — смутившись сказал матрос.

Как все близко: шишечки на вербе за линией фронта и Исаакий...

Смелый план

В январе 1943 года прорвали блокаду. Это была большая победа. Благодаря ей южнее Ладожского озера образовалась узкая полоска отвоеванной у фашистов земли. Возник коридор, соединяющий блокированный город с Большой землей. Эта полоска обстреливалась фашистами. Сохранялась опасность

нового прорыва немцев и уничтожения этого коридора. Но по нему уже пошли грузы и подкрепление в Ленинград. Город, голодающий и истерзанный врагом за долгий период блокады, смог дышать свободнее.

Прорыв блокады — все-таки не полная победа.

Ленинград все еще оставался в осаде.

В сентябре 1943 года Военный совет Ленинградского фронта представил в Ставку предложения по разгрому фашистов под городом на Неве. Смелость плана состояла в том, что наступление должно было начаться не с Большой земли, где сосредоточились основные силы Красной армии. И даже не от границ Ленинграда, где проще было сконцентрировать войска. А с плацдарма под Ораниенбаумом, небольшого пятачка нашей земли, который удалось удержать ценой огромных усилий в сентябре 1941-го...

Этот плацдарм оказался отрезан не только от Большой земли, но и от Ленинграда. Связь и снабжение можно было осуществлять только через Финский залив через Кронштадт и Лисий Нос. Этот транспортный коридор, несмотря на постоянные обстрелы и вражеские бомбежки, действовал исправно: летом по воде, зимой по льду. В народе трассу назвали Малой дорогой жизни, по примеру легендарной — через Ладогу.

Наши войска вступают в Гатчину

Операция получила название «Январский гром».

Но это был не один план наступления, а сразу два.

Первый — «Нева-1» — строился на том, что противника удастся застать врасплох и без серьезных боев откинуть от Ленинграда. Второй план — «Нева-2» — также был рассчитан на неожиданный удар, но предусматривал отчаянное сопротивление врага, его стремление любой ценой удержать каждую позицию. В этой ситуации нужно было четко смоделировать каждый час хода операции, куда переносить удар в поиске слабых мест немцев, когда вводить в ход резерв, где осуществлять отвлекающие маневры.

Но, чтобы опрокинуть немцев, серьезно окопавшихся за два с половиной года блокады, нужны были огромные силы. А переправить их на плацдарм предстояло под носом у врага. Скрытно, чтобы он раньше времени не догадался о намерениях советского командования. Как вспоминал командующий Балтфлотом адмирал Владимир Филиппович Трибуц, еще до ледостава на кораблях и судах к 20 ноября через залив перебросили

более **30** тысяч человек,
танки, тысячи машин,
сотни орудий,
более **10** тысяч тонн грузов.

Но этого было недостаточно. Дальше операция продолжалась частично по ледовой дороге, а частично — баржами через залив, уже покрывшийся сначала 10-сантиметровым, затем 30-сантиметровым льдом. Как бы ни было сложно, к 12 января 1944 года на плацдарм доставили еще

более **22** тысяч солдат и офицеров,
140 танков,
орудий - **380**,
800 автомобилей,
более **20** тысяч тонн грузов.

Перед началом операции «Январский гром» разведчики и саперы подготовили «коридоры» в заграждениях врага

Тральщики вместо ледоколов

Ледоколов и буксиров не хватало. Наиболее мощными были тральщики. Их и решили использовать и в качестве тягачей для барж, и для того, чтобы взламывать лед. Это был большой риск, поскольку корпуса этих судов не были предназначены для подобных целей. Но другого выхода не было.

Перед отправкой каждого каравана в полную боевую готовность приводили береговые, корабельные и железнодорожные батареи. Они должны были вступить в перестрелку с противником, если вражеские батареи открывали огонь. Артиллерийская дуэль, когда стрелять друг в друга начинают орудия, способные снести полберега, — это больше психологический бой. Если не прекратить стрельбу, рано или поздно снаряд разнесет твою батарею. Немцы на такой риск никогда не шли. И не потому, что им жалко было пушек...

Караваны из Лисьего Носа шли по ночам. Было до минут просчитано каждое движение команд: как ставить мостики к судам и транспортам, сколько времени уходит на погружку, как должна встать на палубе техника.

А что делать, если какие-то суда замешкаются до рассвета? Вдоль проложенного ледоходами пути оборудовали станции дымопуска. Они могли создать эффект тумана на несколько километров. На аэродромах держали готовые к вылету самолеты-дымозавесчики. Они могли усилить плотность «тумана», сделать корабли совершенно невидимыми.

На самом деле все держалось на честном слове. Если бы немцы захотели, они потопили бы десятки судов, и на верную смерть были бы обречены тысячи людей. Но фашисты настолько привыкли к Малой дороге жизни, что в эти зимние ночи не хотели причинять себе лишнее беспокойство.

Самая большая ошибка немцев в те дни — излишняя самоуверенность. Они, конечно, не могли не видеть бурную активность в акватории Финского залива, но принимали ее за обычную передислокацию войск. Они считали, что войска не прибывают на Ораниенбаумский плацдарм, а, напротив, покидают его. Никому и в голову не приходило, что можно нанести серьезный удар с такого небольшого военного участка.

За все дни проведения передислокации войск самым сложным стало 2 января 1944 года. Ночью началась сильная подвижка льда. На трассе оказались затерты 18 кораблей и судов. Положение было катастрофическим: слабые корпуса могли не выдержать, а застывший караван на рассвете мог стать легкой мишенью. И действительно, как только рассвело, гитлеровцы открыли огонь по кораблям. Срочно подняли самолеты-дымозавесчики, «подняли туман» и команды станций дымопуска. Но в тот день был сильный ветер, он быстро рассеивал эту спасительную пелену.

Тогда экипажи под огнем противника начали выкатывать на лед дымовые шашки. Это усилило плотность «тумана». Тут заговорила наша артиллерия. И наши пушки заставили замолчать немецкие. Освободить караван из ледового плена удалось только к вечеру 2 января, и он благополучно добрался до Малой Ижоры.

Откуда прилетит привет?

Неужели немцы такие дураки? Неужели они совсем ничего не замечали? Это сегодня кажется фантастикой, но в каком-то смысле не замечали. Командующий фашистской группой армий «Север» фельдмаршал Георг фон Кюхлер и командующий 18-й вражеской армией генерал Георг Линдемман обращались в Ставку фюрера: что делать, если русские пойдут в наступление? Получили вполне «конкретные указания»: «Держаться до последнего! В случае прорыва, контрударами выбивать русских и, развивая инициативу, переходить в наступление и захватывать новые позиции».

Советы весьма далекие от реальности 1944 года.

Впрочем, все эти указания вскоре нашли отражение в приказах по дивизиям и доведены до солдат: «В случае наступления противника каждый опорный пункт, каждый дот должен защищаться до последнего солдата. Отхода быть не может. С участков, не подвергающихся нападению, начальники участков снимают тяжелое оружие и используют его на угрожающих участках. Если противнику прорыв удастся, прежде чем он закрепится, немедленно проводит-

Бои в ходе операции «Январский гром»

ся контратака с использованием всех резервов. После отражения атаки вслед противнику высылается группа с целью захвата пленных...»

И все-таки, как позже оказалось, Кохлер и Линдеман действительно ничего не знали. Их тревога, скорее, — интуиция. Направление главного удара с Ораниенбаумского плацдарма противоречит военной логике. Педантичный немецкий мозг просто взрывался от самой мысли, что такое возможно.

Наши же не спешили давать повод что-либо заподозрить. Как рассказывал ветеран контрразведки Борис Михайлович Пидемский, активно велась радио-игра с участием перевербованных немецких диверсантов, которые уверяли свое командование: удар будет нанесен на западе плацдарма.

Более того, прибывающие в Ораниенбаум части весело, чуть ли не с песнями, грузились в эшелоны и на глазах у немцев двигались в западную часть плацдарма. А под покровом ночи тайком возвращались, чтобы на следующий день снова шумно отправиться на запад...

Как вспоминал бывший заместитель начальника отдела контрразведки «Смерш» А. А. Богданов, на ложном фланге артиллерия имитировала пристрелку, а небольшие группы танков создавали иллюзию передвижения огромных сил танковых войск. Авиация совершала частые разведывательные полеты на

Кингисеппском направлении. Войсковые разведчики и партизаны, действуя в тылу врага, распространяли слухи о предстоящем наступлении советских войск на Кингисепп. 12 января была предпринята обманная наступательная операция на Копорье. Но основной удар готовился на Ропшу.

Немцы несколько успокоились. В Германию они писали письма, в которых высказывали вполне определенные планы на будущее. После войны командарм И. И. Федюнинский в своих мемуарах даже привел в качестве примера одно из таких посланий: «Мы живем в местечке, где раньше отдыхала царская фамилия. Мой начальник подполковник Эдельман намерен после войны поселиться здесь со своей семьей. Он уже имеет восемь кур, много кроликов, четырех телят. Денщик его, обер-ефрейтор, опытный сельский хозяин, откормил хорошую свинью. Мне он также кое-что обещает в будущем». Дальше все в таком же духе. В письмах постоянно звучит рефреном: «русским никогда не пробить наших укреплений».

На самом деле не свинью надо было откармливать подполковнику Эдельману, а заготовить хорошие лыжи. Чтобы быстрее драпать по январскому морозцу от царского местечка.

Тайная операция

Генерал А. И. Андреев

Довольно подробно ход подготовки операции «Январский гром» описал генерал Анатолий Иосифович Андреев, бывший командир 43-го стрелкового корпуса, на который легла самая ответственная задача начать наступление в январе 1944 года.

По словам Андреева, его назначение происходило в Смольном. Вызвал его на встречу командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров. Разговор происходил в его кабинете. Но тут вошел Жданов. Андрей Александрович в тот момент был не просто 1-м секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), он также являлся секретарем ЦК партии и членом Политбюро.

«Невысокий, плотный, даже несколько грузноватый. Генеральский китель сидел на нем в обтяжку, под-

черкивая его полноту. Говорили, что Андрея Александровича донимает сердце. По-видимому, так оно и было, — под глазами у него отчетливо обозначались мешки», — вспоминает генерал Андреев.

Именно Жданов дал поручение Андрееву отправляться на Ораниенбаумский плацдарм. Но зачем, до поры до времени разьяснить не стал. Говоров тоже ушел от прямого ответа, какие задачи ставятся перед генералом: «Все узнаете в свое время».

Переброска корпуса, которым командовал Андреев, заняла три ночи и завершилась 10 октября. Велась погрузка в поселке Лисий Нос.

Генерала впечатлила четкость, с какой выполнялись все команды. Малая дорога жизни работала как хорошо отлаженный механизм. «Откуда-то из темноты возникали силуэты транспортных судов; в мгновение ока устанавливались мостки и сходни. И сразу же все споро поднималось на борт: боевая техника, армейское имущество и лошади. За время операции не потеряли ни одного человека, ни одного орудия, ни одной машины», — утверждает генерал Андреев.

На Ораниенбаумском плацдарме ждал еще один сюрприз. Генералу подали новехонький «виллис». Говоров лично распорядился, чтобы истрепанные по фронтовым дорогам «эмки» командиров корпуса заменили на новые и добротные машины. На что офицеры только отметили: «Наконец-то и нам кое-что досталось от союзников». Американцы охотно присылали свою технику, но с высадкой в Европе не спешили. «Наверное, второй фронт откроют тогда, когда мы будем уже под Берлином», — шутили наши боевые генералы.

Только на плацдарме Говоров раскрыл все карты. Корпусу предстояло прорвать глубоко эшелонированную оборону противника, которая создавалась в течение двух с половиной лет, и отбросить немцев до Кингисеппа.

Была середина ноября. До начал операции оставалось менее двух месяцев.

Сделано в Ленинграде

Подготовка к операции по снятию блокады велась не только воинскими подразделениями. Будущую ленинградскую победу ковали все. В 1943 году промышленность Ленинграда в разы увеличила выпуск продукции. Все стрелковые дивизии фронта получили новенькие автоматы и ручные пулеметы, сделанные на предприятиях города. Заводы изготовили сотни артиллерийских орудий, минометов. Счет мин, снарядов, авиабомб перевалил за два с половиной миллиона штук.

Часы командарма

Операция держалась в строжайшей тайне, поскольку только внезапность могла обеспечить ее успех. К тому же прорыв планировалось вести в одной определенной точке. Фронт наступления предполагался десять-одиннадцать километров. На карте сражений это всего лишь точка. Если бы противник узнал, где будет нанесен удар, подготовился бы к его отражению, и тогда последствия провала были бы огромными, катастрофическими.

Началась подготовка к наступлению. Разумеется, никто из рядовых не знал о том, что произойдет буквально через несколько недель. Но то, что ожидается нечто грандиозное, понимали все.

Нейтральная территория, отделявшая передний край наших войск от немцев, была шириной около километра. Чтобы не терять темп атаки, нужно было эти участки максимально сузить. Из ночи в ночь в декабрьские холода саперы долбили окаменевшую от морозов землю, создавая сеть траншей и ходов, которые вели к гитлеровским окопам.

Контролировали ход работ лично генералы и командиры дивизий. Андреев вспомнил забавный случай. Он осматривал прорытые саперами траншеи. Нужно было по тайному ходу подняться вверх на крутой холм. Андреев пошел первым. Снизу его подпирал командир дивизии полковник Лященко — богатырь двухметрового роста. Добравшись до конца траншеи, генерал высунул голову. А прямо перед ним — метрах в ста — сидели гитлеровцы. Один из них в этот момент начал играть на губной гармошке. Это отвлекло всех остальных, а то обязательно заметили бы каракулевую шапку советского генерала. Так могли возникнуть серьезные неприятности. Крадучись, командиры сползли с холма и ретировались, мысленно похвалив саперов за хорошую и скрытную работу.

Чтобы прорвать 10–11 километров линии фронта, было вырыто 18 километров траншей и ходов сообщения, 40 дотов, оборудовано более 200 огневых позиций для орудий, которые должны были бить по врагу прямой наводкой.

Шла разведка, где и какие укрепленные пункты имеют фашисты, разминировали проходы в минных полях. Осуществлялась колоссальная подготовительная работа.

В наступлении предстояло участвовать не только опытным бойцам, но и новобранцам. От их подготовки зависел не только успех операции, но и их жизни, жизни их товарищей. На тактических учениях они по сто раз поднимались в атаку, перескакивали через окопы, врываются в землянки, имитируя разные варианты будущего боя.

Однажды на таких учениях появился командующий Федюнинский. И тут же спросил: не побоятся ли солдаты, если на них пойдет танк?

Ответа не последовало. Тогда Федюнинский выбрал одного солдата и, глядя ему прямо в глаза, спросил: «Вот ты усидишь?»

Командарм И. И. Федюнинский

Часы командирские

Несмело солдат сказал, что усидит.

«Проверим», — заявил генерал и приказал командиру танкового экипажа идти в атаку на окоп, в котором засел солдатик со связкой учебных гранат.

Солдат-новобранец, наверное, страху натерпелся. Но, когда танк проскочил его окоп, поднялся и метнул связку гранат.

Федюнинский остался доволен. Иван Иванович тут же снял со своей руки часы и вручил солдату.

«Кто еще сядет в окоп?» — теперь на вопрос генерала откликнулись все. Тогда Федюнинский приказал обкатать танками всех. Но добавил: «Правда, часов у меня больше нет».

Впрочем, разве в часах заключался урок командующего. Скольких солдат позже в боях спасли эти учения...

О чем поведал школьный музей

Музею школы № 438 поселка Лисий Нос исполнилось уже полвека. Небольшая по площади экспозиция хранит столько ценной информации и уникальных артефактов, что ей могут позавидовать многие большие и статусные музеи. Но главное, чем гордится школьная коллекция, — это собранные за многие годы учащимися редкие сведения о блокадном периоде в истории и поселка, и всего нашего города.

Мемориальная доска выпускникам школы, ушедшим добровольцами на фронт

В 1957 году школа Лисьего Носа переехала из старых и тесных в новые помещения. Здание хоть и типовой советской архитектуры, но просторное и удобное. А для поселка, в котором преобладают малоэтажные домики и дачи, — весьма заметное.

В середине 1960-х произошло знаменательное событие. Школу посетил один из выдающихся советских полководцев, один из руководителей операции по освобождению Ленинграда от гитлеровской осады Герой Советского Союза Иван Иванович Федюнинский. Встреча стала знаковой. Рассказ генерала так заинтересовал ребят, что они буквально забросали его вопросами.

Среди гостей школы был и бывший командир 43-го стрелкового кор-

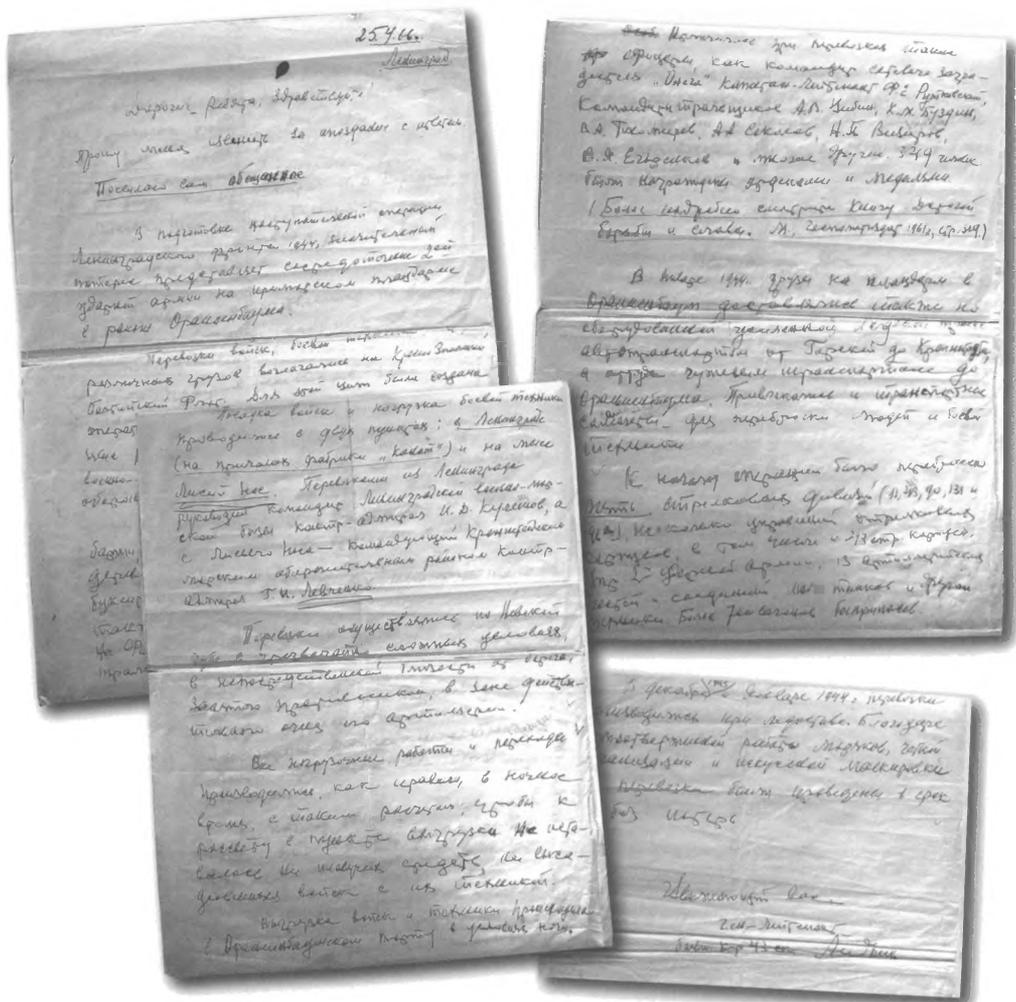

Фото письма генерала А. И. Андреева

пуca, один из участников операции по полному освобождению Ленинграда от вражеской осады генерал-лейтенант Андрей Иосифович Андреев. Вдохновенные встречи школьники написали ему письмо с просьбой прислать свои воспоминания.

И генерал ответил! Несмотря на дела и заботы, к тому времени уже немолодой человек собственноручно написал несколько страниц уверенным командирским почерком. Генерал в своем послании общается со школьниками — мальчишками и девчонками — как с равными. Он прислал не официальное пафосное воспоминание на гербовом бланке с витиеватой подписью. Его письмо на тонкой, почти папиросной бумаге. Не стесняясь своих эмоций, Андрей Иосифович по нескольку раз зачеркивал слова, дополняя фактами, деталями. Он не только подробно рассказал о ходе военных действий, но и называл номера частей, запомнившиеся ему имена офицеров и даже солдат.

Урок мужества в школьном музее

В истории блокады Ленинграда есть три главные даты. Первая, скорбная: 8 сентября 1941 года враг окончательно замкнул кольцо вокруг нашего города. Две другие — радостные: 18 января 1943 года в ходе операции «Искра» была прорвана блокада, а 27 января 1944 года Ленинград был окончательно освобожден от вражеской осады. Операцию тогда называли парадоксально и ярко — «Январский гром».

Во всех трех этих событиях Андреев принимал непосредственное участие. Ленинградская блокада навсегда оставила в его сердце глубокий след.

Визит командующего Федюнинского и письмо генерала Андреева подтолкнуло к идее создания музея. С того момента каждое новое поколение учеников 438-й школы вносит свою лепту, пополняя его экспозицию. Удалось найти и обменяться письмами, записать воспоминания многих участников тех памятных лет.

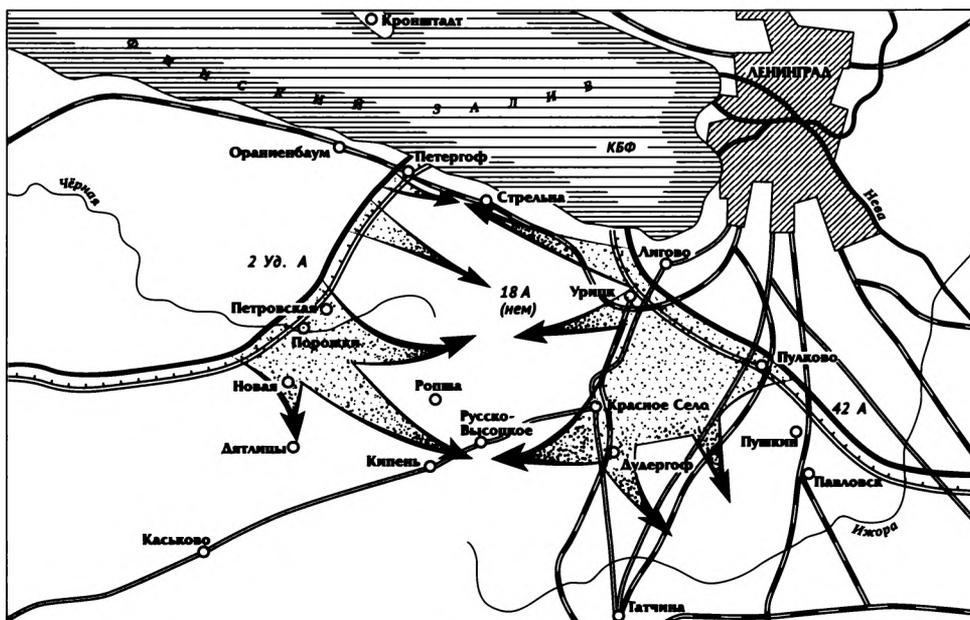
Почти десять преподавателей и более тридцати бывших учеников школы погибли в годы Великой Отечественной войны. Большинство из них, обороняя родной город. Школьники разыскали и восстановили судьбы многих выпускников и учителей довоенного времени.

«Девиз нашего музея простой, но очень прочувствованный всеми ребятами “Я помню, я горжусь!”. Интерес к истории, уважение к памяти наших предков, защищавших Родину, передается в нашей школе из поколения в поколение, — говорит заведующая школьным музеем Лидия Валентиновна Скобелева. Полвека назад она была одной из тех, кто стоял у истоков этого уникального собрания. — До сих пор поддерживают музей его зачинатели, тогдашние школьники, а сегодня уже взрослые, имеющие семьи и даже внуков люди: Камила Маликова, Ольга Микутэль, Татьяна Горшкова, Борис Николаев».

Час икс

Честь начать наступление доверили 2-й ударной армии. Командующий Иван Иванович Федюнинский вспоминал: «Утро 14 января 1944 года выдалось необыкновенно тихим». Но все командиры с замиранием сердца смотрели на часы и считали секунды. И вот — 9.35... Тишину разорвали громовые раскаты. Намеченный участок прорыва шириной 10,5 километра в направлении Ропши и Красного Села. Здесь было собрано 1773 орудия и миномета. Плюс к этому ударили морские орудия флота, фортов и авиация.

В этом шквале огня были слышны пушки форта Красная Горка. Рядом стреляли кронштадтские батареи, бронепоезда «За Родину!» и «Балтиец». Свою лепту

План операции «Январский гром»

Красное Село и Петергоф снова наши!

внес линкор «Марат», взорванный в сентябре 1941-го и объявленный берлинским радио потопленным, но восстановленный. Теперь он бил своими тяжелыми пушками, круша врага. Ему вторили боевые корабли Балтийского флота «Киров», «Октябрьская революция», «Максим Горький» и другие, в августе 1941-го совершившие тяжелый переход из Таллина в Кронштадт, выстоявшие массированные вражеские бомбардировки...

В начале блокады, когда берегли каждую крошку хлеба, в дефиците был и каждый снаряд. Всему плацдарму позволялось делать не более 150 выстрелов в сутки.

14 января, как посчитали артиллеристы, на врага падало 25 снарядов в секунду. Обстрел продолжался 65 минут.

В первый день наступления 2-я ударная армия продвинулась на один — три километра, сокрушив первую линию созданного фашистами оборонительного рубежа «Северный вал». В германских войсках началась неразбериха.

15 января обстрел длился сто минут. В этот же день в наступление пошли бойцы 42-й армии с Пулковских высот.

Добро поплакаться!

Сохранились письма немецких солдат, описывающих кошмар «Январского грома». Они настолько колоритны, что не требуют комментариев:

«В нашей роте после артподготовки русских из 140 человек в живых остались только 9. Это те счастливыцы, которым удалось выползти за свой передний край. Все мы имели один выход — сдаться в плен» (из показаний пленного обер-фельдфебеля 19-го артиллерийского противотанкового полка).

«Наши офицеры совершенно ничего не знали о реальной обстановке. Чтобы успокоить солдат, они уверяли, что наступают не русские, а мы» (из письма солдата 4-й роты 531-го дивизиона охраны береговой артиллерии).

«Мы удивляемся, что у русских так много артиллерии. Ведь Россия потеряла все основные промышленные районы», — говорили немецкие солдаты. Но под обстрелом «несуществующих пушек» многие немцы совершенно теряли самообладание и в безумии метались по сторонам.

«От роты, насчитывавшей 200 человек, осталось 45. Капитан Феттер приказал нам выбираться из окружения поодиночке» (из показаний командира взвода).

«Русские нападали с разных сторон и настолько неожиданно, что мы потеряли всякую ориентировку и неоднократно завязывали перестрелку со своими» (из воспоминаний начальника боевой подготовки унтер-офицерского состава одной из дивизий).

«У нас царил полный беспорядок. Никто не знал, какие деревни заняты русскими, а какие еще удерживаются. Потери были огромными. К вечеру 18 января из 24 самоходных орудий у нас осталось только 10. Но на следующее утро нас атаковали русские танки, и все орудия дивизиона стали добычей русских» (из показаний солдата 1-й батареи дивизиона самоходных орудий 11-й танково-гренадерской дивизии СС «Нордланд»).

Наши разведчики перехватили телефонный разговор немецких штабистов. «Что нам делать дальше?» — задал вопрос командир батальона связи начальнику оперотдела штаба 50-го армейского корпуса майору Лефельхольцу. Штабист невозмутимо произнес: «Сегодня получена телеграмма командующего армией генерал-полковника Линденмана: “Держаться при любых обстоятельствах”».

Победный протокол

Но о директиве берлинской Ставки «держаться до последнего солдата» и «наносить контрудары» никто уже и не думал. В отчаянии немцы нередко открывали огонь по своим, приняв однополчан за наших солдат. Ход битвы за Ленинград был предрешен.

Победное воссоединение бойцов, разгромивших немцев под Ленинградом

19 января 2-я и 42-я армии соединились в районе Ропши у деревни Русско-Высоцкая.

Сохранились уникальные документы. Вот, например, один из них, составленный прямо в поле, где только что шел ожесточенный ночной бой.

Акт О соединении солдат Пулкова и воинов Ораниенбаумского пятачка

1944 года, 20 января, 7 часов 55 минут. Восточнее населенного пункта Ропша один километр.

Мы, нижеподписавшиеся, представители 189-й стрелковой дивизии 42-й армии с одной стороны и представители отдельного лыжного батальона 43-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии с другой стороны, составили настоящий акт, заключающийся в нижеследующем:

20 января 1944 года в 7 часов 55 минут восточнее населенного пункта Ропша, выполняя приказ командования по окружению противника в районе Урицк — Петергоф, соединились... Этой совместной победой мы обеспечили безопасность Ленинграда от обстрелов и издевательств немецких оккупантов над населением города. Но этого мало. Мы приложим все силы, чтобы полностью освободить Ленинградскую область...

Вперед, на запад, за освобождение Ленинградской области!

Смерть немецким оккупантам!

Настоящий акт подписали:

Со стороны 189-й стрелковой дивизии:

начальник штаба 189-й сд Турьян;

замначальника политотдела 189-й сд подполковник Хармышев;

дивизионный агитатор капитан Медведев;

помощник начальника политотдела 189-й сд по комсомолу капитан Петров;

командир 891-го стрелкового полка подполковник Черныш;

заместитель командира 891-го сп по политчасти майор Щербаков;

командир 4-й стрелковой роты 864-го сп лейтенант Фисенко;

командир взвода 4-й стрелковой роты 864-го сп мл. лейтенант Витковский;

красноармеец разведвзвода 891-го сп Силев.

Со стороны отдельного лыжного батальона 43-й сд 2-й ударной армии:

замкомандира батальона по строевой части капитан Зорин;

замкомандира батальона по политической части капитан Попков;

командир взвода лейтенант Яковлев;

командир взвода лейтенант Власов;

командир отделения ст. сержант Терентьев;

командир отделения мл. сержант Тарасов;

красноармеец Добросов.

Ленинградцы узнали о полном снятии блокады

Любопытно: на листе бумаги оставили подписи и командиры, и рядовые. Это была общая победа. Общая радость.

К концу января фашисты были отброшены далеко от Ленинграда. Вечером 27 января над Невой прогремел еще один «январский гром» — салют из 24 залпов, выпущенный из 324 орудий. Эта дата вошла в историю как День ленинградской победы.

Салют ленинградской победы

День Победы — священный для нас праздник. Его невозможно представить без военного парада и салюта. Но также нет ни одного уголка нашей огромной страны, где бы минутой молчания не почтили память погибших родных и близких. В каждой семье кто-то не вернулся с фронта, кто-то погиб под бомбежками и артобстрелами, от голода и болезней. 9 Мая — день нашей общей победы, в которую свою лепту внесли простые солдаты и великие полководцы, большие города и крошечные поселки.

Салют 27 января 1944 года в честь полного освобождения Ленинграда от блокады
Фото П. Ф. Кудоярова, корреспондента газеты «Комсомольская правда»

В десять часов вечера

Есть давняя традиция: 9 мая в 22 часа во всех крупных городах России ежегодно гремит праздничный салют. Салют становится кульминацией торжеств.

А традиция отмечать крупные победы нашей армии артиллерийскими салютами зародилась в 1943 году, когда наметился перелом в войне. Первый артиллерийский салют состоялся в Москве 5 августа 1943 года в честь освобождения Орла и Белгорода.

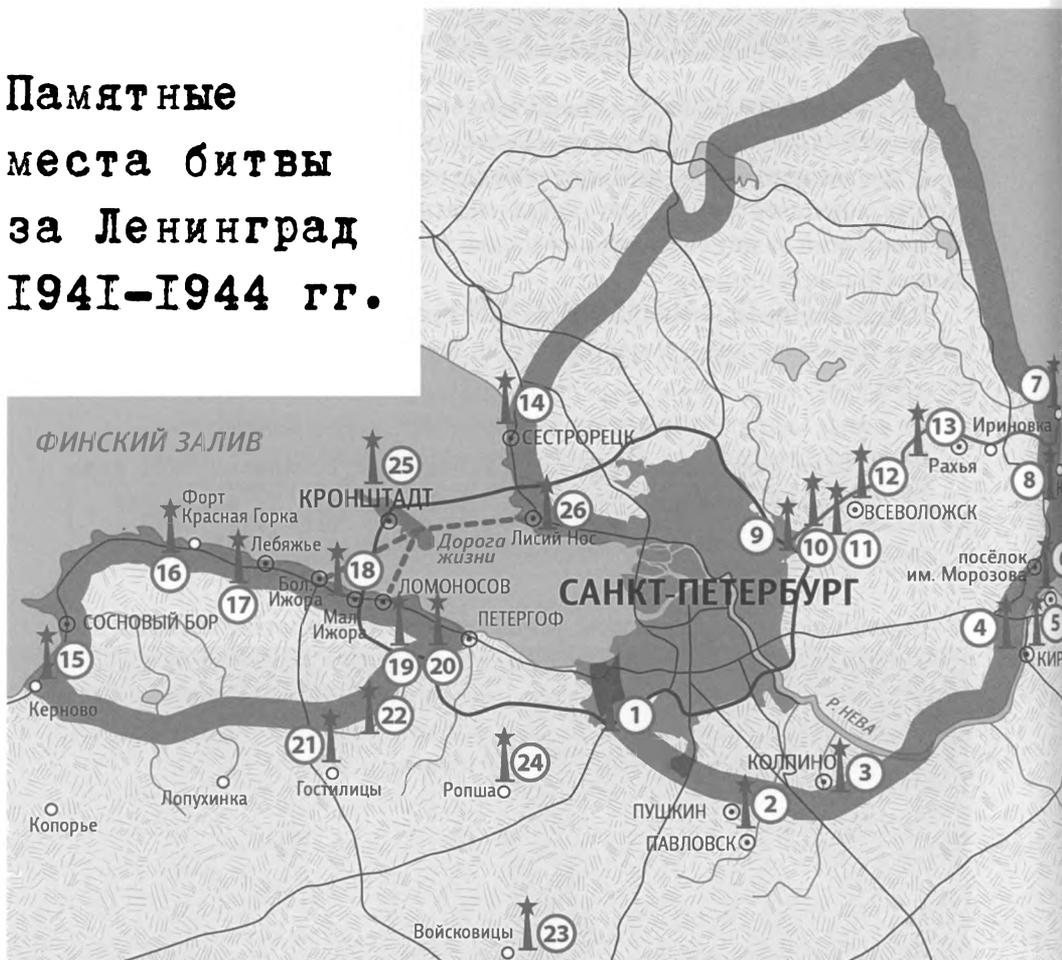
В годы Великой Отечественной было произведено 365 победных салютов. Самый грандиозный — 9 мая 1945 года. Все эти салюты состоялись в столице — Москве.

Один салют все же стал исключением. 27 января 1944 года в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады был дан торжественный салют над Невой.

Страна праздновала разгром фашистских войск в городе, который выстоял и нанес сокрушительный удар по врагу. До победы тогда оставалось еще больше года. Но никто уже не сомневался в ее неизбежности. Отзвук этого салюта — салюта ленинградской победы — все мы, петербуржцы и ленинградцы, с тех пор видим в каждом отсвете огней в праздничном небе.

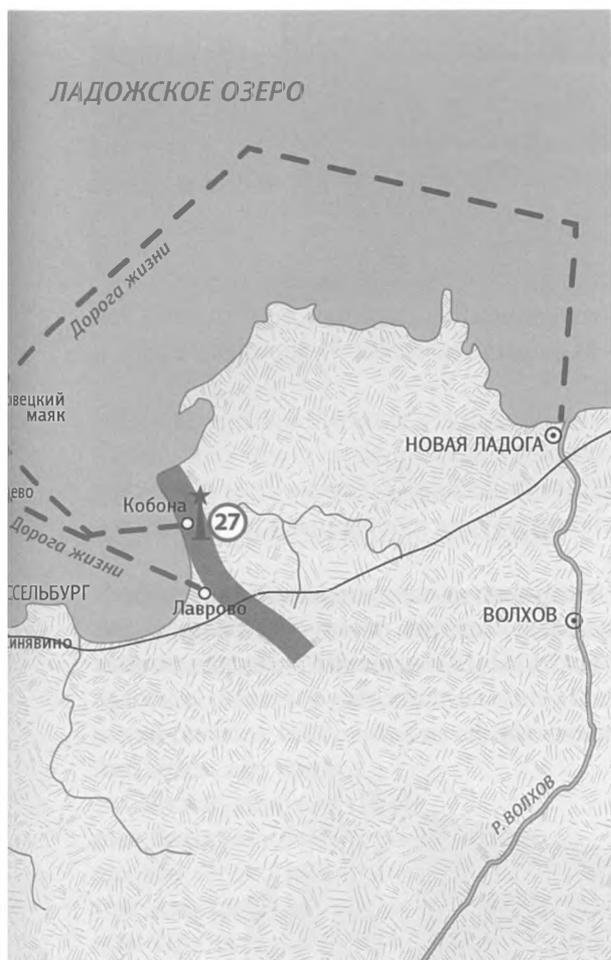
Памятные места битвы за Ленинград 1941–1944 гг.

1. Мемориал «Пулковский рубеж»
2. Мемориал «Ополченцы»
3. Мемориал «Непокоренные»
4. Мемориал «Невский пятачок»
5. Музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда»
6. Крепость Орешек
7. Музей «Дорога жизни»
8. Монумент «Разорванное кольцо»
9. Памятник «Регулировщица»

10. Мемориальный комплекс «Цветок жизни»
11. Памятник полуторке
12. Сохраненный участок Дороги жизни
13. Ириновский дуб
14. Выставочный комплекс «Сестрорецкий рубеж»
15. Мемориал «Берег мужественных»
16. Форт Красная Горка
17. Лебяжье
18. Город Ломоносов (Ораниенбаум)

19. Монумент «Малая дорога жизни» в Малой Ижоре
20. Мемориальный комплекс «Приморский»
21. Гора Колокольня
22. Монумент «Январский гром»
23. Войсковицы
24. Ропша
25. Кронштадт
26. Монумент «Дорога мужества» в Лисьем Носу
27. Кобона

Часть седьмая. Память

Блокада стала одной из самых трагических, но одновременно и самых ярких и героических страниц истории города на Неве. В 1965 году известный советский поэт-фронтовик Михаил Дудин выступил с инициативой создать масштабный мемориал — «Зеленый пояс Славы». Этот мемориал состоит из десятков памятников на рубежах битвы за Ленинград 1941-1944 годов.

Общая протяженность «Зеленого пояса Славы» составляет свыше двухсот километров. Первоначально задумывалось 26 монументов. Затем их дополнили еще 9 памятников на Ораниенбургском плацдарме и 7 на Дороге жизни.

С течением времени к ним добавляются все новые и новые монументы.

В этой главе мы рассказываем о некоторых памятных местах Зеленого пояса Славы. В скобках указаны цифры, обозначающие расположение монументов на карте.

На южных подступах к Ленинграду

Сооружение монументов Зеленого пояса Славы началось с южных рубежей обороны Ленинграда. Здесь в 1941-м шли ожесточенные бои.

Мемориал «Пулковский рубеж» (1) обозначает место, где в сентябре 1941 года было остановлено наступление немецких войск. Он установлен на южном склоне Пулковских высот, на 20-м километре Киевского шоссе. На горизонтальной бетонной стеле длиной 34 метра — мозаичное панно, посвященное боевым и трудовым подвигам ленинградцев, по сторонам, на южном склоне Пулковских высот, — два танка Т-34, дальше по шоссе — березовая аллея и бетонные противотанковые надолбы.

Мемориал «Ополченцы» (2) увековечил память защитников города, оставивших свои мирные профессии и взявших в руки оружие, чтобы остановить врага. Он находится на западной окраине Пушкина, на берегу реки Кузьминки. Рядом со стелой — два артиллерийских орудия и бетонные противотанковые надолбы.

У развилки дороги Пушкин — Колпино возвышается стела «Непокоренные» (3) с изображением атакующего бойца. Надпись гласит: «Здесь проходил передний край обороны советских войск. 1941-1944». Рядом — два подлинных артиллерийских орудия.

Легендарным стал «Невский пяточок» (4).

На «Невском пяточке»

Музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда»

Так условно называли плацдарм на левом, восточном берегу Невы напротив Невской Дубровки, который дважды (с осени 1941-го до весны 1942-го, а также с осени 1942-го до прорыва блокады Ленинграда зимой 1943-го) удавалось захватить и удерживать нашим бойцам в ходе битвы за Ленинград. Невский пятачок стал одним из символов мужества, героизма и самопожертвования советских воинов.

Музей-диорама «Прорыв блокады Ленинграда» (5) — это памятник тем, кто сражался в Южном Приладожье и погиб в боях за Ленинград. Музей расположен недалеко от города Кировска Ленинградской области.

В Шлиссельбурге в крепости Орешек установлен монумент защитникам этого острова-крепости (6), охранявшим Дорогу жизни на Ладожском озере у истоков Невы на протяжении пятисот дней и не пропустившим врага.

Мемориал в крепости Орешек

Музей «Дорога жизни» в Осиновце

Дорога жизни

В годы блокады единственной ниточкой, связывавшей Ленинград со страной, оставался путь через Ладожское озеро. Во время Великой Отечественной войны по нему была налажена транспортная магистраль, получившая впоследствии название Дорога жизни. В периоды навигации трасса шла по воде, зимой — по льду. Она действовала с 12 сентября 1941-го по март 1943-го, когда блокада была прорвана. У маяка Осиновец (7) на берегу Ладоги существует музей «Дорога жизни».

На сухопутной части Дороги жизни по шоссе А-128 Санкт-Петербург — Морье во Всеволожском районе сегодня можно увидеть целый комплекс памятников, посвященных героизму защитников Ленинграда.

Всего на Дороге жизни установлено 7 монументов, 46 памятных столбов вдоль шоссе и 56 столбов вдоль железной дороги. Все эти сооружения входят в Зеленый пояс Славы.

На 1-м километре Дороги жизни стоит памятник «Регулировщица» (9): на белом постаменте барельеф девушки в ушанке с флажком в поднятой руке. Любопытно, что прообразом стала реальная героиня — регулировщица на Дороге жизни Вера Ивановна Рогова.

Памятник «Регулировщица»

Памятник «Цветок жизни»

Мемориальный комплекс «Цветок жизни» (10) на 3-м километре, состоящий из монумента и восьми стел, на которых воспроизведены страницы знаменитого дневника ленинградской школьницы Тани Савичевой, посвящен детям блокады.

Монументы на Дороге жизни установлены на протяжении нескольких километров. Некоторые из них посвящены конкретным защитникам Ленинграда: «Балтийские крылья» — летчикам, «Катюша» — зенитчикам, бронзовая «Полторка» (11, 12) — шоферам.

Памятник «Полторка». И участок трассы Дороги жизни

Ириновский дуб

Но есть среди памятников и нерукотворные. Под сенью старинного дуба (13) у деревни Ириновка, признанного памятником живой природы России, по легенде, отдыхал перед отъездом на Отечественную войну 1812 года великий полководец Михаил Илларионович Кутузов. Сегодня этот дуб можно смело считать символом стойкости ленинградцев. Ведь, несмотря на кровопролитные бои, бомбежки, обстрелы, смерть и ад, дерево выстояло, и его мощной кроной приезжают любоваться наши современники.

Памятник-паровоз, работавший на Дороге жизни, установлен на железнодорожной станции «Ладожское озеро».

«Паровоз»

Монумент «Разорванное кольцо»

Но самый, пожалуй, узнаваемый монумент — «Разорванное кольцо» (8). Он возведен на 40-м километре Дороги жизни, на берегу Ладожского озера близ деревни Коккореево. Именно в этом месте находился Вагановский спуск на ледовую трассу Дороги жизни, по которой были привезены в город тонны долгожданного хлеба и спасены сотни тысяч блокадников.

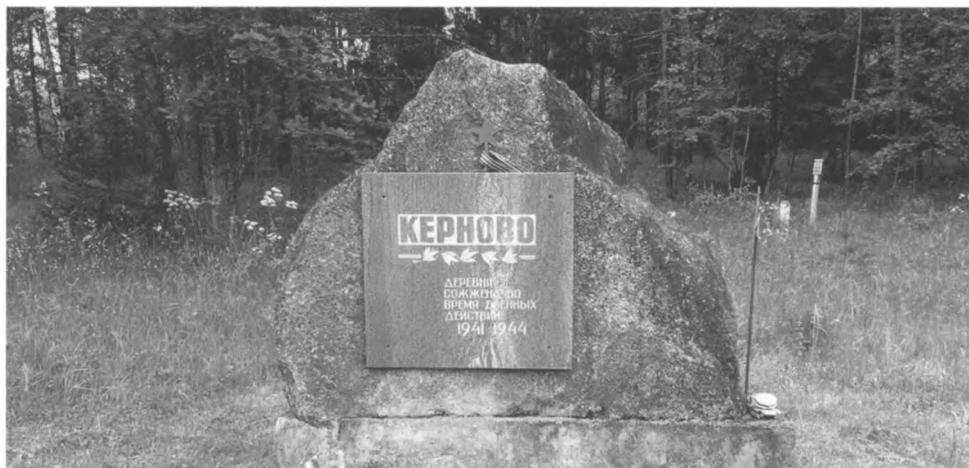
На противоположном берегу Ладоги, в деревне Кобона (27), также установлен обелиск в память о блокадной Дороге жизни.

Сестрорецк

Выставочный комплекс «Сестрорецкий рубеж» (14) расположен в городе Сестрорецке на территории Сестрорецкого Батальонного района обороны Карельского укрепрайона, так называемой «линии Сталина». Экспонаты этого уникального музея под открытым небом наглядно отвечают на вопрос, почему финские войска не смогли продвинуться ближе к Ленинграду.

Выставочный комплекс «Сестрорецкий рубеж»

Памятный камень «Деревня Керново»

«Берег мужественных»

На 103-м километре шоссе Санкт-Петербург — Усть-Луга в сентябре 1941 года около деревни Керново на восточном берегу реки Воронки было остановлено наступление фашистских войск. Рубеж держал оборону до 1944 года, вплоть до момента полного освобождения Ленинграда от вражеской осады. Монумент «Берег мужественных» сооружен в 1967 году. Он представляет собой бетонную стелу длиной 30 метров с латунными барельефами защитников Ленинграда, рядом — подлинные противотанковые надолбы, свезенные к мемориалу с рубежей обороны. Недалеко от мемориала — памятный камень, напоминающий, что здесь когда-то находилась деревня Керново (15), разрушенная войной.

Монумент «Берег мужественных» у реки Воронки

Форт Красная Горка

Героическая крепость, построенная накануне Первой мировой войны, сыграла огромную роль в годы блокады. Мощные орудия форта остановили продвижение врага к Ораниенбаумскому плацдарму. Благодаря артиллерии и гарнизону форта все годы блокады удавалось держать противника на расстоянии от важнейших объектов этого рубежа обороны осажденного Ленинграда. Пушки Красной Горки участвовали в батареейной дуэли с артиллерией противника, подавляя ее при попытках обстреливать Ленинград, Кронштадт и Ораниенбаум. В дни операции «Январский гром» орудия форта обеспечили наступление наших войск, которые окончательно сокрушили оборону немцев, и Ленинград был полностью освобожден от вражеской осады.

Красная Горка

В настоящее время в форте Красная Горка (16) находится народный музей. Его посетители могут узнать многие малоизвестные подробности о блокаде, осмотреть территорию крепости, растянувшуюся на несколько километров, увидеть уникальные орудия, спуститься в бетонные катакомбы, познакомиться с коллекцией уникальных находок, сделанных поисковиками в последние годы.

Лебяжье

Здесь у трассы, соединяющей Санкт-Петербург с городом Сосновый Бор, установлен мемориал «Защитникам ленинградского неба. 1941-1945» (17). Центральный памятник монумента — реальный самолет Ил-2. Одна из мемориальных досок гласит: «Двухместный штурмовик Ил-2. Создан в 1939 году КБ С. В. Ильюшина. Вооружение 2х23 мм пушки, 2х7,62 мм пулемета, 1х12,7мм пулемет, бомбовая нагрузка — 600 кг. За годы войны выпущено 36 163 самолета. Этот штурмовик защищал небо над Ленинградом и Балтийским морем. На Ил-2 сражались и пали смертью храбрых 1350 летчиков авиаполков, базировавшихся на аэродроме «Борки»».

Город Ломоносов

В 1948 году город Ораниенбаум был переименован в Ломоносов (18) в честь великого русского ученого, основавшего недалеко от города стекольный завод, на котором производилась смальта для мозаичных полотен.

В городе Ломоносове немало мест — свидетелей блокады. Здесь в гавани стоял легендарный крейсер «Аврора».

В подвалах собора Архангела Михаила прятались от обстрелов и бомбардировок сотни семей мирных жителей.

В усадьбе «Дача Максимова» (Краснофлотское шоссе, 16) в годы блокады располагался детский дом, в котором спасли от верной смерти десятки малышей.

Город Ломоносов в наши дни

Мемориал погибшим защитникам Ораниенбаума

В одном из флигелей Меншиковского дворца (Дворцовый проспект, 50) в годы блокады работала Парковая школа.

В Центральной библиотеке Ломоносовского района имени Н. А. Рубакина (Швейцарская улица, 14) собран богатейший материал о блокаде, участниках обороны Ораниенбаумского плацдарма и Малой дороге жизни.

В городе Ломоносове (Профсоюзная улица, 7) расположен небольшой, но очень насыщенный информацией и уникальными экспонатами Историко-краеведческий музей Ломоносовского муниципального района Ленинградской области.

На Краснофлотском шоссе у храма Святой Живоначальной Троицы расположен мемориал «Малая Пискаревка». Здесь похоронены более пяти тысяч жителей города и воинов-защитников Ораниенбаумского плацдарма, погибших в годы блокады.

Малая Ижора

На съезде с кольцевой автодороги (19), на месте, где начиналась ледовая трасса Малой дороги жизни, установлен памятный обелиск.

Гостилицы

Недалеко от поселка на горе Колокольня стоит обелиск защитникам этой стратегической высоты (21).

«Январский гром»

В районе 19-го километра Гостилицкого шоссе (22), на месте, где с 1941 года проходила граница Ораниенбаумского плацдарма, а 14 января 1944 года началась наступательная операция «Январский гром», установлен бетонный пилон высотой 8 метров с мемориальной доской и барельефами защитников Ленинграда.

Войсковицы

В этой деревне в память о легендарном танковом сражении, в ходе которого один советский танк КВ-1 под командованием Зиновия Колобанова уничтожил в августе 1941 года 22 танка противника, установлен на постаменте танк (23) времен Великой Отечественной войны.

Мемориальный комплекс «Приморский»

Расположен у границ Петергофа вблизи Петродворцового часового завода и Английского парка — на развилке дорог на Ломоносов и Гостилицы. Здесь

Мемориальный комплекс «Приморский» в Петергофе

в октябре 1941 года остановили фашистов и не дали им захватить Ораниенбаум. С этого момента вплоть до снятия осады Ленинграда на развилке этих дорог находился восточный рубеж Ораниенбаумского плацдарма (20).

Ропша

На развилке Стрельнинского и Краносельского шоссе на постаменте установлен тяжелый танк КВ-1 № 9854, который 19 января 1944 года первым ворвался в Ропшу, но был подбит немецкой противотанковой артиллерией. Текст на мемориальной доске гласит: «В этом районе 19 января 1944 года танкисты Ленинградского фронта, наступавшие из района Ораниенбаума и из района Пулково, сомкнули стальное кольцо вокруг группировки фашистских убийц, обстреливавших из артиллерии город Ленинград» (24).

Стоит отметить, что в мире сохранилось не так уж много танков КВ-1. Поэтому монумент в Ропше — уникальный не только исторический, но и технический раритет.

Музей истории Кронштадта

Кронштадт

На протяжении всей Великой Отечественной войны Кронштадт оставался городом-крепостью, базой Балтийского флота, центром по производству оборонной продукции.

Именно в Кронштадт в августе 1941 года были эвакуированы корабли Балтийского флота. Батареи города и кораблей прикрывали от обстрела Ленинград, ведя огонь по вражеским позициям, отбивая атаки фашистской авиации. Из Кронштадта даже в самый тяжелый период блокады выходили в поход подводные лодки, настигая врага в Балтийском море и у берегов Германии.

В дни полного освобождения Ленинграда от блокады город-крепость вел смертельный огонь по позициям противника, обеспечивая наступление наших войск.

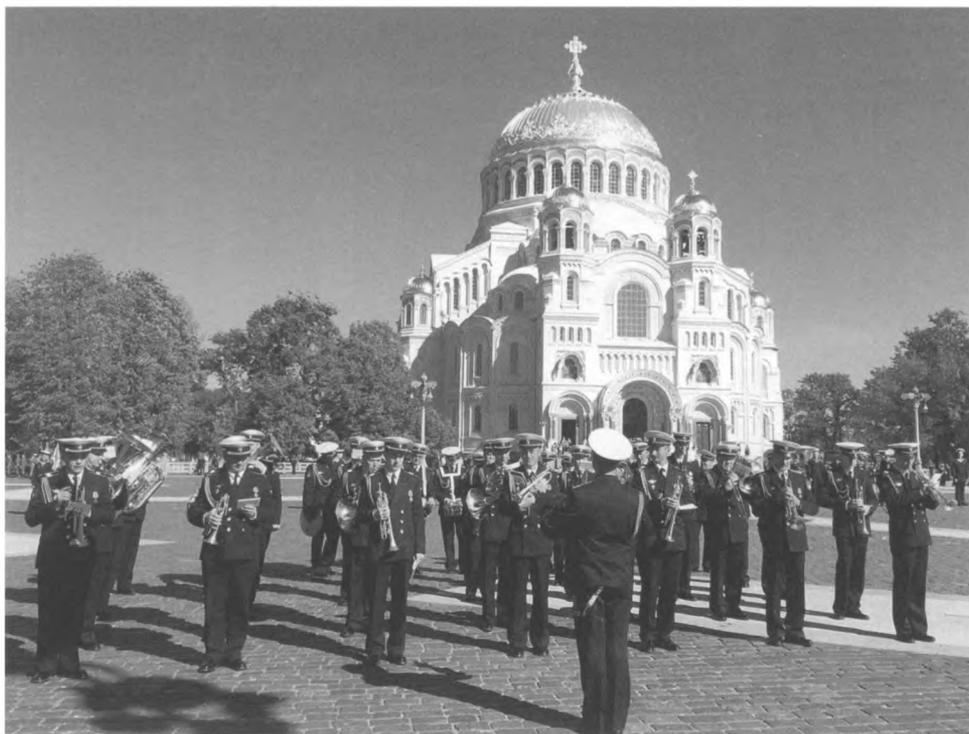
Когда фашисты были отброшены далеко от стен Ленинграда, корабли Балтийского флота развернули масштабные морские операции.

На улице Восстания установлен памятник Малой дороге жизни. Он расположен у арки Кронштадтской крепости, в которую въезжали полуторки с хлебом для голодающего города. Через нее — по льду Финского залива — в сторону Лисьего Носа шли караваны и потоки эвакуирующихся из Кронштадта и Ораниенбаума.

На пересечении улицы Восстания и Флотской установлен необычный монумент: ограждение рубки подводной лодки С-156. Мемориал посвящен «Морякам-подводникам Балтики. Живым и мертвым».

Напротив павильона мареографа Кронштадтского футштока можно увидеть скульптурную композицию в честь рыбки колюшки, в годы Ленинградской блокады спасшей от голодной смерти тысячи жителей города.

В настоящий мемориальный комплекс превращена главная площадь Кронштадта — Якорная, над которой возвышается величественный Морской собор. Здесь горит Вечный огонь в память о героях. На площади расположена ору-

Морской собор в Кронштадте

Пушка с линкора «Октябрьская революция»

дийная артиллерийская установка с линейного корабля «Октябрьская революция». Командиром орудия был старшина 1-й статьи Иван Томбасов, ценой своей жизни спасший корабль от взрыва 16 апреля 1943 года. Рядом установлены два кормовых якоря того же линкора «Октябрьская революция» и часть брони башни орудий главного калибра. Вдоль площади — Стена Славы в память о защитниках Кронштадта и Ленинграда, погибших во время Великой Отечественной войны, с 24 мемориальными досками.

Недалеко от Морского собора (Якорная площадь, 2А) расположился Музей истории Кронштадта (25).

Лисий Нос

В поселке Лисий Нос — тихом курортном местечке у Петербурга — сегодня уже мало что напоминает о легендарной Малой дороге жизни. Хотя остались следы узкоколейной железной дороги, по которой в военное время передвигался бронепоезд «Сталинец» и шли составы с грузами для Кронштадта и Ораниенбаумского плацдарма. На берегу залива сохранились руины старого арсенала и каменного рукотворного пирса, уходящегося в море.

Благополучно пережила войну и годы воинствующего атеизма деревянная Князь-Владимирская церковь на пересечении Маринского и Балтийского проспектов. Здесь в годы блокады шел сбор средств на танковую колонну «Дмитрий Донской» и здесь были освящены построенные танки.

В средней школе № 438 Приморского района Санкт-Петербурга на Ново-центральной улице, 21А, действует небольшой, но прекрасный школьный музей.

В 2015 году в Лисьем Носу установлен величественный монумент «Дорога мужества» (26), который и дал старт нашему повествованию. Новый памятник в честь Малой дороги жизни, защитников Ленинграда, воинов, сокрушивших врага и принесших народу долгожданную победу, достойно продолжает традиции нашей памяти о Великой Отечественной войне и блокаде.

Бронзовый солдат стоит в Лисьем Носу и смотрит не столько в сторону залива, сколько в наши души: не забывайте нас, берегите память о каждом, кто помог прорвать блокаду и приблизить победу.

Мы надеемся, что эта книга заставит читателей заглянуть в семейные альбомы и обратиться в государственные исторические архивы, чтобы узнать больше не только о самой войне, но и о своих близких, защищавших страну и наше будущее. Победу одержали наши предки. Они сохранили для нас страну. Сегодня пришло время нам стать хранителями памяти о них, чтобы передать дальше по цепочке новым поколениям.

Памятник в Лисьем Носу

Литературно-художественное издание

Аграфенин Анатолий Александрович

НЕИЗВЕСТНАЯ БЛОКАДА: МАЛАЯ ДОРОГА ЖИЗНИ

Выпускающий редактор *Н. Г. Берзина*

Редактор *Е. А. Кульков*

Компьютерная верстка *О. М. Белова*

Корректор *Т. Ю. Иванов*

В книге использованы фотографии и фоторепродукции Анатолия Аграфенина, а также фотоиллюстрации из архивов Музея истории Кронштадта, Историко-краеведческого музея Ломоносовского района, музея школы № 438 Приморского района Санкт-Петербурга (поселок Лисий Нос), Музея Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе РАН, Центральной библиотеки Ломоносовского района имени Н. А. Рубакина, военно-исторического общества «Красная Горка».

Подписано в печать 01.12.2017.

Формат издания 70×100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,0. Тираж 2000 экз.

Фонд «Созидающий мир».

Отпечатано в ООО «Типография НП-Принт»

И Й Э А

Ораниенбаум

Петергоф

Ст

2 уд. А

Петровская

18 А
(нем)

Порожки

Новая

Ропша

Дятлицы

Русско-
Высоцкое

Кипень

И В

ЛЕНИНГРАД

КБФ

льна

Лигово

Урицк

Пулково

Красное Село

42 А

Дудергоф

Пушкин

Павловск

Ижора

ПРОЕКТ ВЯЧЕСЛАВА ЗАРЕНКОВА
СОЗИДАЮЩИЙ МИР

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Мы много знаем о блокаде, однако какие-то эпизоды все равно остаются в тени истории. С годами забываются факты, даты, имена. И это несправедливо. Вот почему фонд «Созидающий мир» и медиахолдинг «Комсомольская правда» решили подготовить эту книгу о малоизвестных событиях блокады Ленинграда.

Отправной точкой нашего исследования стал пригородный поселок Лисий Нос. Здесь установлен монумент «Дорога мужества»: солдат в зимней шинели и ушанке держит фонарь в вытянутой руке. За его спиной — мешки с мукой, спасенные из только что скрывшейся подо льдом машины. Авторы монумента — скульпторы Виктор Новиков и его ученик Андрей Поляков, архитектор Вячеслав Заренков.

Памятник посвящен Малой дороге жизни, снабжавшей в годы Великой Отечественной войны Кронштадт и Ораниенбаум, оказавшиеся в двойном кольце вражеской блокады.

ISBN 978-5-9500340-0-8

9 785950 034008